

Л. Фандеева
Ангел, потерявший
крылья

16+

Лилия Фандеева

Ангел, потерявший крылья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66295570

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94717-7

Аннотация

Семья коренных ленинградцев возвращается в родной город после службы в армии и девять лет живёт дружно и счастливо. Дочь Виктория собирается выйти замуж, но попадает в неприятную историю и принимает решение вернуться в город детства и юности. Что ожидает её на почти родной земле? Какие тайны и сюрпризы откроет и приготовит ей судьба?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	43
Глава 3	80
Глава 4	100
Глава 5	124
Глава 6	150
Глава 7	164
Глава 8	200
Глава 9	233
Глава 10	255
Глава 11	282
Глава 12	311
Глава 13	347

Лилия Фандеева

Ангел, потерявший крылья

Пролог

Часы показывали полночь, когда скорая доставила роже-ницу с кровотечением. Виктория открыла обменную карту, «пробежала» её глазами и взглянула на сопровождающего её мужа.

– Вы получили направление в стационар утром, почему не приехали сразу?

– У нас по сроку было время, чтобы в выходные выехать за город. Я знаю, вы перестраховываетесь, чтобы больше заработать на пациентах, был уверен, что самочувствию жены ничего не угрожает в ближайшие два дня.

– Согласно диагнозу, вашей жене показано плановое ке-сарево сечение. Вы понимаете, что плана уже никакого не будет? Ваша уверенность в собственных ощущениях и нега-тивное отношение к врачам могут плохо закончиться.

– Так сделайте что-нибудь. Я плачу вам такие деньги, что вправе требовать квалифицированную помощь. Вызывайте другого врача, да хоть господ Бога, но спасите мне жену и ребёнка, иначе я вас по судам затаскаю, – срывался он на крик.

– Молитесь! – глаза Виктории стали тёмно-синими. – Везите мамочку в операционную. Даю две минуты. – Ну что, Александр Борисович, – обратилась она к интерну, – будешь ассистировать, читай и одевайся. Анестезиолог и неонатолог на месте, можно работать.

– Как она решилась рожать с таким букетом диагнозов? – обменная карта перешла в руки анестезиолога.

– Олег Николаевич, сегодня многое зависит от тебя. Ты уж постарайся удержать её.

Пока анестезиолог разговаривал с пациенткой, шли последние приготовления. Сама процедура «кесарева сечения» занимает от пятнадцати минут до получаса, если все показатели в пределах нормы. На этот раз операция затянулась. Малыш появился на свет без проблем. Неонатолог оценил состояние новорождённого в восемь баллов, а вот у роженицы начались проблемы с отделением плаценты.

– Пять единиц окситоцина на глюкозе. – Олег Николаевич, внимательно следи за давлением и потерей крови. – Будем ждать.

– Вика, ты рискуешь. Давление падает, кровопотеря близка к критической. Кто мог предположить вращение плаценты. Удаляй её вместе с маткой, – волнуясь, сказал Климов.

– Не говори под руку. Закончил с ребёнком, позвони Светлане Андреевне, пусть будет в курсе. Вращение частичное, а «близка» – это наш шанс. Звони, а я начну, помолясь.

– Виктория Сергеевна, вспомни Андрея Степановича и

у тебя всё получится, – поддержал её анестезиолог. – Я всё контролирую. Женщина знала, на что шла, хотя, как раз этого, она и не ожидала. Просила сделать выбор в пользу ребёнка.

– Саша, думай, что мы принимаем обычные роды. Создай мне это положение. Расширитель! – Пальцами левой руки она широко развела половые губы, а кисть правой, сложила и ввела во влагалище, а затем в матку. Спазм маточного зева сильно сдавил руку, что сделало невозможным дальнейшую манипуляцию. Спустя пару секунд, это стало возможным. Она определила край плаценты и начала осторожно отделять её от стенки матки, работая двумя руками из разного положения. Работа была почти ювелирная. Дело двигалось медленно, но двигалось. Нельзя было допустить травму стенок. Она извлекла отделившийся послед за пуповину, удалила сгустки крови, тщательно проверила полость матки. – Начинаем шить, продолжить окситоцин, восстанавливаем кровопотерю, – она подмигнула интерну. – Как дела, Олег Николаевич?

– Давление в пределах нормы при такой кровопотере. У тебя есть десять минут, а ей понадобится после наркоза отдых минимум на сутки.

– Она их заслужила. Спасибо ей, что сумела нам помочь, – Виктория продолжала работать, волнение прошло и привычное дело спорилось. – Всем спасибо, – снимая маску, говорила она.

– Сейчас два часа сорок минут. Операция закончена, – глядя на «учителя», улыбнулся интерн. – Осталась бумажная работа. Я все пометки сделал.

– Олег Николаевич, будешь сдавать смену, навести нашу мамочку. Думаю, ей будет полезна твоя консультация. Кажется, ты ей понравился в беседе. К таким людям относятся доверительнее, чем к тем, кто их режет. А мы с Александром Борисовичем займёмся писаниной. – Они вышли из операционной и заметили мужчину, о присутствии которого Петровская забыла. – Саша, ты иди. Я совсем забыла о папаше. – Виктория присела на диван рядом с мужем пациентки, который этого даже не заметил, проведя здесь второй час. Он сидел, обхватив голову руками, и покачивался, словно успокаивая себя. Доктор осторожно положила свою руку ему на плечо. – Успокойтесь, папочка. Поздравляю вас с сыном. У вас прекрасный малыш. Сейчас ваша жена спит, а часов через четыре-пять вы можете её навестить и познакомиться в детском отделении с сыном, – чуть похлопывая своей рукой по его плечу, говорила она. – Пока жена будет спать, и вам следует отдохнуть. Поезжайте домой и не волнуйтесь.

– Спасибо, Виктория Сергеевна. Извините меня за резкость. Это от волнения. Почему она будет спать так долго? С ней точно всё в порядке?

– Сейчас она под анестезией. Дайте ей время отдохнуть. Были некоторые особенности, которые встречаются редко. Я расскажу вам о них, когда вы придёте в себя. Мне нравит-

ся, когда муж так искренне переживает за жену и ребёнка, очень нравится, когда женщина приходит сюда одна, а уходит вдвоём с малышом. Всё у вас будет хорошо. Ваша жена очень рискованная женщина, но, думаю, вы сможете прийти к нам ещё раз, – улыбнулась она, поднимаясь и направляясь в ординаторскую, где её ожидал «ученик» и неонатолог Климов. Пока она заполняла протокол операции и карту пациентки, коллеги приготовили чай.

– Ты понимаешь, что рисковала? – нарушил молчание Виктор Климов.

– Это она рисковала. Нам всем повезло, что её организм «заблокировал» угрозу атаки со стороны любого диагноза. Чего ты, Виктор Алексеевич, от меня ждал? Что я, по-твоему, должна была сделать? Ты видел её обменную карту? Ребёнок родился здоровым, и ничто не предвещало прикрепление плаценты. Помнишь, какая она операция по удалению матки? Она не менее опасно при её диагнозах. Уверен, что я бы с ней справилась в одиночку? А какая психологическая травма для любой женщины? Пойми, мы могли её потерять с маткой или без неё. Мой главный козырь был Олег Николаевич. Без его присутствия я бы запаниковала. Саша пока в таких ситуациях плохой советчик, а больше спросить мне, извини, не кого, да и некогда было. Будем спорить с Сократом, что мы не Боги или согласимся? Кофе без сахара и чего-нибудь найди перекусить. У меня аппетит проснулся, а вы можете вздремнуть, коллеги. Пара часов у вас есть.

Она уже дважды подходила к дежурной сестре, интересуясь состоянием пациентки. Войдя в третий раз в палату интенсивной терапии, Виктория заметила, что она проснулась.

– Как вы себя чувствуете?

– Немного болит живот, слабость, но я такая счастливая.

Спасибо вам, Виктория Сергеевна.

– Вам придётся у нас задержаться, и первое время соблюдать все рекомендации. Готовьтесь к уколам и капельницам, к визитам специалистов, согласно букету ваших диагнозов. Справитесь без бунта?

– Я всё понимаю, но я должна была рискнуть. Ко мне заходил Олег Иванович. Мы недолго поговорили. Он такой внимательный, а вы – наш добрый ангел. Сказал, что мой сын здоров. Я могу его увидеть?

– Можете, но чуть позже. У вас красивый и здоровый малыш. Сегодня дежурит прекрасный врач. Думаю, она позволит вам увидеться и даст дельный совет. Быстрее приходите в себя. У вас впереди много приятных хлопот. Да, мужа не теряйте. Он провёл здесь почти всю ночь, и мне стоило больших трудов отправить его домой. После обхода, вас переведут в палату, вернут ваши вещи, и вы сможете ему позвонить. Приём у нас с десяти часов. Отдыхайте.

– Доктор, а у вас есть дети?

– Пока нет, но мы над этим усиленно работаем, – улыбнулась Петровская и вышла из палаты.

Не успев попасть в ординаторскую после третьего «обхо-

да», услышала из-за двери телефонный звонок. Звонила заведующая отделением:

– Виктория Сергеевна, зайдите ко мне.

– Через пять минут, раньше не смогу, извините, – она присела к столу, взглянула на часы, которые показывали 07:30, опустила голову на сложенные на столе руки и прикрыла глаза. Ей нужно было ещё раз воспроизвести события ночи, быть предельно краткой и чёткой, сдавая дежурство Климовой. Смена выдалась непростой. Так бывает, но не часто, когда роженицы попадают в отделение «очередью». До полуночи всё прошло естественным путём без каких-либо проблем, а вот кесарево сечение заставило принять решение, несколько рискованное, но единственно правильное. В данную минуту она была благодарна Зиновьеву за «уроки». Она впервые сделала это самостоятельно, но была уверенная в том, что это возможно, и она справится. Из семи лет медицинского стажа, она работала в этой клинике неполный год, придя сюда из городского роддома. Не «высовывалась», но и не могла работать без полной отдачи. «Значит ты, братец, стукач, – подумала она, вспоминая неонатолога Климова, – иначе Светлана Андреевна не звонила, а дождалась смены. Нажаловался, стервец. Ничего, ты сам скоро придёшь к тому, что я всё сделала правильно. Матку нужно было сохранить. Возможно, мама придёт к нам ещё раз, – теперь она говорила вслух. – Мне всё труднее работать с тобой в одну смену и сохранять спокойствие. Да, я получила это место при твоей

непосредственной помощи, но сразу отвергла твои ухаживания. Мы не ссоримся, не спорим, но и не дружим, а ты всё время пытаешься меня «тормозить», как будто боишься, что я допущу ошибку и делаешь это слишком категорично. Это своего рода месть или отеческая забота? Жалею ли я о том, что пришла работать в клинику? С одной стороны, жалею. Мне было бы проще, вообще, не знать семью Климовых и жить спокойно. То, что я узнала, не даёт мне права их обвинять, а вызывает некое сочувствие. С другой стороны, я работаю с профессионалами, у которых есть чему поучиться, где нет проблем с оборудованием, инструментами, препаратами, где всё на уровне, ничего не мешает работать, а я получаю хорошие деньги. Как бы всё сложилось, не сбеги я из дому шесть лет назад? – она поднялась из-за стола, взглянула на себя в зеркало. – Хватит Вика рассуждать! Пора на вызов к Светлане Андреевне! Не заставляй себя ждать», – подмигнув своему отражению в зеркале, Виктория покинула кабинет.

– Разрешите? Доброе утро.

– Входите, Виктория Сергеевна, присаживайтесь. Как там ваши пациентки? Об операции мне доложили, а подробности я хочу услышать от тебя. Не сердись на Виктора. Устала?

– Немного. Поеду домой и отдохну. Вы передайте Андрею Степановичу, что я справилась, повторяя его приём, – ответила Виктория и рассказала, как всё прошло.

– Ты молодец! Я прослежу за пациенткой, а ты отдыхай, –

она на секунду замолчала, внимательно посмотрев на доктора. – Вика, дело прошлое, но один вопрос не даёт мне покоя. О чём зимой ты говорила с моим отцом? Вы ведь даже не знакомы?

– Для вас, моё присутствие на его операциях, не секрет. Я не пропустила ни одну, с тех пор как пришла к вам. После операции Андрей Степанович пригласил меня сюда. Он больше спрашивал, а я отвечала на его вопросы: кто? когда? откуда? почему? Вас что беспокоит? Что-то с ним не так?

– Не знаю, как это объяснить. Он стал какой-то молчаливый, задумчивый, как будто хочет о чём-то рассказать, но не решается.

– Может, стоит дать ему время, не настаивать, не торопить, и он сам откроется вам. Пожилые люди, как дети. Моей бабушке семьдесят семь лет. Она, если и хранит тайны, то только сердечные, а на остальные у неё не хватает терпения. Я могу идти?

– Отдыхай. Хороших вам выходных.

Глава 1

Виктория Петровская была единственным ребёнком в семье военного врача и учительницы математики. Её родители были коренными ленинградцами, но поженившись, после получения дипломов, отправились в Сибирь. Этому не приняли родители Сергея Павловича и Татьяны Ивановны. С этих пор отношения между новыми родственниками не сложились. Они не понимали молодёжь, которая могла, но не осталась служить и работать ближе к родителям. Приезжая раз в год в отпуск, Петровский жил у матери, а его жена в семье своих родителей. Вике это доставляло огромное удовольствие. Она жила то с мамой, то с отцом, при этом не испытывая неудобств. В силу своего возраста, не понимала, почему бабушка Софья не любит маму и при каждом удобном случае напоминает о том, что внука не похожа ни на кого из их рода. Если Сергей и Татьяна Петровские были темноволосые и кареглазые, то Вика была светловолосой девочкой похожей на ангела с васильковыми глазами и слегка вздёрнутым носиком. С детским садом ей «повезло», а свои школьные годы, ей вспоминать не хотелось. С самого первого класса к ней приклеилось прозвище Дюймовочка. Она была меньше и мельче всех в классе, и за девять лет учёбы ничего не изменилось. Все эти годы первая парта ждала её. После перехода из третьего класса в пятый, стало ещё слож-

нее. Теперь все знали, что мама Вики учительница математики, поэтому дружить с ней «опасно». Для девочки – хорошая учёба и примерное поведение звучали, как приговор. Но даже при таком положении дел, она смогла окончить музыкальную школу, посещала студию акробатического танца и не чувствовать себя одинокой в обществе соседа и сына друга отца Александра Старкова. Мальчишке это не нравилось, но просьбу отца он исполнил, уделяя девочке часа два в день. «Ты, Сашка, не переломишься, а, смотришь, и научишься у Вики порядку в делах и мыслях, а может, и повзрослеешь, чувствуя ответственность за девчонку». Они учились в одной школе, жили в одном доме – минус час. Разница в возрасте два года позволяла рыжему «верховодить». Став взрослее, отношение Саши к Вике изменилось. Если Вика была Дюймовочкой, то Санька был «Рыжий конь», так называла его подружка. Эта были противоположности. Виктория – педантичная, внимательная, аккуратная, и Александр – рассеянный, ленивый и необязательный. Вику не нужно было заставлять что-либо сделать – стоило только попросить, и она это делала, пусть и без особого энтузиазма. Она знала слово «надо», а ещё очень любила родителей, чтобы оставлять домашние дела на них. Саша был не только единственным сыном, но и единственным внуком и это многое объясняло. Родители матери души не чаяли во внуке и всегда были на его стороне. Саша этим пользовался лет до четырнадцати, когда перевоспитывать его было поздно. Утешало одно – он

учился без троек. Как бы там ни было, но в семнадцать Саша влюбился в Вику, которой едва исполнилось пятнадцать лет. Теперь он по собственному желанию уделял ей время. Возможно, отношения между ними и сложились, но в конце девяностых годов ряд воинских частей сократили, сокращению подлежали и многие сотрудники госпиталя. Сергей Павлович Петровский в свои сорок три года имел выслугу двадцать пять лет и стал пенсионером. Он получил жилищный сертификат весной девяносто восьмого года и улетел в Питер, оставив до конца учебного года жену и дочь на старом месте. Александру исполнилось восемнадцать, он окончил среднюю школу, готовился к поступлению в университет. Вика окончила десятый класс, собираясь поступать в следующем году в медицинский вуз. Отец всегда ей говорил: «Пальцы хирурга – это пальцы музыканта», а ей очень хотелось походить на отца. Вика любила маму, которая её многому научила, но отца она видела реже. Возможно, поэтому она тянулась к нему больше. Уезжая с мамой в Питер, расставание с Санькой далось ей тяжело. Плакала Вика, уткнувшись в грудь Саши, плакала мама, роняли слёзы супруги Старковы, в довершение всего, пошёл летний дождь. Всем разрешили войти в тамбур вагона, где они простояли до самого отправления поезда. «Прекращайте рыдать, – сказала, подмигнув, проводница вагона. – Дождь к хорошей дороге». Казалось, всё давно было сказано-пересказано, а расставаться не хотелось. Татьяна Ивановна дала дочери право

выбора: она остаётся на месте и оканчивает среднюю школу здесь, либо учиться в Питере, а на каникулы прилетает сюда. Виктория знала причину переезда ещё год назад. В городе на Неве жили родители родителей, которым было за шестьдесят лет. Теперь, когда отец окончил службу, семья решила сменить место жительства, и Вика поддержала решение. Она не рискнула остаться и жить вдали от родителей, помнила, с каким трудом удалось купить билеты на поезд, и согласилась уехать. Сашка, обнимая подругу, просил её чаще писать, звонить, обещал приехать до призыва в армию, если сам не поступит в университет. Первое время Вика очень скучала, в ожидании звонка или письма. Устройство на новом месте и смена школы помогли ей немного отвлечься. Переехав в северную столицу, Вика изменилась кардинально. Ей исполнилось шестнадцать, она разбиралась в моде, но больше полагалась на свои ощущения. Определив для себя удобство в одежде, функциональность и универсальность, она придерживалась всего двух принципов: сочетание в них цветов и ухоженная внешность, чтобы не превратиться в городскую сумасшедшую. А что может быть более удобным и универсальным, чем брюки, джинсы, рубашки и пуловеры? К началу одиннадцатого класса при росте в сто шестьдесят три сантиметра, она весила пятьдесят килограммов, и считала эти параметры вполне для себя нормальными. Она сделала новую стрижку, укоротив длину волос, которые стали года два назад тёмно-русыми вместо светло-русых. Ярким «пят-

ном» на лице Вики были глаза. Они были василькового цвета большие и выразительные. Когда Виктория сердилась или испытывала сильное волнение, она слегка прищуривались. Прищур исчезал, а цвет глаз становился синим.

Устроившись в новой квартире, купленной отцом до их приезда по жилищному сертификату, Виктория и её мама «пошли» в одну гимназию: дочь – в одиннадцатый класс, а Татьяна Ивановна – учителем математики. Отношения с одноклассниками сложились ровные, но не со всеми дружеские. Переживаний по этому поводу не было. «Нам быть вместе десять месяцев. Простая арифметика: два месяца учёбы – каникулы, ещё два – каникулы. Четыре раза по два месяца с перерывами – прорвёмся!» – думала она. До середины ноября Саша звонил, а позже пришло «прощальное письмо». Юный друг просил простить его. Вике было обидно, хотя она не могла не признать, что «рыжий» поступил честно. Её одноклассник Олег Родионов пригласил в кино, и она приглашение приняла. Олег мечтал стать музыкантом. Он окончил музыкальную школу, имел слух и голос и пел в группе таких же любителей. На этой почве они и сошлись. Семья у Олега была своеобразная. Родители развелись, находились во втором браке, а сына разделить не смогли. Он сам принял решение в шестнадцать лет: жить по очереди то в одной семье, то в другой. Это было несколько неудобно, но за два года к этому привыкли.

Отношения с Олегом были непростыми. Пока они встре-

чались вдвоём, всё было «ровно», но как только он познакомил её со своими приятелями и подругами вне гимназии, всё изменилось. Вика не понимала их, а они считали её белой вороной. Спиртное не пьёт, не курит, не ходит в боевой «раскраске», ни тебе пирсинга, ни тату – отстой!

– Олег, если ты меня стесняешься, я раздражаю твою тусовку, зачем ты меня туда водишь? Лично мне они не нравятся, как я не нравлюсь им. Почему я вообще должна быть на них похожа? Что в них крутого? Нравится трахаться в пьяном угаре – вперёд! А мне это не нужно. Да, возможно, играете и поёте вы хорошо, вот только в восторг приводите сомнительного зрителя. Ты уверен, что они «торчат» от музыки, а не по-другому поводу? Лично я сомневаюсь. Ты определись сам, а я подожду, но не долго.

Возможно, Олег сделал бы выбор и не в пользу Вики, но одна встреча со знакомым из музыкальной школы изменила его планы. Его пригласили играть в молодёжную группу, у которой был свой богатый репертуар и приличный зритель. Они пели все популярные песни поп-групп и отдельных исполнителей.

– Назовите группу «Вероника» – приносящая победу, – предложила Вика, «пробегаая» пальцами по клавишам синтезатора. – Ветров, Родионов, Николаев и Карпов.

– А ты? У тебя неплохо получается.

– Ещё бы. У меня за плечами школа по фортепиано. Я ещё и танцую. Голос у меня слабоват, хотя его хватит на «шаш-

ку кофею я тебе бодрящего налью», а хотите, буду вихлять бёдрами в подтанцовке? – шутила она, наигрывая мелодию популярной песни. – Эта мне нравится, её Азиза поёт, но запомнила только припев:

«Всё, повторю я, или ничего – это тайный голос сердца моего.

Я прошу у неба только одного – всё или ничего.

Всё, повторю я, или ничего – это тайный голос сердца моего.

Или всё на свете, или ничего, всё или ничего». – Повтор удался гораздо ярче и увереннее. Вика продолжала играть. Дробь барабанов добавлял ритм мелодии, хотелось танцевать.

– Зря, ты на себя наговариваешь. Для большой сцены голос может и не поставленный, а для вечеринки в самый раз. Найди слова. Новый год на носу. Нормальная, ритмичная танцевальная музыка.

– Ребята, я не могу. Что я скажу родителям? Мне семнадцать лет нет.

– Олегу тоже нет восемнадцати. Мы же не по ночам будем играть и не по подвалам. Небольшие кафе с небогатой публикой. Подумай, поговори с родителями. Никого силой мы не тащим. Не хочешь петь, будешь просто играть – нам пятый участник нужен. Надумаешь – послушай репертуар Натали или Дэмо.

– Может мне ещё и концертное платье заказать?

– С платьем не мудри, – не понял шутки Ветров, старший в группе. – Подбери из того сто есть, но необычное. Новый год – праздник, а не официальный приём.

Виктория поговорила с родителями. Мама была категорически против такой самостоятельности, а вот отец позволил попробовать, но с условием, что сам будет забирать дочь из мест выступления не позже десяти часов вечера. Так началась её музыкальная «карьера». Когда она закончилась в группе, то продолжилась в музыкальном коллективе школы, потом университета. Вика осознавала свои «певческие» возможности. Сама выбирала репертуар, чтобы не разочаровывать слушателя и оставаться довольной собой. Теперь песня Азизы стала для неё чем-то вроде девиза.

«Я никогда не солгу, сколько страсти в горячей крови.

Но я простить не смогу полуправды и полулюбви.

Певчая птица-душа на восток и на запад летит,

Нам не уйти от себя, нам от судьбы не уйти.

Всё, повторяю я, или ничего – это тайный голос сердца моего.

Я прошу у неба только одного – всё или ничего!»

Дружба с Олегом «переросла» во влюблённость, которая не обошлась без ревности. У Олега появились поклонницы, у Вики – поклонники. Сдав выпускные экзамены, они оба готовились к поступлению в вуз. Виктория исполнилось семнадцать лет, и она поступила в медицинский университет на лечебное дело. Олег не поступил в институт культуры, по-

ссорился с родителями и осенью ушёл в армию. Через год, приехав в отпуск, он признался Виктории в любви и соби-
рался сделать ей предложение по окончании срочной служ-
бы. Вика в сентябре начала обучение на третьем курсе, когда
получила письмо от Олега. В нём он признался, что женил-
ся, и его жена ждёт ребёнка. Они вернулись в Питер в но-
ябре две тысячи первого года. Виктория встретила молодых
супругов на вокзале, когда те сошли с поезда.

– Извини. Я решила, что так будет правильнее. Встретить
тебя, поздравить и забыть. Это тебе, – она протянула букет
жене Олега. – Будьте счастливы. Прощайте, – она разверну-
лась и пошла на выход с перрона.

– Зачем она это сделала?

– Чтобы у меня не было возврата назад, а у тебя поводов
для ревности.

– Викуся, я понимаю как тебе тяжело, но и ты пойми Оле-
га. Он честно написал обо всём, не врал, не изворачивался.
Это обида, разочарование, но ты узнала об этом не вчера и
почти переболела.

– Мам, они оба предатели.

– Нет, Вика! Они просто не выдержали разлуки и увлек-
лись, а может, влюбились по-настоящему. Ты к Саше при-
выкла, он к тебе. Вы с детства вместе и вам не был нужен
никто другой, вы и не замечали других. А разъехались – по-
явилась потребность заполнить пустоту рядом. Человек не
может долго находиться один, ему нужно общение, участие,

внимание. Саша написал и извинился, ты расстроилась, но страдала недолго и подружилась с Олегом. Вы год общались и опять расставание. Что ты к ним чувствуешь? Разве было бы лучше получать и дальше письма с «обманом»?

– Почему это происходит со мной?

– Это происходит, практически, со всеми: с одними в юности, с другими в молодости, а с третьими и в солидном возрасте. Тебе, Вика, двадцатый год – всё ещё впереди. Ты за два года учёбы в университете встречалась с сокурсниками и в их обществе не страдала без Олега. А он, видимо, увлёкся в увольнении. Так бывает. Ты как будто не знаешь, что молодые люди меняют друзей и подруг довольно часто. Кто в этом виноват? Как ты это назовёшь? Для одних это, своего рода, развлечение, для других – сексуальный интерес, какие-то надежды, и лишь в редких случаях влюблённость. Но от неё до настоящей любви далеко. Каждая девушка считает, что она у молодого человека лучше, чем предыдущая. Да, мне Олег особо и не нравился. Ни сам он, конечно, а его увлечение музыкой. Для тебя она хобби, а для него профессия. Люди искусства очень своеобразный народ. Музыканты, художники, актёры – богема. Они живут в своём мире, а мы можем его не понимать и не принимать.

– Всё! Никаких романов до окончания университета, никаких кавалеров. Только дружеские отношения.

– Не зарекайся. «Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь», – напела Татьяна Ивановна. – Песне лет

семьдесят-восемьдесят, а как точно написано.

Виктория сдержала слово, но не потому, что не доверяла молодым людям, а потому, что никто «не цеплял». Однокурсников своих она знала, как и они её, и отношения были исключительно дружеские. Она с удовольствием училась в университете, изучала английский на курсах, а чтобы семье было не накладно, работала в больнице медсестрой в ночь и по выходным дням. На вопрос отца: «Зачем тебе это нужно?» Отвечала: «Я хочу в Лондон, пап». Летом они выезжали всей семьёй к брату матери в Карелию, проводили там две-три недели, так и не побывав ни разу на море. Родителям родителей было по семьдесят лет, жили они отдельно, и это нужно было учитывать.

Бабушка Виктории Софья Михайловна вынашивала идею познакомить её с сыном своей приятельницы Валентины Петровны Романовой. Они случайно познакомились в девяносто девятом, когда сын Романовой поступал в военно-медицинскую академию. На протяжении пяти лет мать приезжала из Подмоскovie, навещала сына три-четыре раза в год, останавливаясь у Софьи Михайловны. Вика видела молодого человека мельком и не обратила на него внимания, а бабушка, спустя время, добилась своего.

– Викуся, Антон хороший молодой человек: воспитанный, умный, у вас много общего. Пригласила бы его в выходной день в компанию своих друзей. Познакомитесь ближе, и ты сама поймёшь, что парень он хороший. Да, у него нет боль-

ших денег, но у него есть профессия и перспектива роста, а у Олега не будет иллюзий на твой счёт.

– Софья Михайловна, вы меня никак сватаете? Не пропадёт твой Антон без моей компании. Ты думаешь, у него за пять лет учёбы не появилась своя компания? Бабуля, парню двадцать три, а в этом возрасте бывают не только друзья, но и подруги. Ты сама уверена, что он у тебя скучает, а не отсыпается на неделю вперёд? – смеялась Вика. – Хорошо, я приеду к тебе перед Новым годом и познакомлюсь с твоим «хорошим парнем», но ничего не обещаю. В моей скромной компании две третьих девушки. Разнообразим наше девичье царство новым принцем. Всё будет зависеть от него самого.

Виктория познакомилась с Антоном перед Новым 2005 годом. Он оказался интересным молодым человеком и чем-то напоминал Вике отца. О чём она тут же сказала бабушке: «Знаешь, я заметила, что выпускник академии, даже спустя тридцать лет, как клон нашего Сергея Павловича Петровского. Я искренне жалею, что не познакомилась с ним раньше. Внешне он уступает папе, но мыслит, как твой сын, бабуля. В некоторых медицинских вопросах он переплюнет меня, хотя я всегда считала себя умной. А ещё мне нравится, что он самостоятельный и ненавязчивый. Пожалуй, мы с ним подружимся». После праздника и сдачи сессии, они оба стали готовиться к защите дипломов, проходя практику. Встречались в выходной у Софьи Михайловны, где Антон переодевался, и устраивали себе день отдыха. Это могла

быть прогулка за город, посещение кино, кафе или боулинга. Иногда Антон выбирался с другом Артёмом, а Виктория приглашала подругу Юлю. Артём и Юлия не просто подружились – у них завязался бурный роман. Они планировали после получения дипломов зарегистрировать брак и поехать к месту службы Артёма вместе. В июне две тысячи пятого Виктория получила заветный диплом и направление в интернатуру. Это радостное событие она отмечала с группой в ночном клубе, пригласив Антона, у которого вручение диплома и новых погон должно было состояться ровно через неделю. После клуба они вернулись в квартиру Софьи Михайловны, где у Вики была своя комната.

– Столько всего хорошего в один день – это перебор! Ты как хочешь, а я валюсь с ног и иду спать. Нет! Без принятия водных процедур и чистки зубов этот запах так и останется со мной.

– Ты выглядела сегодня лучше всех своих однокурсниц.

– Не преувеличивай, хотя я и сама себе понравилась. Хочешь об этом поговорить?

– Очень хочу, – Антон привлёк её к себе.

– Романов, алкоголь затуманил мой мозг, но не до такой степени, что я перестала соображать. Пусти! – Виктория вышла из ванной комнаты минут через семь. В кухне горел свет, а за столом сидел Антон. – Спокойной ночи, – сказала она, проходя в свою комнату и прикрывая дверь. Минут через пять в дверь постучали.

– Ты спишь?

– Засыпаю. Что у тебя за неотложное дело? До утра не терпит? – она сердилась. Антон прервал её эротические игры.

– Вика, я, кажется, влюбился, – Антон нерешительно вошёл в комнату.

– И кто эта счастливица?

– Ты!

– Ты переутомился? Мы с тобой полгода дружим, и речи о чувствах не было. Перекрестись, если кажется, и ложись спать.

– Крестился, не помогает. Я хочу тебя.

– Хочешь? – она присела в кровати. – Раздевайся раз так, – она смотрела на него в упор, слегка наклонив голову. – Смелее. Я не шучу. – Спортивные брюки Антона оказались на полу. – Ты, прямо, Аполлон, – снимая короткую тунику без всякого стеснения, Вика поднялась с кровати...

Она проснулась от звонка городского телефона. Он звонил долго, и ей пришлось вставать.

– Да, – сонно ответила она и выслушала звонившего абонента. – Бабушка в гостях у подруги на даче третью неделю, а у меня вчера был выпускной. Я вам дам номер телефона её подруги, и вы с ней сами обо всём поговорите. Записывайте.

Вика вернулась в комнату, но спать расхотелось. Часы показывали девять часов утра, а значит, домашние уже не спят. Она набрала телефон и доложила матери, что к обеду будет дома, потом прошла в кухню, включила плиту и поставила

варить кофе. Антон появился за её спиной как-то неожиданно.

– Доброе утро. Ты чего так рано вскочила?

– Твоя мама звонила, хотела поговорить с бабушкой. Она приедет на твой выпуск?

– Да. Собиралась приехать дня за два, чтобы приготовить мне парадную форму. Ты обязана быть на выпускном балу, – он обнял Вику. – Как ты смотришь на то, чтобы нам стать парой? Я тебе совсем не нравлюсь?

– Ты мне симпатичен, но не настолько, чтобы потерять голову, – она выскользнула из его объятий.

– Ты какая-то напряжённая, как будто боишься чего-то. У тебя давно не было секса?

– Весь мой сексуальный опыт остался в далёкой юности. Я сама исполняю свои желания. За этим ты вчера меня и застал. Это ответ на твой вопрос.

– Не заводись. Ты это делаешь для себя, и никому до этого нет дела. Через неделю я получу предписание, а через месяц улечу в Североморск. Поедешь со мной?

– Не могу. У меня впереди интернатура. Я должна получить специальность. Антон, не нужно делать скорбным лицо. Да, мы с тобой знакомы достаточно, хотя виделись не так и часто. Уверен, что наш интерес друг к другу останется прежним, если мы будем видеться каждый день? Ты прекрасно справишься без меня на новом месте.

– Ты мне нужна. Я теперь это знаю точно, – Антон при-

жал её вновь к своей груди. – Я могу надеяться, что получив сертификат, ты решишь прилететь ко мне?

– Ты можешь надеяться, но я не могу тебе этого обещать с гарантией. За год многое может произойти. Наша сегодняшняя страсть – это не любовь, которая всё преодолет. Давай не торопить события. Обедать поедешь ко мне домой? Я маму предупредила, что приеду с тобой. Она готовит праздничный обед.

– Поеду! Значит, наши отношения мы оставим в секрете. А чем займёмся после обеда? Не забыла, я свободен до завтрашнего вечера?

– Как я могла забыть об этом, если нам предстоит репетиция вальса. Скажи, зачем я на это согласилась?

– Мы же с тобой друзья. Как ты могла не помочь другу? – улыбнулся Антон. – Думаешь, мне самому это мероприятие по душе? Будем искать музыкальное сопровождение на свежем воздухе? В десять часов в четверг генеральная репетиция.

– Не переживай, справимся!

– Ты меня здесь одного на ночь не оставишь?

– Боишься ночевать один?

– Не боюсь, но с тобой мне снятся сказочные сны.

Время пролетело быстро. Виктория не видела Антона три дня, встретившись с ним на репетиции. Танцевали они не хуже других пар, если не лучше некоторых. В пятницу Виктория чуть опоздала на торжественную часть, но опоздание

того стоило. На ней был белый наряд из юбки и блузки. Юбка «солнце» до колена из шифона, как и рукава на блузке из тонкого шитья не скрывали, а подчёркивали стройную фигуру, а туфли на каблуке придали рост.

– Привет, Юлька. Прости за опоздание. Ребятам уже вручили дипломы? – найдя среди гостей подругу, спросила она.

– Выглядишь супер, но не вздумай и завтра своим опозданием сорвать мне регистрацию, – Юля обняла подругу. – Ты знаешь, что мать Антона приехала с его невестой, так она мне представилась. Мне как приглашать её на свадьбу? Почему он о ней никогда не говорил?

– Чего ты волнуешься? – в груди Вики неприятно кольнуло. – Она приехала к Антону, пусть голова по этому поводу болит у него. Антон свидетель со стороны жениха, значит вся ответственность на Артёме. Я обещаю тебе твёрдо, что ничего не буду менять и приеду одна прямо с утра, – улыбнулась Вика. – Моё появление в этом наряде будет уместно? Я не претендую на роль невесты, но хочу чувствовать себя второй после неё. Смотри, ребятам вручают дипломы. Я приехала с папой. Он вспомнит свой выпуск и хочет посмотреть мой танцевальный дебют, сделать фото.

Торжественная часть закончилась, и Антон с Артёмом подошли к девушкам, которые обняли по очереди молодых людей и поцеловали, поздравляя с окончанием учёбы.

– Вика, скоро наш выход, – беря её за руку, сказал Антон, глядя по сторонам. – Где-то мама должна быть. Ты как ангел.

– Тебе идёт парадная форма. – Пап, приготовься снимать.

В вальсе закружились не меньше пятнадцати пар. Виктория и Антон танцевали, как говорят, с душой. Миниатюрная партнёрша словно парила в воздухе в сильных руках Антона, который был на целую голову выше неё с учётом каблуков на её туфлях. Танец закончился, и зрители долго аплодировали. Пара присоединились к Артёму, Юле и Сергею Павловичу.

– Пап, сделай общее фото нашей маленькой компании, – попросила Вика, обнимая подругу. – Когда я ещё смогу оказаться между двумя молодыми лейтенантами. Нужно загадать желание.

Фотосессию прервало появление Валентины Петровны Романовой с молодой блондинкой.

– Здравствуйте, – обратилась она ко всем сразу. – Вика, вы с Антошей чудесно танцевали. Я и не догадывалась, что он может так вальсировать.

– Антон у вас легкообучаемый. Поздравляю вас с дипломом сына. Я свою миссию выполнила, и мы можем с папой ехать домой. – Юля, прямо с утра я буду у тебя. Пока, ребята. Хорошего вам праздника. Завтра увидимся, – она направилась к выходу.

– Вика, почему мы едем домой? – недоумевал отец, шагавший следом. – Ты планировала гулять до полуночи.

– Пап, не тормози. Валентина Петровна приехала с невестой Антона, так мне сказала Юля. Зачем я буду там отсвечивать в роли друга? Им и без меня найдётся, чем заняться.

– А ты знала о существовании невесты? Откуда она взялась?

– Он не говорил, а я не спрашивала. Папуля, мы с ним друзья, и партнёры только по танцу. Зачем мне такие подробности его личной жизни.

– Вика, стой! – Антон догнал отца с дочерью. – Мне нужно с тобой поговорить. Вероника была моей девушкой, мы дружили ещё в школе, но это было два года назад. Я не ездил домой целый год, а каждый выходной проводил в твоём обществе. Почему ты так легко во всё поверила? Я отправлял её домой ещё в среду, но она не уезжает, а я не могу её вытолкать в шею.

– Антон, возвращайся к маме и не порть ей праздник, если тебе его испортили. Пожалуйста, постарайся её как-то успокоить, порадуйтесь вместе. Мы с тобой поговорим обо всём завтра, или позвони мне после банкета, но назад я не вернусь – это неприлично.

– Я позвоню. Извини, что наши планы сорвались. – Антон вернулся к расстроенной матери. – Ты довольна, Ника? – сердито обратился он к блондинке. – Ты, своим приездом, испортила всем праздник. Кто тебя сюда приглашал, и как у тебя хватило наглости представиться моей невестой?

– Ты думаешь, она поедет с тобой? Лично я сомневаюсь. Она городская и привыкла жить в комфорте, а не в офицерском общежитии.

– Тебе какая разница поедет она со мной или нет? Ты свой

выбор сделала сама, отдав предпочтение предпринимателю два года назад. Теперь, чего ты от меня ждёшь? У меня к тебе ничего нет, кроме раздражения. Назад, в квартиру Софьи Михайловны, ты не попадёшь. У тебя есть возможность уехать домой уже сегодня.

– Ты не пожалеешь о своём решении? Я тебя всё ещё люблю.

– Я пожалел, что не выставил тебя силой в первый же день, надеясь, что у тебя осталась совесть, и ошибся. – Пойдём мам к ребятам.

– Антоша, она и меня не слушала и увязалась следом. У вас с Викой роман?

– Она мне нравится, мы с ней дружим, но романом это назвать сложно. Она ещё год будет здесь проходить интернатуру, а через неделю уедет отдыхать с родителями в Карелию.

– А ты будешь отдыхать весь месяц дома? Не хочешь никуда поехать? Сынок, ты можешь остаться на неделю в Питере, домой приехать позже. Делай, как тебе удобно, я при му любое решение. Не грусти, – мать взяла сына под руку. – Хочешь, вернёмся в квартиру раньше, ты позвонишь Вике, и вы встретитесь. Сейчас здесь белые ночи – гуляй молодёжь. А может мне напроситься в гости к Софье Михайловне и её подруге? Вряд ли я теперь буду приезжать сюда, а уехать, не простившись неудобно. Она шесть лет меня принимала, как хорошую знакомую. Свою квартиру доверила. Ей недавно семьдесят лет исполнилось – нужно поздравить. Вернём-

ся в квартиру, и я позвоню.

Бабушка позвонила Вике в начале шестого после полудня.

– Викуся, я тебя нечасто прошу о чём-то, а сейчас настало время исполнить каприз старой Софьи. Привези к нам Валентину Петровну. Не нравится мне её настроение в такой день. Я могу на тебя рассчитывать? Я ей ничего не говорила. Пусть эта поездка будет ей сюрпризом.

– Хорошо, бабуля. Я тебе перезвоню из твоей квартиры и доложу обстановку. Выезжаю. – Виктория знала, что отец доверит ей машину по просьбе бабушки, коротко передав родителям разговор с ней.

– Ты бери с собой Антона, чтобы не возвращаться обратно одной. Лучше бы переночевать на даче, но у тебя завтра важное мероприятие.

– Пап, на дворе пора белых ночей – я справлюсь. Буду ориентироваться на месте. Сложу в пакет свой наряд, а завтра с утра поеду к Юльке. Вернусь – машину поставлю во дворе, а ночевать, после прогулки, буду у бабушки.

Она подъехала к дому около шести. У подъезда её ждал «сюрприз» в лице Вероники.

– Я знала, что ты приедешь. Идёшь праздновать с мамой и сыном? Ты уверена, что он возьмёт тебя с собой?

– Я не вещь, которую можно взять, не спрашивая у неё её согласия. Ты хочешь узнать, поеду ли я с Антоном? Не поеду. У меня в планах специализация и Антон об этом знает. Жаль, что ты своим приездом испортила и ему, и его матери

праздник. Теперь я вынуждена везти их на дачу – так распорядилась моя бабушка. На что ты надеялась после двух лет?

– На чудо. Думала, увидит – простит. Он всегда меня прощал. Я не вернусь домой. Все ждут, что я приеду невестой военного, а он знать меня не желает. Это будет такой позор. Устроюсь здесь на работу, сниму комнату.

– Тебе виднее что делать. Извини, мне нужно ещё вернуться домой.

Вика поднялась в квартиру. Валентина Петровна не возражала против поездки на дачу. Она собрала пакет с гостинцами для Софьи Михайловны, прихватив из холодильника торт, и была готова через десять минут. Поездка туда и обратно заняла два часа. Припарковав машину у подъезда и взглянув на свои окна, Виктория увидела отца, помахала ему рукой, чтобы вернуть ключи от машины. Антон почти всё время молчал, отвечая коротко и часто не «в строчку».

– Что будем делать? – спросил он, выходя следом за Викторией со двора.

– Для начала ты поделишься со мной тем, что тебя беспокоит, потом мы погуляем, а позже вернёмся в квартиру и продолжим твой праздник. Антон, ничего страшного не случилось. Ты чего такой хмурый и неразговорчивый? Я понимаю, бывают ситуации, когда хочется чтобы день как можно скорее закончился. Потерпи часа три-четыре, наступит полночь, и день окажется в прошлом.

– Я этот день и вечер представлял себе иначе.

– Главное событие дня прошло прекрасно, а неприятные моменты мы с тобой подкорректируем. Если ты намерен и дальше изображать несчастного, я отправлюсь домой, чтобы не смотреть на твоё скорбное лицо. У меня нет ни малейшего желания винить тебя в произошедшем. Считай это маленьким недоразумением и стань уже прежним.

– Ты меня не ревнуешь и считаешь это возможным?

– Антон, есть ты и я, есть город белых ночей и есть желание обо всём остальном забыть. У нас есть два дня до твоего отъезда.

– Знаешь, мне вдруг вспомнилось детство, которое я провёл в этом районе города.

– Ты жил здесь до академии? Почему никогда не говорил об этом? – Вика взяла его под руку.

– Случая не было. Вспоминаешь хорошее, его перекрывает плохое, которое я хотел бы забыть навсегда. Хочешь, я покажу тебе дом, в котором жила моя семья? Это недалеко, на «Комиссара Смирнова», а по пути моя школа, где я учился до переезда.

– Конечно, хочу. Идём! Ты учился в сто седьмой? Это и моя школа, а родители мамы живут на этой улице.

– Постой! Ты всего на год моложе меня. Почему мы в таком случае ни разу не пересеклись, если были совсем рядом?

– Всё очень просто. Мои родители питерцы, а я родилась и до шестнадцати лет жила в Сибири. Мы приехали сюда в девяносто восьмом, когда папа ушёл в отставку. А вы, поче-

му переехали?

– Вынудили. Это длинная история. Хочешь послушать? – с грустью спросил Антон.

– Хочу.

– Моя мама и её сестра воспитывались в детском доме. Они из двойняшек, но совсем не похожие. Вместе окончили медицинское училище, получили комнату в коммунальной квартире и работали в одной поликлинике. Мама работала процедурной медсестрой, и делала уколы на дому тяжёлобольным. Так познакомилась сразу с мальчиком Славой, мать которого была больна, позже и с его отцом. Отец работал инженером на заводе. Через полгода после смерти жены, отец зарегистрировал брак с моей матерью. Через год родился я. У нас была дружная семья. Я помню, как мы все вместе отдыхали на заливе, ездили к морю, и я так гордился своим старшим братом. Славка и из сада заберёт, и накормит, и с уроками поможет, в свои игры меня брал, защищал в школе и во двор. Куда потом это всё делось? Мне было десять, когда он начал учиться в ПТУ и попал в компанию отморожков. То, что они творили, можно было простить, но он стал хамить маме, которая воспитывала его десять лет. Он унижал её, говорил, что она ему никто, что отец женился ради удобства, а мама любила только меня. Но мне уже было двенадцать, и я помнил, что мама никогда нас не разделяла, что это я донашивал после него вещи, а не он после меня. Теперь в его глазах я стал ублюдком, слизняком, который не умеет

за себя постоять. Он признавал только отца, хотя постоянно врал ему, а тот обвинял во всём нас – так было проще. Славке исполнилось восемнадцать, и в этот же день он умер, отравившись с друзьями алкоголем. После похорон отец запил, а свою боль вымещал на матери. Пятница стала для меня чёрным днём недели. Отец всю неделю держался, а потом отрывался по полной программе. Обвинения, оскорбления и побои. В воскресенье он раскаивался, давал клятвенное обещание. В один из таких дней я задал ему простой вопрос: «Пап, ты нас с мамой совсем не любишь?» Он ответил фразой, которую я понял через годы: «Детей должна рожать любимая женщина», – Антон на минуту замолчал. – Так длилось полгода. Страшно, когда твою мать бьют, а ты ни чем не можешь ей помочь, сидя запертым в ванне или балконе. Позже перепадало и мне. В один из таких дней он почти забил её. Если бы мои крики не услышали соседи, случилась бы беда. Маму забрала скорая, отца – милиция, а меня поместили в приют. У отца были родители и сестра, но она отказалась меня забрать, а дед запретил бабушке это делать. У отца прямо в изоляторе случился инфаркт, когда узнал, что состояние жены критическое, а сын в приюте. Его без нас и похоронили. Я три недели находился в приюте. Там меня научили «любить свободу» так, что я провёл сутки в лазарете. Бабушка навещала меня, вдвоём мы навещали маму. Мы вернулись в квартиру, из которой вынесли всё, что имело какую-то ценность. Сестра отца и её муж не отрицали, что

это дело их рук, посоветовав не обращаться в милицию ради собственной безопасности. Это был девяносто третий год. Я впервые понял, как жесток этот мир. Если родные люди готовы ради денег на подлость, что говорить о чужих людях. Двенадцать лет мы прожили в этом доме, а вынуждены были с мамой уехать из-за чьих-то злых языков, – он остановился во дворе дома. – Два окна на третьем этаже были нашими, – он показал на окна, – два выходили на улицу. Прошёл слух, что это мы извели сына с отцом, чтобы завладеть жильём. Никто не вспомнил о мире в доме, а в смертях обвинили маму. Только через год нам удалось купить квартиру в Серпухове, куда мы позже переехали и где жила сестра мамы. Мама очень боялась быть обманутой или ограбленной. И опять нам помогла бабушка. Подробностей я не знаю, но въехали мы в квартиру со свежим ремонтом при минимуме мебели, но с некоторой суммой на счёте в банке. Так началась новая жизнь. – Антон вздохнул. – Прости. Этот период своей жизни я всегда вспоминаю с болью. В седьмой класс я пошёл в новую школу. Получая паспорт, взял фамилию мамы и забыл о своих родственниках по линии отца. Мне повезло на новом месте. У нас был отличный сосед по дому и хороший тренер в секции. Я узнал, каким должен быть настоящий мужчина. Знаешь, я за все годы обучения в академии ни разу не был на могилах отца и брата. Мама там бывает, а я не могу себя заставить. А вот с бабушкой я встречался два раза в год. Она сама меня нашла, но делала это тайком. Меня Софья Ми-

хайловна подтолкнула к тому, чтобы я сам объявился и дал бабушке возможность открыто общаться со мной. Я купил цветы и пошёл по известному адресу, – он ухмыльнулся. – Видела бы ты лица деда и тётки. – Вручил бабушке букет, поздравив с прошедшим Юбилеем, выпил с ней чай, рассказывая о себе и маме, и стал прощаться. Дед приглашал наведываться в увольнении – я отказался: «Не ждите. Вы десять лет не вспоминали обо мне, а я не смог забыть приют, куда вы меня определили. Если Екатерина Васильевна захочет общаться со мной, мы будем делать это на нейтральной территории. Прощайте».

– Не жалеешь, что оборвал нити, пусть и не прочные?

– Нет. Мы виделись с бабушкой ещё раза три, потом она осенью попала в больницу с инсультом и умерла. Родственные связи прервались.

– Не переживай. Ты добился, чего хотел без их помощи и ни чем им не обязан. Вряд ли, при таком отношении, тебя упомянут в завещании. Забудь. Пойдём пешком, погуляем по Арсенальной набережной и вернёмся домой.

Антон, после свадьбы друга, задержался в Питере на неделю и прощался с Викой накануне её отъезда с родителями в Карелию. Они почти не расставались и проводили всё это время вместе. Вике было жаль расставаться с Антоном, особенно после того, как он сделал ей предложение, а она отказала, не приняв от него скромное кольцо с фианитом. Она хорошо понимала, что не может больше обнадёживать моло-

дого человека на серьёзные отношения. «Антон – это всего лишь страсть и симпатия. Сколько это продлится? Не нужно себя обманывать, и стоит признать, что Романов – мой сексуальный ликбез. Он внимательный и нежный, а у меня к нему одно чувство – желание отдаться», – думала она, глядя на Антона.

– Не надумала проводить меня? – Антон обнял Викторию.

– Я поеду домой. Порядок мы с тобой навели и здесь мне больше делать нечего. Позвони, как устроишься на новом месте, и вообще звони – будь на связи. Мы с тобой всё обсудили, обо всём договорились, – Вика улыбнулась. – У тебя всё получится, иначе просто не может быть.

Дома Викторию ждали родители, которые всё это время не лезли к ней с расспросами.

– Вика, ты нам с мамой ничего не хочешь сказать? Что у вас с Антоном?

– Ничего, что можно было бы скрывать, пап. Антон поехал на вокзал, а я сюда. Он предложил мне уехать с ним в Североморск, но я отказалась, – глядя по очереди на отца и мать, говорила Вика. – Он не заслуживает обмана. Наверное, я могла всё бросить, о чём так мечтала ради любви, но я его не люблю. А выйти замуж для того, чтобы отметить, сделать несчастными его и себя – глупо. Он уехал с надеждой, что я передумаю через год, хотя я ничего не обещала. Да, мы подружились, у нас много общего, но цели и мечты у нас разные. Он мечтает служить на морских судах, а я о

путешествиях по суше в свободное от работы время. Вы понимаете, о чём я говорю? Пап, из меня не получится Ассоль, ожидающая на берегу своего Грея. Ты сам служил и знаешь, что это такое. Даже служи он в госпитале, я сто раз подумала, прежде чем принять предложение, – Вика замолчала. – Я ответила на твой вопрос?

– Я доволен ответом, – улыбнулся отец. – Не быть тебе женой морского офицера, пусть и медика. Будем ждать сухопутного зятя.

Отдых в Карелии не позволил Вике скучать в обществе двух двоюродных братьев, приехавших в гости к отцу вместе с жёнами. Первое время Антон звонил через день, потом раз-два в неделю, а через три-четыре месяца, звонки стали ещё реже. Виктория ни в чём не обвиняла старого друга. Не позвони Антон, она бы о нём и не думала, слишком напряжённым был для неё этот период. Он появился в роддоме, где она работала, проходя интернатуру, накануне Нового две тысячи шестого года.

– Вика, у меня всего десять минут, – обнимая её, говорил Антон. – Я здесь был с утра по делам и возвращаюсь назад. Мне нужно знать, не изменились ли твои планы? – он смотрел ей в глаза и ждал ответа.

– Что ты хочешь услышать от меня и к чему такая спешка? Посмотри на меня и скажи честно: у тебя наметились перемены в личной жизни? – она улыбнулась и взяла его за руку. – Антон, ты хороший парень, но я тебя не люблю. Всё,

что между нами было, было чудесно. Я могу остаться твоим другом. Не требуй от меня невозможного и сам живи сердцем. Не обижайся, я просто не могу тебя обманывать или обнадёживать, и не хочу. Понимаешь? – она пристально смотрела в его глаза. – Как у тебя складываются дела на службе? Ты стал редко звонить. Может я что-то пропустила?

– У меня всё в порядке. Прохожу специализацию. Возможно, весной пойду с командой в поход. Я этого очень хочу. Ты не теряй меня, если на какое-то время «пропаду». Не буду надоедать тебе своими звонками, но обещаю поздравлять с праздниками. Я тебя люблю, Виктория Петровская. Помни об этом, – он поцеловал Вику и направился к выходу.

– Удачи тебе! – крикнула она вдогонку. «Что мне делать с твоей любовью, Антон? – думала она, поднимаясь в отделение. – Я всё сделала и сказала правильно. Пусть это неприятно для тебя, но с моей стороны честно».

Глава 2

В апреле две тысячи шестого ещё одна из однокурсниц Вики выходила замуж, устроив в ресторане что-то вроде девичника. Вика предложение приняла. Проходя мимо припаркованных у входа машин, она услышала, что её окликнули. Из машины вышел Олег. Он год назад развёлся с женой, и первое время пытался наладить с ней отношения, но получил отставку.

– Привет! Ты кого-то ждёшь?

– Шеф ужинает с партнёром в ресторане. А ты как здесь?

– Подругу замуж отдаём. Как сам? Как родители?

– Нормально. Хочешь я тебя встречу и провожу домой?

– Не хочу. Мы говорили с тобой об этом. Наши отношения, Олег, далеко в прошлом. Мы давно стали взрослыми и нужно хотя бы уважать желания друг друга.

– Какие у тебя очаровательные знакомые, Олег, – сказал подошедший к машине молодой мужчина лет тридцати. – Ты меня представишь девушке?

– Я бывшая одноклассница Олега, – опередив Олега, сказала Вика, протягивая свою руку, и улыбнулась: – Виктория Петровская.

– Очень приятно, – молодой человек слегка пожал руку и представился: – Павел Лесников.

– Вы извините, Павел, меня ждут. – Рада была встрече,

Олег.

– Кто такая Виктория Петровская, кроме того, что она твоя одноклассница?

– Окончила медицинский университет. Сейчас проходит интернатуру – будет женским доктором. Школа с музыкальным образованием по классу фортепиано. Мы с ней играли в школьном ансамбле. Учила английский язык. Хочет побывать в Лондоне. Живёт с родителями на Выборгской. Отец, бывший военный врач, сейчас работает в частной клинике. Мать – преподаватель математики, завуч в нашей гимназии. Здесь у них что-то вроде девичника, – нехотя сказал Олег.

– Найди мне завтра её номер телефона и утром завези домой букет. Что-то мне подсказывает, что мы обязательно подождемся. Виктория чертовски привлекательна. Одни глаза чего стоят. А судя по твоему короткому рассказу, она ещё и умная.

Утром Олег стоял на пороге с роскошным букетом цветов. Вике ничего не оставалось делать, как впустить незваного гостя в квартиру.

– Вика, если я ему не дам твой номер телефона, он его найдёт в другом месте, а я могу лишиться работы с хорошей зарплатой.

– Дай ему номер и расскажи мне, кто такой этот Лесников?

– Его отец занимается бизнесом в пароходстве, а Павел его правая рука. Окончил университет, два года учился в Лон-

доне. Меня к Лесникову старшему устроил на работу отчим, сразу после армии. Я давно переболел музыкой, а служба в армии дала какую-то подготовку. Когда Павел вернулся, я начал охранять и возить его.

– Как думаешь, что ему от меня нужно?

– Не знаю, Вика. Я подобные поручения выполняю в первый раз. Может потому, что мы с тобой знакомы. Разве ты не думала, что можешь понравиться состоятельному кавалеру? Ему тридцать лет. Ничего необычного я за ним не наблюдал за два года. Особо не делиться ничем, но и не хамит, жизни не учит. Никогда не засиживается в ресторанах или клубах до поздна и не напивается, как некоторые. Ты меня извини, но теперь я буду к нему предельно внимателен, и это не моя ревность, Вика, это предосторожность.

– Олег, один букет ещё ни о чём не говорит. Возможно, всё им и закончится.

Не закончилось. Павел несколько раз звонил Виктории, но она под разными предлогами отказывалась от встреч. Он приехал сам и ожидал её у входа в роддом с букетом.

– Добрый день, Виктория. Это тебе, – он протянул букет.

– По какому поводу цветы?

– Женщине нужно дарить цветы без повода, особенно молодой и очаровательной. Я приглашаю тебя в кафе или ресторан. Куда ты больше хочешь?

– Больше всего я хочу быстрее попасть домой. Вы меня, Павел, извините, но я больше суток на ногах. У меня слиш-

ком мало времени до получения сертификата и слишком много дел для этого.

– Ты мне отказываешь? Может, ты меня боишься?

– А вы к отказам не привыкли? – она улыбнулась. – Вы не похожи на человека, который дарит цветы и тут же собирается обидеть малознакомую девушку. Если вам не трудно – отвезите меня домой.

– Хорошо. Садись в машину. Я сегодня без Олега. Обещай мне позвонить сразу, как только получишь свой выстраданный сертификат.

Лесников её не беспокоил целый месяц, и Вика забыла об обещании. Он позвонил ей сам.

– Мам, возьми трубку и, кто бы это ни был, скажи, что я еще сплю. Придумай что-нибудь.

– Вика, кто этот молодой человек с приятным голосом и хорошими манерами? – спросила Татьяна Ивановна, закончив телефонный разговор. – Я сказала, что ты отсыпаясь, получив долгожданную бумагу, а он оказался в курсе последних событий. Просил передать, что приедет в пятнадцать часов и будет ждать у подъезда.

– Павел Лесников – старший тридцатилетний сын бизнесмена из пароходства. Больше информации о нём у меня нет. Родионов у него работает ни то охранником, ни то водителем, а может, совмещает две должности. Ты мне скажи: мы, когда поедем к дяде Толе? Мне на работу десятого числа.

– Папа с понедельника в отпуске. Вернётся с работы, и

мы всё обсудим. Можем отправиться завтра, если проблем с машиной нет. Какой он этот Павел?

– Мам, я с ним общалась пять минут в мае, когда принесла с работы цветы. Внешне – приятный молодой человек. Рост чуть выше среднего, волосы тёмные, но не брюнет. Мам, да я и не рассмотрела его. Олег говорил, что два года учился в Англии, а значит, неглупый. Правая рука отца. Ты думаешь, он будет за мной ухаживать? Мне как-то не верится в искренность его намерений.

– Ты себя недооцениваешь, дочка. Ты у нас очень обаятельная девушка, умная, образованная, с чувством юмора и такта. Просто, до настоящего момента, у тебя не было состоятельных знакомых. Одно то, что он не мажор, говорит о многом. А как ты можешь судить о человеке, не поговорив с ним при встрече?

– Мам, я с ним встречусь, но наша поездка не отменяется.

Павел приехал без охраны. Они посидели в кафе, а потом просто бродили по парку. Лесников интересовался жизнью Вики, вспоминал свою юность и учёбу в Англии. Какое-то время они перешли на язык туманного Альбиона. Виктория отметила для себя, что общение с Павлом ей даётся на удивление легко. Он много знал и рассказывал так, что было и понятно, и интересно. К ужину он привёз её к дому.

– Значит, ты уезжаешь на десять дней с родителями в Карелию?

– Не могу сказать с полной уверенностью о дате возврата,

но то, что мне на работу десятого числа – это точно. Спасибо тебе за прогулку. Я давно так хорошо не отдыхала.

– Хорошей тебе поездки. Я буду звонить.

Лесников звонил ей дня три, а потом замолчал. Виктория вышла на работу, но звонков больше не было. Он объявился в конце сентября после трёхмесячного молчания.

– Вика, ты меня извини. Были проблемы, я вынужден был уехать, было не до звонков. Теперь я свободен и могу продолжить свои ухаживания.

– Теперь я слишком занята, и ты меня извини. Я работаю и по ночам, и сутками ординатором – с меня теперь и спрос другой.

– Давай начнём наше знакомство заново. Я согласен, что ты устаёшь, но отдыхать нужно, если не каждый день по паре часов, то через день-два. Согласна?

Павел начал ухаживать за Викторией неназойливо, но очень решительно, при этом ревновал её без причины. Он не высказывал претензий, но настроение его резко менялось, и это было слишком заметно. Принимая от него очередной букет, Виктория улыбалась.

– Паша, откуда эта ревность? Я работаю в чисто женском коллективе, и пациентки мои исключительно женщины.

– Я видел тебя у входа с мужчиной.

– Ты видел меня ни в кафе, ни в ресторане, а в стенах роддома.

– Ужин в ресторане не отменяется? У меня для тебя сюр-

приз.

Павел познакомился с родителями Виктории перед Новым годом, до этого посетив квартиру в их отсутствие. Так как Вика дежурила в новогоднюю ночь, он привёз в подарок большую «плазму» родителям и небольшой планшет самой Вике за день до праздника.

– Мне показалось, что это то, что вам подходит в качестве подарка от Деда Мороза. Буду рад, если угодил.

– А вам не показалось, молодой человек, что вы пытаетесь нас купить? – спросил недовольно Сергей Павлович. – Нас и наша «Соня» устраивает.

– Напрасно! Если бы я хотел вас купить, то не ограничился бы такой мелочью. Я собираюсь увезти Викторию на два-три дня на базу отдыха в область. Вы не хотите составить нам компанию? Мне очень хочется увезти её и дальше, но с её работой это невозможно.

– И куда бы ты повёз нашу дочь?

– Она давно мечтала поехать в Лондон, а мне больше нравятся острова.

– Не выйдет у тебя ничего. У Вики нет заграничного паспорта, и никогда не было, как и у нас с женой.

– Это дело поправимое. С вас фотографии и заполненные заявления, а всё остальное за мной. Можно я поработаю немного волшебником?

В марте все Петровские получили загранпаспорта. Сергей Павлович листал красивую «книжку» и ухмылялся:

– Танюша, зачем они нам вообще понадобились? Куда мы с ними полетим?

– А зачем ты на них соглашался? Пусть лежат. У них срок годности пять лет.

– И когда мне брать отпуск? – принимая паспорт, спросила Вика. – Могу в июле или августе.

– В июле я не смогу, а в августе у тебя Юбилей и у меня на него свои планы. В сентябре будет удобнее всего. Согласна? Вика, мне нужно будет уехать в июле на две-три недели. Это, как и твоя работа, не обсуждается. Передам Лондону от тебя привет.

Павла пригласили на ужин второго августа, в честь дня рождения Вики, которой исполнилось двадцать пять. День был будний, но Сергей Павлович привёз родителей жены и свою мать. Павел пришёл с букетом, вручил его и упаковку с новым «крутым» телефоном. Он немного растерялся, застав в квартире старшее поколение, но быстро справился с волнением. В конце ужина, он взял слово и сделал Виктории предложение, встав на колени и держа на ладони кольцо в коробочке. Вика растерялась. Они не были близки, и речи о свадьбе не было. Да, ей нравился Павел, но замуж она не собиралась. Ей исполнилось всего двадцать пять и ей хотелось путешествовать, а не создавать семью.

– Ты чего молчишь, Вика?

– Паша, мы не говорили о свадьбе. Всё это очень неожиданно.

– Соглашайся. Мы можем пожениться и через месяц, и через три – я подожду. Сколько тебе нужно времени?

– Ты сам сказал, что подождёшь. Чего девочку торопишь? – взяла слово Софья Михайловна. – Раз кольцо приняла, значит, сразу не откажет.

В этот же вечер Павел увёз Вику в свою квартиру, где они стали близки. Вернувшись на следующий день после работы домой, Вика решила на разговор с матерью, после утреннего короткого диалога с Павлом.

– *Что тебя смущает в моём предложении? – спросил он за завтраком, который подавала домработница.*

– *Мы с тобой говорили обо всём, но не о браке. Мы знакомы полгода и ты готов на мне жениться. Почему? Для меня это было неожиданностью.*

– *Неприятной неожиданностью. Ты это хотела сказать? Что я делаю не так или вообще не делаю, что ты раздумываешь? Что тебя не устраивает в моей кандидатуре? – Павел улыбался, глядя на неё в упор, и от этого взгляда Вике становилось не по себе.*

– *Меня в тебе всё устраивает, ты напрасно сердисься. Скажи, когда ты решил жениться на мне и почему? Ты не ответил на мой вопрос. Паша, я девочка взрослая и понимаю, что между нами огромная социальная пропасть. Тебя это не пугает? А что скажут твои родители на мою кандидатуру? В ваших кругах принято жениться на связях или деньгах, а за мной нет ни того, ни другого. Я хочу знать,*

что движет тобой?

– Мне нужна жена с родственной душой. Меня никогда не привлекали большие денежные средства. Я живу в достатке, от слова достаточно, хотя могу позволить себе многое. Мне интересен процесс создания капитала, способ его заработка и приумножения. Голова моя устроена так, что постоянно находится в поисках новых решений. Что касается связей, то они в руках отца. Мне не нужны деньги и связи, мне нужна нежная, внимательная и умная женщина, которая бы меня понимала, поддерживала, а не использовала, как денежный мешок. Ты мне нравишься, Вика. Я понятно выражаюсь?

– Более чем. Успокойся, – она положила свою ладонь на его руку.

– Я успокоюсь тогда, когда надену на твой палец обручальное кольцо, и ты переедешь сюда, уволившись с работы.

– Хочешь запереть меня в четырёх стенах? Выходит, я зря потратила время и силы на учёбу? Откуда мне было знать, что будущий муж будет меня обеспечивать. Что я буду делать дома?

– Будешь путешествовать со мною или без меня. Ты же этого хотела? Заскучаешь, я тебе организую работу в частной клинике, без ночных дежурств, а пока буду встречать тебя после работы.

– Мне с трудом верится в сказанное тобой, особенно в плане путешествия без тебя. Паша, я не оставляю работу,

чего бы мне это не стоило и как бы ты к этому не относил-ся. Пусть я буду работать на одну ставку и с минималь-ными дежурствами, но буду работать – это моё решение. Прими это как должное.

– Хорошо. Я дам тебе полгода после свадьбы на то, что-бы ты приняла окончательное решение о работе. Кто зна-ет, может тебе понравится жизнь без ранних подъёмов и дежурств по ночам. Пойми и ты меня, Вика, ты приобретаешь опыт, а мне от твоей работы одна головная боль.

– Мам, что мне делать? Мне Павел нравится, но что-то меня сдерживает сказать ему «да». Выйти за него замуж и запереть себя в клетке я не хочу, а он против моей работы. Хочет, чтобы я ушла. Квартира у него большая, где стериль-ная чистота и свои порядки. Чем я буду заниматься? Там всё делает приходящая прислуга. Мне и домашнюю работу не доверят. Я не верю, что он позволит мне путешествовать са-мостоятельно, если здесь ревнует к любому, рядом стоящему мужчине. Поживу я как принцесса месяц, другой, а потом взвою от тоски.

– Почему он против твоей работы? Что его не устраивает?

– Прежде всего, ночные смены и статус медучреждения. Да, и я, пожалуй, со своей профессией в его круг не вписы-ваюсь. Жена- домохозяйка – лучше, чем жена-врач муници-пальной больницы.

– Викуся, а может это не так и плохо? Тебе всего двадцать пять лет. Успеешь наработаться. На мой взгляд, Павел любит

тебя, оттого и бережёт.

– В этом я не уверена. Он никогда мне не говорил о своих чувствах. Он внимательный, заботливый, говорил, что я ему нравлюсь, но не о любви. Возможно, он из тех, кто предпочитает не говорить, а делать. Понимаешь, мамочка, я не испытываю от его предложения ни счастья, ни особой радости. Я не думаю ни о походе в загс, ни о предстоящей свадьбе, а это как-то неправильно. Влюблённая девушка должна быть счастливой.

– Дочка, тебя никто не тащит в загс силой, – сказал вошедший в комнату отец. – Прости, но ваш разговор я слышал с самого начала. Если в груди ничего не дрогнуло – не спеши. Павел не хочет ждать – это его проблема. Ты сама готова с ним расстаться в этом случае? – он обнял дочь за плечи.

– Скорее да, чем нет. Пап, симпатия не любовь. Мне не в чем упрекнуть его, но и согласиться с его доводами мне сложно. Хотя, с другой стороны, мне безумно хочется полететь в Лондон, на море, и он мне это обещает. А если это замужество единственный шанс исполнить свою мечту? Я буду ни первая, кто выходит замуж по расчёту.

– Ты думаешь, такой брак продлится долго?

– Я думаю, что мне нужно либо соглашаться, либо отказаться сразу. Завтра я знакомлюсь с его родителями, Павел заедет за мной перед обедом. Посмотрю, как меня примут, и сама приму решение. В конце концов, отказаться и вернуть кольцо я могу в любое время, но затягивать с этим не стоит.

Павел познакомил Викторию со своей семьёй. Приняли её радушно и ничего страшного не усмотрели в том, что она начинающий врач в обычной больнице, а поход в загс пришлось перенести. Родители Виктории уехали на похороны отца Сергея Павловича Петровского. Пока родители отсутствовали, между Павлом и Викой состоялся первый неприятный разговор.

– Я не намерен ждать полгода, если вы общались с дедом раз в пятилетку. Ты сама говорила, что он ушёл из семьи, когда отцу было пятнадцать лет, а ты его практически не знаешь. К чему этот цирк?

– Чего ты сердишься? Пойдём в загс через неделю. Ты же сумеешь ускорить регистрацию на неделю, две? Всё в твоих руках. Какой бы он не был, он мой дед. Вернутся родители, и мы всё решим.

Через неделю после разговора, Олег забрал Викторию после смены и привёз в ресторан, где её ждал Павел. После ужина он же увёз их на квартиру Павла.

– У тебя был повод сегодня выпить? – спросила Вика, снимая туфли в прихожей, проходя в гостиную и опускаясь на диван. – Как же я устаю от каблуков. Где это было и как?

– Никогда не задавай мне подобных вопросов. Правду я тебе не скажу, а выдумывать не хочу, – сердито ответил он, подошёл к бару, достал бутылку и наполнил напитком четверть бокала.

– Что у тебя с настроением? Неприятности?

– Неприятности будут у твоего отца, когда Татьяна Ивановна узнает о его давней связи с медсестрой, – он ухмыльнулся, выпил содержимое бокала, и лицо его стало чужим.

– Ты о чём?

– Ты, действительно ничего не знаешь? Твой отец не просто изменяет жене, у него почти есть вторая семья, – он на несколько секунд замолчал, снял пиджак, небрежно бросил его на диван. – Вика, я собираюсь на тебе жениться, и мне нужны родственники с чистой биографией.

– А что тебя не устраивает в биографии моей семье и чем она хуже твоей? Да, мои родители не занимаются бизнесом, они почти пенсионеры, но порядочные люди. В «чистоте» их биографий я не сомневаюсь. Личная жизнь моих родителей – это их выбор и не твоё дело. – Вика была сбита с толку тем, что услышала, а ещё заметила на рубашке нечёткий след от женской помады. – Ты сам мне говорил, вспоминая свою мать, что дети не отвечают за их поступки. Поговорим лучше о тебе. Мы ещё не женаты, а ты уже ходишь со следами дешёвой помады на рубашке. Не рано, или ты не заметил? Вот о чём нужно говорить. «Нарисовалась» первая неприятность у нас, а ты рассуждаешь о моих родителях, – грустно глядя на Павла, говорила она.

– Ты меня ревнуешь? – усмехнулся Павел, при этом глаза его не смеялись и смотрели, скорее, с вызовом.

– Повод сомнительный и бездоказательный для ревности, но неприятно осознавать, что я не единственная в твоей жиз-

ни. Если тебе где-то и с кем-то хорошо, зачем тебе я?

– Ты хочешь сказать, что делаешь мне одолжение, находясь рядом? Что не испытываешь ко мне каких-либо чувств и поэтому тянешь с браком?

– Паша, ты чего завёлся? В моих вопросах нет никакого подтекста. Мы оба знаем, что в наших чувствах нет большой и светлой любви, но симпатизируем друг другу, нам хорошо вдвоём, и нужно хотя бы быть порядочными в отношении друг друга. Я не права? Может мне уйти?

– А кто тебе это позволит сделать, мышь белая? Ты кого из себя возомнила? Принцессу с королевством или Мисс Мира? Да, ты умная, чертовски привлекательная, но на этом твои достоинства заканчиваются. Слышишь меня? – Павел наклонился над ней, и Вика заметила нехороший блеск в его глазах. – Таких, как ты, семьдесят процентов из ста, если не больше, – глаза его стали «злыми», готовые метать молнии. – Ты неблагодарная дура, посредственность, на которую я обратил внимание.

– А кого ты представляешь собой? Кто тебе дал право так со мной разговаривать? – Вика не была напугана, она была сердита. – С такими заявлениями, говорить о походе в загс не просто смешно, а глупо. Я похожа на идиотку, которая себе это позволит? Ты сам себя слышишь? У тебя с головой всё в порядке, чтобы делать подобные заявления?

– Значит, я, по-твоему, псих?

– Без всякого сомнения! Если я мышь белая, а не прин-

цесса с королевством, оставь меня в покое и найди ту, которая полностью соответствует твоим запросам, – снимая с пальца кольцо, спокойно сказала она. – Я тебе в подруги не навязывалась, и выслушивать подобное не собираюсь, – Вика протянула руку и положила кольцо на столик, собираясь подняться с дивана.

– Какая ты смелая. Оставлю, но для начала проучу, чтобы знала с кем говорить и как говорить, идиотка, – он схватил её за грудки так, что несколько пуговиц от блузки были оторваны, приподнял с дивана и ударил. Вика упала на пол и потеряла сознание. Павел пинал её, не замечая того куда бьёт, и того, что Вика на удары не реагирует. Заметив нижнее бельё, которое открыла взору распахнутая блузка, пришёл в возбуждение. Сломав молнию, стянул с неё брюки, и теперь был похож на маньяка, терзающего свою жертву. Только достигнув оргазма, пришёл в себя. С неподдельным ужасом он смотрел на лицо и тело Виктории, плохо соображая, как это могло произойти. Осторожно приподняв ей голову, обнаружил под ней кровь. Ему показалось, что пульса нет, и Вика не дышит. Присев на диван, он повторял одно и то же: «Ты сама во всём виновата». Его охватила паника. Павел, забыв о белье, стал натягивать на неё брюки дрожащими руками, а полы блузки завязал узлом. Перекинув Вику через плечо, взял вторые ключи от машины и спустился вниз. Положив её на заднее сидение, минуту постоял, вернулся в квартиру, где оставались её вещи. Бельё он засунул в сумку Виктории,

а туфли в пакет, взятый на кухне. Бросив сумку и пакет в салон, он отъехал от дома, даже не подумав о том, что над входом в подъезд есть камера. У него не было конкретного плана. Всё, чего он хотел сейчас, это увезти Викторию подальше от дома. Павлу не повезло. Всего через десять минут езды, он не остановился на требование инспектора ГАИ. Началась «погоня», которая закончилась уже через пять минут. От Павла пахло алкоголем, а при осмотре авто обнаружили Викторию без сознания и в сомнительном виде. Наряд милиции прибыл раньше машины скорой помощи. «Она жива? Везите её в хорошую больницу», – сказал врачу Павел, молчавший всё это время. Вика пришла в себя в машине скорой, по дороге в больницу и попросила позвонить отцу, сообщить, куда её везут. Ещё в приёмном покое с неё сняли показания.

– Кто это с вами сделал? – спросил мужчина в штатском, но предъявив удостоверение, которое Вика и не рассмотрела.

– Павел Лесников. Это было в его квартире, – тихо ответила Вика и назвала адрес. – Видимо от большой и светлой любви, – она прикрыла веки и тихо заплакала от обиды и унижения, но истерики не было. Ещё никто и никогда не поднимал на неё руку.

– Девушку не просто избили, её изнасиловали, – добавил врач. – Вы посмотрите на неё и на её одежду – откинув простыню, добавил он. – Таких уродов нужно душить на месте.

Дождитесь экспертного заключения, а мы продолжим обследование.

Сергей Павлович Петровский приехал в больницу вместе с женой, привезя дочери одежду и предметы гигиены. После осмотра специалистами, ей разрешили принять душ, проводив в платную палату.

– Как её дела, доктор? Я её отец и, некоторым образом, ваш коллега.

– Физическая боль пройдёт, а вот психологически, она может долго страдать. Она знает обидчика?

– Этот урод сделал ей предложение две недели назад.

– Возможно, она оправится раньше. Вика девушка хрупкая, а били её, скорее всего, ногами. Повреждения внутренних органов нет, а ушибы исключить нельзя. Череп цел, но «приложилась» она головой основательно – сильное сотрясение. Поэтому она не приходила в сознание достаточно долгое время. Раньше десяти дней я не рискну давать окончательного прогноза. Посмотрим, что будет завтра, через день, два. Оплатите пока недельное пребывание, а дальше посмотрим. При ней была сумка с документами. Мы всё оформили. Сейчас ей сделают обезболивающий и успокоительный укол. Ей нужно отдохнуть и физически, и душевно. Пусть спит.

Уложив дочь в постель, Татьяна Ивановна дождалась, пока она уснёт, не переставая украдкой плакать.

– Таня, поезжай домой, успокойся и отдохни. Вика сильная, она справится, и мы должны держаться. Серьёзных по-

вреждений нет – это уже неплохо. Я какой никакой врач, утром сюда пожелует милиция, адвокат и ещё чёрт знает кто. После обхода я заеду в банк, всё оплачу и буду ждать тебя здесь. Перенесу все приёмы на послеобеденное время. Я на связи, а Вика проспит до утра. Ей нужен сон. Приготовь на завтрак что-нибудь вкусное, – говорил он, обнимая жену, провожая на выход. – Не реви. Всё будет хорошо.

Виктория проснулась, когда солнце только встало из-за горизонта, и увидела сидящего в кресле отца, который спал. Голова и туловище болели даже при полном покое. «Докатилась! Сиделка, платная палата и глупая голова на плечах – это то, что мы имеем. Олег предупреждал, а я не поверила. Что же вызвало причину такой агрессии? А что могло быть дальше? – думала она, закрывая глаза и вспоминая вчерашний день.

– Вика, к тебе следователь пришёл. Он должен с тобой поговорить, – тронул её за руку отец.

– Пусть войдёт, если должен. Ты тоже останься.

– Виктория Сергеевна, мы можем поговорить или перенесём дачу показаний? Вид у вас неважный.

– Спрашивайте. Я буду такой «красивой» не меньше недели.

– Вы помните, что с вами произошло и где? Будете писать заявление на Лесникова? Он задержан.

– Буду. Вы оставьте мне бумагу, и я изложу всё в письменном виде, если это нужно, а хотите, запишите всё с моих

СЛОВ.

– Патрульные написали рапорта, есть протокол задержания, а в нём время – девятнадцать сорок. Меня интересует: как провели вы этот день, прежде чем попали сюда? Как оказались в машине? Как давно знаете Павла Лесникова?

– Мы познакомились больше года назад. Я случайно встретила своего одноклассника Олега Родионова, который работал у Павла охранником-водителем. Пока разговаривали, подошёл Лесников, и мы познакомились, – она замолчала. Разговор давался с трудом. Каждое слово отдавало тупой болью в голове, но она была уверена, что именно первый разговор важен. Виктория говорила через полуоткрытый рот медленно и тихо, придерживая салфетку у разбитой губы. – Мы виделись редко. Я оканчивала интернатуру, училась и работала, было не до романов. В июне 2006 года получила сертификат и стала работать в роддоме. Павел начал за мной ухаживать осенью. Иногда встречал меня с работы на машине с водителем, дарил цветы, мы бывали в кафе. Он мне нравился. Был привлекательным, остроумным, внимательным, независимым, с чувством юмора. Такие нравятся девушкам. Две недели назад он сделал мне предложение, я его приняла, но в загс не торопилась. Меня Олег предупреждал, что Павел не контролирует себя в гневе, но я ему не поверила, да и не ссорились мы, повода не было. Ему не нравилась моя работа из-за графика, он даже предлагал уволиться. Вчера мы встретились в ресторане, поужинали, Павел выпил, но и до

этого был немного нетрезв. Олег привёз нас к нему на квартиру около семи. В этой квартире я была третий раз. Сняла в прихожей туфли, мы прошли в комнату. Он снял пиджак, и я увидела на его рубашке нечёткий след от дешёвой помады. Сказала, что мы ещё не женаты, а следы посторонних женщин имеют место. Он обозвал меня белой мышью, неблагодарной дурой. Я ответила, что у него с головой непорядок, сняла кольцо с пальца и собиралась уйти. Он схватил меня за грудки, приподнял с дивана и ударил. Это всё. Дальше темнота. Я очнулась в машине скорой помощи.

– Теперь это многое объясняет. Вас обнаружили в машине без сознания, обуви и в блузке без пуговиц.

– Сюда меня привезли даже без нижнего белья, а вы говорите о туфлях. Вы говорите в машине? Чья это была машина? Как я в ней оказалась?

– Машина принадлежит Павлу Лесникову. Камера на подъезде зафиксировала, как он выносит вас на плече. Мы провели обыск у него на квартире. На журнальном столике лежало кольцо, а на полу у дивана следы вашей крови и несколько пуговиц от блузки. Пятен крови немного, но они есть. Судя по синякам и ссадинам, вам изрядно досталось.

– Но Павел в последнее время не садился за руль, у него был водитель. Если он был за рулём, куда он меня вёз и почему в таком виде? Почему он так взбесился? В его тоне было столько презрения и превосходства. Вы можете мне что-нибудь объяснить? Меня никогда не унижали подобными раз-

говорами, не говоря уже о побоях и насилии.

– Сам Лесников побои отрицает, и факт насилия не признает. По его словам вы упали, потеряв сознание, а он вёз вас в больницу. Только это сомнительное объяснение. Его пытались остановить гаишники по дороге из города, а в той стороне нет больниц. Он мог вызвать скорую помощь, а не садиться за руль в состоянии алкогольного опьянения.

– Судя по моим ощущениям, падала я ни один раз и, видимо, после добровольного, но жёсткого секса. Вам самим это не кажется абсурдным? У меня есть только одно объяснение происходящего – он нездоров. Не было в моих ответах оскорбительных слов, чтобы отвечать на них физической расправой. Чем можно вывести из себя здорового человека, чтобы он стал зверем?

– Почему Лесников ездил не сам, а с водителем? Это была необходимость или фарс?

– Этого я не знаю. Поговорите с Олегом Родионовым. Он работает у них достаточно, чтобы пролить свет на ситуацию. Вы мне скажите: что его ждёт? А как мне быть, если он не признаёт своей вины и его оправдают адвокаты?

– Не переживайте раньше времени. Его накажут в любом случае, если не тюрьма, то спецлечебница. Он собрал на свой счёт ни одну статью. Вас видели в ресторане, привезли к нему домой, запись с камеры – это улика. Промежуток времени, между входом в подъезд и «выносом» вас на плече, всего тридцать две минуты. Через десять минут его останав-

ливают. Ему не отвертеться, даже при хорошем адвокате. Но и от встречи с ним в суде я не дам вам страховки. Поправляйтесь.

– Вы забрали мою одежду, ту, в которой меня привезли сюда?

– Да. И одежду забрали, и экспертизу освидетельствования.

– Можете её позже выбросить. – Пап, езжай домой отдохнуть, а я постараюсь уснуть. Я буду ждать вас вечером.

Уснуть не получилось. Минут через двадцать после ухода отца, Викторию посетил Анатолий Иванович Лесников, отец Павла.

– Зачем вы пришли? Полюбоваться на работу вашего сына? Как я вам нравлюсь? Вы считаете, что я это заслужила? Уходите.

– Ты не о том говоришь, девочка. Я не о пасынке своём беспокоюсь, а о тебе. Да. Павел сын моей первой жены, – он взял стул и присел на него рядом с кроватью. – Что-то подобное у нас уже было, правда девушке досталось меньше, она сумела сбежать, написав заявление в милиции. Конфликта удалось избежать. Тебе повело меньше из-за потери сознания, а он показал свою сущность. Можешь не верить, но Павлу удалось меня убедить, что он здоров, а приступ агрессии, ни что иное как нервы. Оказывается, что его неврастения, на самом деле шизофрения. Об этом я узнал два года назад. Тюрьма ему не грозит, а из лечебницы он выйдет через вре-

мя. Кто знает, что ему придёт в голову в очередной раз? – Лесников тяжело вздохнул.

– Вы знали, что он сделал мне предложение, одобрили его, и не могли не предположить, что может произойти очередной срыв.

– Прости. Я очень надеялся, что после курса лечения, он будет нормальным. Павел обещал мне, что сам расскажет тебе обо всём и не бросит лечение. Он справлялся с этим ни один год. Умные люди часто бывают немного шизофреники. Вика, исчезнуть тебе нужно. Исчезнуть, чтобы он тебя не нашёл, если вздумает искать. А мне легче пережить один раз позор, чем брать очередной грех на душу. Что заработал, то и получит. Здесь деньги, если решишь уехать, – он достал из пакета конверт и положил на тумбочку у кровати. – Я тебя не покупаю, а хочу, чтобы ты жила без страха. Подумай сама, Вика, его репутация рухнет, как только информация о случившемся разлетится по городу. Как он это воспримет? Хорошо, если свою вину признает, а если начнёт искать крайнего после лечения? Сколько он просидит под надзором? Что будет через полгода, год? Я не хочу, чтобы ты подвергала себя опасности.

– А как же мои родители, мои планы? Вы не берёте их в расчёт?

– А ты встречала психически больного человека одержимого мстью? Поверь мне на слово – это хуже чем бандит в подворотне. От того знаешь чего ожидать, а этот может ото-

мстить физически, а может сделать тебя своим соседом по палате. Мать Павла так меня и изводила, – Лесников поднялся со стула, отодвинул его в сторону. – Передай отцу, я оплатил твоё пребывание в больнице. Я видел его, но не рискнул подойти. В его глазах я тоже виноват. Прости меня ради Бога. Поправляйся. В пакете витамины.

Лесников вышел, а Вика позвонила отцу, передав, что лечение оплачено, убрала пакет в тумбочку и закрыла глаза, вспоминая разговор с Олегом, который состоялся по дороге в ресторан вчера.

– Вика, послушай, что я тебе скажу: Павел не тот, каким хочет казаться. Ты можешь мне не верить, но выслушать меня должна. Ты помнишь наш разговор после знакомства с Павлом? Я кое-что узнал, сопоставил. Складывается впечатление, что он не совсем здоров. В порыве гнева, он не контролирует себя, особенно, если в его крови алкоголь.

– Ты хочешь меня напугать? Олег, ты меня ревнуешь?

– Я хочу тебя уберечь. Вика, если он заговорил о браке, тебе от него не избавиться. Что ты на меня так смотришь? В его дом есть только вход, а из него вынос. У тебя нет влиятельных родственников, и всё может закончиться плачевно. Год назад он избил случайную знакомую, просто за то, что с ним не согласились. Она сумела сбежать, сняла побои и заявила на него в милицию. Скандала избежали, но отец Павла выплатил ей приличную сумму. Я сам отвозил

ей деньги, но и подумать не мог, что это плата за побои. Дело прошлое, но я недавно нашёл её и поговорил.

– А ты не боишься, что я расскажу об этом разговоре Павлу?

– Боюсь! Но и молчать не могу. Ты мне не чужой человек. Я тебя уже один раз предал, второго раза я не допущу. Вика, я не питаю к нему ни братской любви, ни ненависти, но в обиду тебя не дам. Ему нужен этот брак, правда, я никак не могу понять зачем. Пожалуйста, будь осторожна.

– Ты нарисовал мне мрачную картину жизни. Что мне делать?

– Не знаю. Я никогда не видел его в гневе и всегда считал нормальным, но, оказывается, он может быть и безумным. Почему он не расскажет тебе о своей проблеме? Почему так торопится с браком? Ты можешь быть уверена в безопасности, если откажешься от предложения? Финал отношений берёшься предсказать? Ты можешь выйти замуж, но будь внимательна и не позволяй ему пить. А если откажешь – тебе лучше уехать на время, чтобы не нашёл?

– Почему я должна от него бегать?

– Ты не должна, Вика. Это он может поставить тебя в такие условия, что ты сама захочешь сбежать. Подумай об этом.

«Вот как бывает. Я не поверила Олегу или не хотела верить, доверилась Лесникову, ведь Павел не был похож на монстра, каким его представил Родионов, и попала в непри-

ятную историю», – успела подумать она, когда в дверь палаты постучали. Вошла медсестра и сообщила, что пришёл адвокат Лесникова.

– Пошлите его к чёрту. Я не скажу ему ни слова. Всё что я знала, рассказала следователю. Пусть убирается, защитник хренов, – сказала она и заплакала.

Прошли двое суток. Утром к Виктории приходила мама, а после обеда навещал отец. Был с визитом и Олег Родионов, который застал в палате Вики её отца.

– Как ты сегодня себя чувствуешь?

– Лучше. Руки уже не дрожат, а с головой проблемы остаются. Мне кажется, что там нет сотрясения, вернее нет мозгов, а значит, нечему и сотрясаться. Прости, что не поверила тебе, а ты оказался прав.

– Вика, что с настроением? О чём ты думаешь? – Олег взял её за руку.

– Отец Павла, как и ты, советует мне уехать подальше. Даже он не предполагает действий или бездействия сына. Может, мне прислушаться к вашему совету?

– Ты отнесись к нашему предложению серьёзно. Твоё имя будет теперь у многих на устах. Многие знают: он в изоляторе, ты в больнице. Жёлтая пресса копается в грязном белье. Его репутации конец. Как он это воспримет? Какое решение вынесет комиссии, суд? Сколько ему дадут и что? Будешь ходить и оглядываться?

– Олег, спасибо, что пришёл. Я подумаю обо всём серьёз-

но. Ты теперь останешься без работы?

– Меня оставляют в компании. Найдут что-нибудь и для меня. Поправляйся.

– Вика, у меня же приятель есть в Сибири, отец Саньки. Он сейчас работает главным врачом в городской больнице. Я могу позвонить и узнать.

– Пап, ты позвони Старкову. Я поеду, но не потому, что боюсь Лесникова, а потому, что мне больно на вас смотреть. Павел сказал, что у тебя давняя связь с медсестрой, а ты скажи, что это неправда. Я два дня наблюдаю за вами, а вы оказывается хорошие артисты.

– Нет в наших отношениях с мамой никакой игры. Измена была, а предательства не было. Таня всё знала и знает. Я ей никогда не лгал. Всё началось как-то внезапно. К тому времени мы с Леной проработали вместе год. А на моём Юбилее она призналась мне в своих чувствах и взяла инициативу в свои руки. Вот так и начался роман. Мы чаще встречались на работе. Я стал не просто отцом, а биологическим в пятьдесят один год. Илья родился в марте две тысячи шестого. Мы делали вид, что у нас всё в порядке ради тебя. Лена меня не привязывала ребёнком, ничего не требовала, не стремилась жить вместе, я просто оплачивал им съёмное жильё, помогал материально и иногда навещал. Мальчик рос, я к нему привязался, стал бывать у них. А уйти совсем я не мог, не решался. Видимо, боялся разорвать старые нити, а новые были не так прочны.

– Маму устраивала такая жизнь? Тебе её не жаль? Вы тридцать лет прожили вместе.

– Мама сама приняла решение. Мы с ней друзья и останемся ими, какими бы ни были наши личные жизни. Мы виноваты перед тобой только в одном – скрыли правду. Но это наша жизнь, дочка. Я не знаю, как сложится моя жизнь в новой семье, и сложится ли вообще, но и оставить их я не могу. Мы решили рассказать тебе обо всём после твоей свадьбы.

– Ты уйдёшь к новой семье, а что будет с мамой?

– У мамы есть друг, но я не знаю, насколько они близки, а Таня планами не делиться. Трудно начинать всё заново после пятидесяти лет, но возможно. Не осуждай нас и подумай о себе.

– Господи, где были мои глаза? Как можно не заметить за два года перемен в семье? Нужно быть слепой и глухой, чтобы этого не видеть.

– Вот видишь, ты уже бунтуешь. Ты помнишь, как приняла известие об усыновлении? А как бы ты приняла новость о нашем разводе? Всего не объяснишь, дочка. Я и сейчас не уверен, нужен ли мне развод с мамой, но откажись от него, я и маме не дам шанса устроить свою жизнь.

– Ты хотел бы вернуть всё назад?

– Это невозможно, Вика. Прошлое не возвращается, а наше настоящее очень призрачно. Я позвоню Старкову и в следующий раз приду с новостями. Пиши заявление на уволь-

нение, я завезу его тебе на работу. Ситуацию они знают. Пока ты здесь – пройдёт неделя, а вторую отработаешь.

«Вот это поворот. Отец с матерью больше двух лет живут вместе, изображая крепкую семью, а я в это слепо верю. Какая же я дура! Все свои большие и маленькие проблемы выкладывала им, а об их проблеме и не догадывалась. Мама может обвинять себя за то, что не родила отцу ребёнка – это понятно. А отец? Я не верю, что он разлюбил маму. Но сделал выбор в пользу сына, пусть и от другой женщины. Он стал отцом, счастливым отцом. Разве это вина? А я сама? Разве мне плохо жилось в приёмной семье? Родители всё делали для того, чтобы у меня было счастливое детство, а я никогда не была прилежным ребёнком, имея взрывной характер. Они меня любят, хотят мне счастья. А я? Разве я не хочу видеть их здоровыми и счастливыми? Почему они не могут быть счастливы если не вместе, то порознь? Они страдают из-за моего спокойствия, а это неправильно. Нужно исправлять ситуацию, принимать решение, становиться взрослой», – думала Вика в ожидании матери.

– Здравствуй, дочка. Я разговаривала с папой и знаю о вашей беседе. Да, заявление твоё подписали, пожелав тебе скорейшего выздоровления. Ты поешь, а поговорим позже или сделаем это наоборот?

– Изложи мне свою правду, мама.

– Хорошо. Папа не скрывал, что станет отцом. Я даже за него порадовалась. Ты пойми, Вика, наш папа однолюб. Их

мало, но они есть. Связь прекратилась бы сама собой, если бы не беременность. Поверь мне, я знаю, о чём говорю, прожив с ним тридцать лет. Мы с ним рядом, но не вместе. Между нами нет близости, но нет и ревности. Мы оба понимаем, что обвинять друг друга не в чем, да и глупо. Что дадут взаимные упрёки? Судьба так сложилась. Здесь мы с папой познакомились тридцать лет назад, здесь и разойдёмся. Кто-то умный сказал: «Если любишь – отпусти». У меня появился новый знакомый. Правда, познакомились мы с ним при необычных обстоятельствах. Я встретила случайно со школьной подругой. Она пригласила меня на свой день рождения. Там я и встретила Потапова – бывшего муж Натальи. Они давно в разводе. Взрослая дочь живёт с отцом, собирается замуж. Я не стремлюсь выйти замуж за Анатолия, хотя он настроен серьёзно. Видишь ли, одно дело, когда тебе целуют руку, совсем другое, стать гораздо ближе. Я к этому не готова. А говорить о своём романе, после пятидесяти, как-то неловко, – говорила Татьяна Ивановна, держа дочь за руку и глядя в глаза. – Мне не хочется, чтобы ты уезжала, но если всё же решишься – наша квартира останется за тобой. У нас с папой есть родительское жильё. Понимаешь, ни у кого нет уверенности, что Павел оставит тебя в покое. Этот случай сильно ударит не только по его самолюбию, но и по репутации. Плевать, что он сам во всём виноват. Будет искать крайнего, начнёт преследовать или мстить. А если это болезнь? Как поведёт себя при встрече душевнобольной че-

ловек в следующий раз?

– Если у папы получится решить вопрос с работой – я поеду. Попробую стать взрослой, проживу самостоятельно, поумнею. Мы с тобой вспомним, как компактно паковать вещи при переезде, – Вика пожалала руку матери.

– Не преувеличивай. Ты повезёшь только свои вещи. Квартиру можно снять с мебелью и техникой, сейчас с этим проще, а я через месяц тебя навещу и привезу то, что нужно в зиму. Не забыла, что в тех широтах в ноябре уже холодно. Присаживайся удобнее, будешь обедать.

Через пару дней Сергей Павлович пришёл навестить дочь в приподнятом настроении и спросил, присаживаясь рядом:

– Ты не передумала уезжать, дочка?

– У тебя получилось? А как там Санька?

– Миша договорился о работе в роддоме. Есть вакансия ординатора. Санька работает в налоговой, не женился, а Раиса Максимовна работает с мужем и заведует терапией. Санька обещал подобрать до твоего приезда варианты съёмного жилья в районе роддома, а до этого они приютят тебя у себя. Кажется всё.

– Пап, время у меня было на анализ ситуации, и вот что я тебе скажу: живите для себя. Пусть каждый день вам приносит только радость. Ты меня проводишь? У мамы начнётся учебный год.

– Поедем поездом до Москвы, а там самолётом. Сейчас уже не сезон отпусков, билеты можно заранее не заказывать.

Выпишут, с работы уволишься и поедем.

– Пап, адвокат Павла приходил.

– Что говорит?

– Много чего говорил, только я плохо слушала и ничего не подписывала. Ему максимально «грозит» лечебница на полгода. Он болен и не первый год. Об этом мне сказал адвокат. Я не буду ждать суда. Я его не боюсь, зная, на что он способен, но и не хочу участвовать в этом цирке. Пусть всё остаётся на совести Фемиды. Мои показания на суде ничего не решат, – открывая тумбочку и доставая из сумки конверт, говорила Вика. – Это деньги. Их принёс отец Лесникова на следующий день, тогда же оплатил моё лечение. Пап, Павел ему пасынок, сын его первой жены.

– Не повезло приёмным родителям.

– Знаешь, мне стыдно признаться, но я сама во всём виновата. Чем больше убеждал меня Олег не связываться с Павлом, тем мне сильнее хотелось отомстить самому Олегу чисто по-женски. Я впервые подумала о том, что заигралась, когда Павел сделал мне предложение. Его желание жениться, я воспринимала как некую блажь и хорошо понимала, что ему нужна не именно я, а просто неглупая девушка с образованием. А вышло, что я полная дура.

– Зря ты так, Вика. Павел умный, образованный, воспитанный. Это не он, а его болезнь виновата. Приступы ярости невозможно контролировать. Он о них может не помнить, а если и помнит, то не может объяснить. Я встречал-

ся с Лесниковым. Павел осознавал, что без лечения болезнь будет прогрессировать, и лечился, проводя по два-три месяца в клинике, а сам факт болезни скрывал. Он и в Англию поехал не столько ради учёбы, сколько ради лечения. Там какая-то своя методика. Разве псих до этого дошёл самостоятельно? Если бы ни его срывы с алкоголем, он был бы вполне нормальным. Случай с тобой получил резонанс и его уже не скрыть. Возможно, наше решение о твоём отъезде единственно правильное. Не будь Лесниковы публичными людьми, тебя бы и не заметили, а так твоё имя будет у многих на устах. Раздуть скандал в пароходстве – это малая часть того, что может быть. Тебе нужно такое внимание? Я запретил любое посещение журналистов, но это такой народ, для которого нет запретов.

– Были желающие получить у меня «горячие» новости?

– А они и сейчас есть. Их интересует не твоё состояние, а то, как и что ты чувствуешь к виновнику, какое наказание предпочла для него, какую компенсацию хотела бы получить.

Двадцать четвёртого августа Викторию выписали из больницы. Первым делом она навестила бабушек, которым правды не сказали, а её отсутствие объясняли занятостью. Отъезд к новому месту работы старики приняли спокойно, взяв с неё слово, звонить раз в десять дней.

На работу она отправилась в понедельник, не рассчитывая на увольнение без отработки. Встретили её коллеги с сочув-

ственными лицами.

– Виктория, я подписала тебе заявление без отработки. Замену мы тебе нашли, а ты у нас за год и в отпуске не была. Как ты себя чувствуешь? Отец говорил, что хочешь уехать.

– Не знаю, что делать. Меня убеждают уехать, а я чувствую, что мой побег от действительности не выход. Я ничего не сделала, чтобы скрываться, кого-то бояться.

– Ты не забыла, что он если и не шизофреник, то близок к этому. Разве ты ожидала от него побоев? Он садист! Откуда тебе знать, чем закончится суд, что он предпримет, выйдя на свободу? Родителей пожалей. Пусть придумают историю, что поссорилась с семьёй и уехала тайком. Пусть ищет, а может, постарается забыть. У тебя всё получится. Захочешь вернуться – город большой и работу найдёшь. Ты будешь хорошим врачом. Уже сейчас умеешь многое. Удачи тебе. Иди в кадры, а потом в бухгалтерию.

– Спасибо вам. Можно я завтра навещу вас в конце смены?

– Приходи, я передам всем на пятиминутке.

Виктория вернулась домой после обеда с ощущением лёгкого разочарования. Она проходила в этом коллективе интернатуру и проработала здесь чуть больше года – жаль было уходить.

– Вика, что-то не так?

– Всё в порядке, мама. Я получила расчет с учётом отпуска. Знаешь, столько сочувствия и участия – мне даже нелов-

ко. А ещё я чувствую себя как человек, совершивший подлость и спасающийся бегством.

– Не говори глупость. Твои коллеги надеялись на скорую свадьбу. Такого поворота никто не ожидал. Каждый примеряет эту ситуацию на себя. Ты не бежишь, дочь. Уехав, ты лишаешь подлеца возможности сделать очередную подлость, если он её задумает. Нельзя быть уверенной в действиях или бездействиях Павла. Лучше держаться от него подальше, даже если это единственный его грех. Мы с папой готовы тебя защитить, знать бы, как и когда. Поэтому собирайся и улетай. Считай, что едешь в командировку «поднимать» сибирскую медицину. В большом городе и с работой проще и со съёмным жильём, – обнимая дочь, говорила Татьяна Ивановна.

– Мам, я поеду. Не переживай обо мне. Я девочка взрослая, справлюсь.

– А о ком мне ещё переживать? Устроишься, и я прилечу к тебе на каникулах.

Виктория собрала необходимые вещи, которых набралось две вместительных сумки, положив документы отдельно и переведя деньги через банк. Мать провожала мужа и дочь на вокзал, откуда они должны были выехать в Москву, а дальше Вика полетит одна. Они только сели в подъехавшее такси, как начался сильный дождь.

– Последний летний дождь в этом году, – сказала Татьяна Ивановна, обнимая дочь. – Это к удаче! Дождь смывает все следы прошлого, и начнёшь всё с чистого листа. Серёжа, ты

помнишь, как пел Тальков:

«Память уже не жалит, мысли не бьют по рукам.

Я тебя провожаю к другим берегам.

Летний дождь, летний дождь начался сегодня рано.

Летний дождь, летний дождь души моей омоет рану...

– Я помню и другие строки: «Смой дождь ненужные тревоги,

Дари мне радость за двоих». Что-то из студенческого репертуара, – ответил отец. – Не переживай, Виктория. Ты можешь вернуться в любое время. А дождь – хороший знак к предстоящей дороге. Не вешай нос, дочка!

Глава 3

Пройдя в московском аэропорту регистрацию на рейс, Виктория ожидала посадки, а отец возвращался в Питер. Она в очередной раз думала, правильно ли поступила, оставляя мать и отца в такой непростой ситуации. Как сложатся отношения, если отец уйдёт к сыну, а мама так и не решится выйти замуж? Как всё это воспримут родители родителей? «Сколько не думай, а я свой выбор уже сделала. Отношения между мамой и отцом сейчас нормальные и всё у них получится. Возможно, после того, как я узнала обо всём, и им будет легче принять решение. Теперь нет причины скрывать истинное положение, – думала она, удобно устраиваясь в кресле самолёта. – Через четыре часа я буду на месте».

Вика не торопилась покинуть салон самолёта и вышла одной из последних, зная, что получение багажа несколько затянется, а о чём говорить, со встречающим её Санькой, с которым расстались девять лет назад, не имела представления. Вика не могла сказать с полной уверенностью и того, видела ли она сон или это были воспоминания юности о поцелуях в подъезде, о единственной ночи перед отъездом и о следах, которые она «лила» трое суток в купе до самой Москвы. Приехав в Питер, она в первую очередь позвонила по домашнему телефону Саньке. Потом были письма. Он писал их каждую неделю почти три месяца, а Вика отвечала на них.

Позже было совсем короткое письмо, в конце которого он написал: «Прости меня».

Виктория узнала Александра Старкова среди встречающих сразу. «Породистый рыжий конь», – промелькнула мысль, когда она увидела высокого, спортивного рыжего молодого человека. Она подняла руку, заметив на себе его взгляд, и помахала в знак приветствия.

– Привет, рыжий, – сказала она, подойдя ближе, и повисла у него на шее. – Ты прямо пожарная каланча!

– Какая очаровательная жительница северной столицы к нам пожаловала, – говорил он, обхватив её за талию, покружил пару раз и опустил на пол. – Повернись – я на тебя посмотрю. Не узнал бы, не подними ты руку. Не будь я рыжим, и ты бы меня не признала.

– Твои волосы стали темнее. Тебе идёт такой цвет. Какой у тебя рост, великан? Я тебе по плечо.

– Метр девяносто и вес девяносто. Это ты у нас Дюймовочка. А цвет натуральный и на всю оставшуюся жизнь, пока не поседею.

– Нормальный у меня и рост, и вес – сто шестьдесят четыре на пятьдесят четыре. У меня фигура почти идеальная, – смеялась Вика. – Пойдём багаж получать.

– Вика, скажи мне для начала всё, что ты обо мне думаешь. Твой приезд напомнил мне нашу историю, и я чувствую себя, скажем, скверно. Ты обижена?

– Саш, ты о чём? Мне было шестнадцать лет и я, конеч-

но, страдала, но, во-первых, недолго, а во-вторых, столько лет прошло. В школе у меня появился друг среди одноклассников. Через год он ушёл в армию, а вернулся с женой. Я дала себе слово до окончания университета не заводить романов, да и как-то не цеплял никто. Начала изучать английский. Слово почти сдержала, пока бабушка не сосватала сына своей приятельницы. Роман наш длился полгода, и мне сделали предложение. К тому времени мы оба окончили учёбу. Антон получил предписание в госпиталь Мурманской области, а я осталась в Питере, не приняв предложение. Знаешь, не было тех чувств, чтобы бросить всё и уехать. Прошла интернатуру, через год вышла на работу и вляпалась в историю, которая меня сюда и привела. Так что обида на тебя, по сравнению с промахами, которые я допустила позже, не стоит выеденного яйца. Забудь. Мы с тобой просто привыкли друг к другу, возможно, это и не было влюблённостью. Могло случиться и наоборот. Ты молодец, что написал обо всём. У тебя не осталось обязательств, а у меня иллюзий.

– Значит, мир?

– И мир, и дружба, и сентябрь. Поедем на автобусе или на такси?

– У меня машина на стоянке. Я приехал на час раньше до прибытия рейса. Всё голову ломал: как разговаривать с тобой? Показывай свой багаж.

Подхватив две сумки, Александр пошёл на выход, Виктория пошла следом. Поставив сумки в багажник, он открыл

перед ней двери машины и занял место водителя.

– Вика, последний вопрос из прошлой жизни. Ты же врач. Как ты просмотрела психопата? Так была влюблена, что не замечала в нём странностей?

– Саш, я не психиатр. У меня другой профиль. Распознать шизофрению внешне достаточно сложно, если ты общаешься с человеком два-три часа в день. А что касается любви, то её, думаю, не было. Был интерес, была симпатия, возможно, влюблённость. Болезнь – это недостаток, а у него было много достоинств. Человек учился в Англии, знает английский, умный, разносторонний, один из руководителей большой компании. Есть такой сорт людей, которые умеют расположить к себе. Он нравился не только мне, но и моим родителям. Рыцарь без страха и упрёка. Что тебя ещё интересует? Какие у нас планы?

– Едем к родителям, завтракаем и, если ты не устала от перелёта, проедемся по маршруту «новая работа – съёмное жильё». Вика, пойми меня правильно: ты можешь жить у родителей долго, и мы можем никуда не торопиться. Но, помня твою обязательность, я решил выполнить всё, не откладывая, а дальше решай сама. Да, ты мне ничего не сказала о цене, Я взял на себя смелость и выбрал на свой вкус, не беря во внимание старые дома. В новых домах и площадь больше, и в подъездах чище. Смотрел квартиры с мебелью и техникой. Пока определишься, поживёшь в моей комнате. Я там бываю редко. Живу в квартире деда после хорошего

ремонта. Дом, правда, маминого детства, но я там привык.

– А как поживают родители? Я не сильно напрягла Михаила Степановича?

– Глупости не говори. Он тебя «пристроил» в обычную муниципальную больницу, где всегда не хватает кадров. Родители в прошлом году отметили пятидесятилетние юбилеи. Работают, живут на Гоголя 42, а я на Танковой 17. Если хочешь, поживи в моей квартире.

– Я хочу свою квартиру, пусть и съёмную. Так я не буду вторгаться ни в чью жизнь и сама себе буду хозяйкой. Ты всё правильно сделал.

– Вика, а ты нашу школу помнишь? Теперь это гимназия. Мы можем устроить в один из выходных экскурсию и проехаться по местам боевой юности. А вообще ты правильно сделала, что приехала. Тебе нужно сменить обстановку и коллектив. Новые люди, новые знакомства, и в ближайшие полгода-год некогда будет думать о случившемся, – рассуждал он, поглядывая на Вику.

– На дорогу смотри, Шумахер. Или ты хочешь угробить меня, чтобы не возиться с внезапно нагрянувшей гостьей? – Виктория улыбнулась. – Посмотрим на роддом, покажешь мне дорогу к месту жительства. Квартиры можно посмотреть, но окончательно определяюсь, когда меня примут на работу.

Встреча с родителями Саши была тёплой. Да, прошло много времени, как они расстались, но до этого дружили лет

тринадцать, а после переезда Петровских, не забывали общаться по телефону. Выходные дни она провела в обществе Саши, который возил её по адресам, а вечерами рассказывала Старковым о жизни в Питере, боясь проговориться об отношениях родителей.

В понедельник Михаил Степанович подвёз её к роддому, и Виктория Петровская предстала пред светлые очи заведующей отделением Костровой Раисы Степановны. Женщине было около пятидесяти лет. Она была невысокого роста, с аккуратным пучком русых волос на голове и добрыми глазами, которые смотрели на Вику «лишившись» очков.

– Я не спрашиваю тебя о причинах переезда, а какой ты врач – покажет время. Спокойной жизни не обещаю, но три недели у тебя испытательный срок. Посмотрим, чему ты научилась за год самостоятельной работы. Можешь рассчитывать на мою помощь. Справишься – буду рада, не справишься – не обижайся. Сегодня идёшь в кадры, а завтра в восемь жду на пятиминутке. Да, если хочешь узнать о наших порядках, я приглашу старшую сестру – она введёт тебя в курс дела.

– Приглашайте. Я согласна.

Виктория познакомилась со старшей сестрой, посмотрела отделение, получила информацию о внутреннем распорядке, ночных дежурствах, форме одежды и обуви. Вика, не стесняясь, задавала ей вопросы и подсознательно сравнивала «порядки» в питерском роддоме и местном. Позже она посети-

ла отдел кадров и к полудню была свободна. «Санька освободиться в семнадцать. У меня впереди пять часов, нужно использовать это время с пользой», – думала она, а ноги сами вели в сторону предполагаемого жилья. Найдя номер телефона, позвонила хозяйке квартиры. Час времени она «передвигалась» пешком, по дороге заходила в магазины и покупала продукты.

– Вера Павловна, вы взяли у меня копию паспорта и деньги за два месяца, а я даже не знаю вашей фамилии. Это неправильно. Пусть я буду вашей дальней родственницей, но дайте мне письменную гарантию на проживание в этой квартире. Я не хочу вас обидеть, но может вы мошенница. Я могу обратиться в агентство, там у меня будет договор на съём, а у нас с вами нет ничего. Я поселяюсь здесь ни на неделю или месяц, а минимум на год. Какие у меня гарантии, что вы не передумаете.

– Что я должна написать?

– Напишите, что я такая-то, даю согласие на проживание в квартире по такому-то адресу такой-то. Можете написать, что коммунальные услуги оплачивает временно проживающая особа.

– Может тебе и расписку написать о получении денег?

– Я не налоговая инспекция. Вам самим будет удобнее перед соседями или участковым. Вы, как бы поступили на моём месте?

– Неси бумагу и диктуй, я напишу. Что с работой? Взяли?

– Завтра иду к восьми. Дали три недели испытательного срока. Вы не беспокойтесь, я справлюсь. Держите бумагу.

Проводив хозяйку, Виктория обошла квартиру, убирая «гарантию» в ящик небольшой горки. Присела к столу и написала на небольшом листочке, что ей нужно для «полного счастья» на завтра и на ближайшее время. Узнав от хозяйки, где находится ближайший сбербанк и магазин мелочей, она закрыла квартиру и пошла по «адресам». «Куплю комплект постельного белья, подушку и одеяло. Санька вечером привезёт мой багаж, устроюсь на новом месте, разобрав вещи и приготовив всё на завтра». К 17 часам она была в квартире Старковых на Гоголя. Рассказав о приёме на работу и съёме жилья, Вика улыбнулась.

– Три недели испытательного срока я выдержу, но в гости приехать не обещаю, – говорила она Раисе Максимовне.

– Поехали, Вика. Покажешь нам свои апартаменты, чтобы я смог доложить твоему отцу всё по форме, – улыбнулся Михаил Степанович. – Будут проблемы или нет, звони вечером в любом случае.

– Мам, у меня есть здесь старые спортивные брюки и футболка? Мало ли что придёт на ум новой хозяйке. Захочет мебель двигать, а я в форме.

– Вещи я тебе найду, а вот без ужина мы не тронемся с места, – категорично заявила хозяйка. – Вика, чего в твоей квартире не хватает?

– Там теперь всё есть. Чего не было – я купила.

Через час они вчетвером поднимались в съёмную квартиру.

– Неплохо. Очень даже неплохо, – Михаил Степанович с любопытством осматривал квартиру. – Здесь практически всё есть. А это, я так думаю, сегодняшние покупки.

– Я от роддома сюда шла пешком ровно полчаса. Встретилась с хозяйкой, проводила её, прошлась по торговым точкам, вернулась и только после этого поехала к вам. Теперь я могу добираться на общественном транспорте в три-четыре места без проблем.

– Квартира хорошая и дом новый. Есть, конечно, и ближе к работе, но там только пятиэтажки и в них верхние этажи.

– Вика, мы с Раей думали, что тебе подарить на новом месте и придумали простой выход. Держи! – он протянул пакет, в котором лежал белый халат и голубой медицинский костюм. – Думаю, с размером угадали.

– Спасибо. Эти вещи мне обязательно пригодятся. Удобную обувь я привезла с собой.

– Ладно, молодёжь. Мы поедем без чая. Устраивайся и не забывай звонить.

– А я, пожалуй, задержусь. Пылесос в этой квартире есть?

– Стоит в гардеробной. Ты что собираешься делать?

– Пропылесосим стены, проветрим комнаты и вымоем пол, – переодеваясь, говорил он. – За пару часов управимся. Хотя можно начать с кухонных шкафов.

– С этим я справлюсь сама. Ты помоги мне поднять матрас

на кровати, посмотрим, что под ним. Покрывало я брошу в стирку и заодно проверю, как стирает машина.

Через два часа Саша, после чая с тортом, уехал, обещав навестить в пятницу вечером, а Вика продолжила обустриваться, не забыв позвонить родителям.

– Пап, привет! Меня приняли на работу с испытательным сроком в три недели, а ещё я сняла квартиру, которую выбрал Саша. Седьмой этаж нового десятиэтажного дома, однокомнатная в сорок квадратных метров с мебелью и техникой. Находится на улице Народной, а роддом на Власова – полчаса пешком или двадцать минут пешком и на транспорте. Пап, я очень довольна.

– Далеко от Старковых?

– Минут сорок на транспорте. Ты помнишь, где находится медицинский университет? Вот от него по карте и лаптя нет, как говорит наша бабушка. Как дома дела?

– Маму сегодня видел. Ты позвони ей. Мне показалось, она грустная. Да и мне не особо весело.

– Ты пожалел о своём решении?

– Мне поставили условия, а я к этому не привык.

– Всё наладится, пап. Деньги я положила на счёт, номер телефона и адрес ты знаешь. Звони, – Вика набрала номер матери. – Мам, как у тебя дела?

– Всё нормально, но без тебя пусто в квартире. Мне стоит к этому привыкнуть. Я уже скучаю. Что скажешь, если я приеду на осенних каникулах дня на три?

– Обязательно приезжай и на дольше. Сообщи мне рейс, и я тебя встречу.

Рабочая неделя пролетела быстро. Виктория вставала в шесть утра, в семь выходила из дому и шла на работу пешком. Начало сентября выдалось тёплым и сухим. Возвращалась домой другой дорогой, заходя по пути в кафе или магазины, и к семнадцати часам была дома. Саша приехал около шести вечера.

– Вика, давай отметим твой приезд и начало работы в клубе, – предложил он, глядя на её «домашнюю». – Я познакомлю тебя с друзьями и подругами. Обрати внимание на такси.

– Саш, если не передумаешь, давай в следующий раз. Я очень устала морально за четыре дня. Не хочется выглядеть пеньком, вот и держала себя как часовой на посту.

– Тебе там плохо?

– Мне там нормально. Где ты видел, чтобы молодой новый кадр принимали с радостью? Кто-то только и ждёт, что я в чём-то проколюсь, кто-то хочет искренне помочь. Я это уже проходила. Мне нужно время и оно у меня есть – две недели испытательного срока. Дальше будет проще.

– Ладно. Отдыхай, а я поеду развлекаться.

– Ты знаешь, что я частично права. Хорошего тебе вечера. Александр позвонил через неделю.

– Как ты? Живая?

– Со мной всё нормально. Ночь дежурю.

– Не страшно?

– Саш, я под наблюдением. Возможно, она пройдёт спокойно. Если будет желание, приезжай завтра после обеда. Вывезешь меня на природу, пока не начались дожди.

– Я приеду часов в девять и вывезу тебя на пикник, есть повод. Там и отдохнёшь после смены.

Они вернулись в начале восьмого вечера.

– По-моему, я передышала свежим воздухом, – проходя в комнату и присаживаясь на диван, сказала Виктория. – Спасибо за прекрасный отдых. Мы с родителями каждое лето выезжали на две недели к дяде в Карелию, а больше я нигде и не была. По выходным навещала бабушек, в каникулы работала. В этом не было крайней необходимости, но папа на пенсии и работает, а мама давно могла уйти на пенсию по стажу, но тоже трудится. Они в пятьдесят пашут, а я в двадцать буду лежать на диване.

– Почему ты не говоришь о своей личной жизни?

– Сань, у тебя проблемы с памятью? Я тебе в первый день всё рассказала. Один ушёл в армию и вернулся с женой, второму я сама отказала, третий отправил меня на больничную койку и попал в лечебницу. Ты думаешь, после таких приключений я смогла быстро завести новые отношения?

– Может, всё к лучшему? Ты не стала женой и объектом насилия, – обнимая Вику за плечи и прижимая к себе, говорил Саша.

– Сань, ты чего? Пожалеть меня решил или утешить?

– Поддержать, глупая. Я не покушаюсь на твою честь и

свободу. Мы с тобой друзья ими и останемся. Я помню, какими глазами ты смотрела на меня в юности. Сейчас это совсем другой взгляд. Я не воспринимаю тебя как сексуальный объект. У меня в подсознании осталось чувство вины перед тобой. Знаешь, было много знакомых, но вину я чувствую только перед тобой.

– Успокойся. Это мой приезд напомнил тебе о прошлом, но это скоро пройдет. Да, мы были влюблены, но мы не сможем вернуться в прошлое. У нас у каждого за спиной багаж, который нам этого сделать не позволит, да и чувств не вернуть.

– Ты стала очень интересной, но временами напоминаешь мне ветреную баловницу фортуны, как тогда десять лет назад. Ты мало изменилась, я это сегодня понял, просто стала взрослой. Друзья оценили тебя по достоинству. Как они тебе?

– Нормальные ребята, а самое главное, не мажоры. Я очень боюсь их. Даже сильнее, чем открытой воды. Никогда не знаешь, что у них в голове от избытка денег и вседозволенности.

– Ты всё ещё боишься воды?

– А кто меня чуть не утопил, потянув за ноги на дно? Вот с тех пор, если я не чувствую дна под ногами – паника. Самое смешное, что в бассейне или пруду этого страха нет. Всё что имеет границы в поле видимости, мне по плечу, а вот рек боюсь, и на море струшу. Ты давно был на море?

– Два года назад. А чего ты ещё боишься?

– Во всех моих страхах ты один виноват. Кто на кладбище пожар устроил?

– Вика, какой пожар? Чему гореть на кладбище ранней весной, если памятники все из камня, а оградки железные? Огонь пошёл низом, сжигая сухую траву.

– А тебе напомнить какая была площадь сгоревшей травы? Скажи спасибо дяде Мише, что он тебе мало уши надрал, юный поджигатель.

– Вика, ты прошла с моей подачи и огонь, и воду. Остались медные трубы, – смеялся Александр, вспоминая испуганную Вику.

– Духовой оркестр с похоронным маршем пришлось отложить стараниями твоей мамы. Я от страха чуть не умерла, а тебе весело.

– Вика, мне было лет тринадцать.

– А ума, как у семилетнего. Как я в детстве, после всего этого, вообще тебе доверяла и вляпывалась в очередную историю?

– Но, ни разу меня не сдала, ни дома, ни в школе. Во всём этом есть и положительные моменты. Моё детство и юность прошли в своё время, и меня сейчас не тянет на детские шалости и всякие эксперименты. Ты помнишь...

Дальше разговоры шли о больших и маленьких событиях юности. Говорили по очереди, спорили, смеялись, перешли в кухню и уже за кофе продолжали беседу. Так прошли не

меньше трёх часов.

– Что-то я засиделся, пора и честь знать. Позвони мне в пятницу, подумаем, куда можно сходить, если будешь свободна в выходные, – он поцеловал её в щёку и вышел из квартиры.

Закончился сентябрь, конец которого был дождливым, уступив место бабьему лету. Деревья сменили привычный наряд зелёного цвета, на золотой, красный, оранжевый и жёлтый. Теперь она шла на работу, когда солнце выходило из-за горизонта полным кругом, едва касаясь своим нижним краем земли. Небо как будто раскрасили акварелью, листва деревьев заиграла красками. Вид был завораживающий, а настроение поднималось само собой при виде чудес природы. Раз в неделю Вика звонила бабушкам, через день родителям. Разговор был не долгий, но так хотелось услышать родные голоса. В свободный выходной Виктория навещала Старковых, покупая торт, или встречалась с Александром и его компанией. Так незаметно пролетели два месяца.

Татьяна Ивановна Петровская прилетела третьего ноября в пять утра и приехала на такси в съёмную квартиру дочери.

– Почему ты мне не позвонила? – обнимая мать, говорила Вика. – Я сегодня сутки дежурю.

– Что за беда? Обратный билет я не брала и могу задержаться до конца каникул. Позвоню Рае, попрошусь в гости или приглашу её сюда. Я мою руки, кормлю тебя завтраком и провожаю на работу. Ставь чайник, а я распакую то, что

ты любишь. У тебя очень уютно. Здесь всё так и было?

– Я купила только одеяло, подушку, постельное бельё, тёплые носки и тапочки. Посуды мне хватает. Обеды я не готовлю, а ужин простой без особой фантазии. Возвращаясь с работы, захожу в магазин. Ухожу на сутки – беру с собой. Мам, я здесь всего два месяца.

– А как работа?

– Испытательный срок я прошла. Приняли меня, скажем, без особой радости. Некоторых раздражает, что я из Питера, а значит, «крутая». По их мнению, только сумасшедший может добровольно сменить Питер на Сибирь. Мам, я отношусь к этому спокойно, ведь они, от части, правы, – говорила она с полным ртом. – Как же я давно так вкусно не завтракала.

– Забирай судочки в пакет – пообедаешь и поужинаешь. Я завтра приготовлю что-нибудь вкусненькое. Погода сегодня прохладная, но сухая. Я провожу тебя на работу, по дороге сама посмотрю, где что есть и вернусь.

– Обрато дорогу найдёшь?

– Вика, я приехала из Питера, а не из тундры, к тому же я жила здесь почти двадцать лет, пусть и в другом районе.

Они прошли за разговорами весь маршрут пешком за полчаса.

– Викуся, а ведь ты родилась в этом роддоме. Отсюда мы тебя с папой и забирали. Через год уехали в Германию, а вернулись, тебе было уже четыре года. Надо же, как судьба распорядилась: 25 лет прошло, и ты опять оказалась в его сте-

нах. Спокойной тебе смены, дочка.

Проводив дочь, Татьяна Ивановна неторопливо возвращалась в квартиру, вспоминая тот августовский день, когда Вика стала их дочерью. Сергей сам предложил жене усыновить ребёнка. К тому времени они прожили вместе четыре года, не считая отношений до брака, и с детьми как-то не получалось. Петровские не говорили о том, кого хотят. «Кто родиться, – говорил Сергей Павлович. – Мы заберём его из роддома». Собрав все документы, ждали отказника из роддома больше года. Возможно, они были не единственными желающими удочерить или усыновить младенца. Виктория, так назвал её муж, родилась второго августа без патологий, в срок, но «мелкой». Почему от девочки отказались, новым родителям не объясняли. «Не хотите – ждите». Две недели Татьяна Ивановна ходила в роддом как на работу. Через две недели девочка набрала вес, её забрали домой. О том, что дочь Петровских удочерённая, знали только друзья семьи – супруги Старковы.

Петровская вернулась в съёмную квартиру дочери, позвонила Раисе Старковой, пригласив её в гости. Они не виделись девять лет, лишь изредка переговариваясь по телефону, а поговорить, было о чём. За неделю до отлёта к дочери, Татьяну Ивановну пригласила к себе свекровь, для важного разговора. Софья Михайловна никогда не любила невестку, а разговор оказался очень важным для неё. Весь день она провела в компании супругов Старковых. Утром, дочь, вер-

нувшаяся с дежурства, застала её за приготовлением обеда.

– Устала? У меня завтрак готов. Вымой руки и садись к столу.

– Так вкусно пахнет сырниками, – Вика поцеловала мать. – Смена выдалась спокойной. Мы «родили» до полуночи, и мне удалось даже поспать. После завтрака можем поехать и погулять в городе, если у тебя есть желание.

– В городе я была вчера с Раей и Мишей. Позвонила, проведив тебя на дежурство, и они приехали. «Прокатили» меня по местам «боевой славы», накормили обедом под воспоминания, а вечером Саша привёз меня сюда. Санька вырос, возмужал, стал интересным молодым человеком. Я, беседуя с ним, почувствовала себя какой-то необразованной и очень ограниченной, от его новомодных слов и терминов. Какие между вами отношения? – присаживаясь напротив дочери, спросила Татьяна Ивановна.

– Нормальные отношения, мама. Мы дружим, общаемся. Он сам завёл разговор в аэропорту о предательстве. Я убедила его, что нет ничего страшного в нашем с ним прошлом, и у меня нет на него обиды. Мы остались друзьями детства. Он познакомил меня со своими друзьями и с девушкой. Мы говорили, вспоминали, пришли к выводу: что всё не вечно под луной. Между нами нет прежней влюблённости. Я попросила его не делать попыток познакомить меня с кем-то. Не готова я к новым отношениям, – говорила Вика, глядя на мать и не отрываясь от завтрака. – Мам, мне было так смеш-

но вспоминать свои трёхдневные рыдания. Чего я слёзы лила? Знаешь, у меня подруга появилась – моя ровесница и коллега Ирина. Я вас обязательно познакомлю в ближайшие дни. Mam, а как там папа?

– У папы всё в порядке. Он звонит мне через день ближе к вечеру, – не глядя на дочь и смутившись, ответила мать. – Тебе Софья Михайловна передала по старинке письмо и просила написать ответ. Мои родители тоже ждут от меня подробного отчёта об инспекции: где и как устроилась? Не обижают ли тебя здесь? Самое смешное, что твой дед настоял на фотоотчёте, для чего я привезла твой фотоаппарат. «Сказать можно что угодно, а ты подтверди это фотографией, – говорил он. – А лучше, если вместе сфотографируетесь в квартире, у больницы». Сделаем деду одолжение?

– Дедушка всегда был неверующим Фомой и требовал от меня доказательств, хотя я ему никогда не врала. Сделаем мы ему фото. Mam, а как твой Потапов?

– Потапов жив и здоров, а я провожу выходные с родителями. Мне в последнее время стало рядом с ним неудобно, и я сказала ему об этом. Как ты не готова к новым отношениям, так я пересмотрела своё отношение к нему. Знаешь, возраст не столько цифры, сколько состояние души. Зачем водить за нос взрослого мужчину женщине без возраста?

– А он что?

– Понял и теперь даже не звонит, хотя я звонков и не жду.

– Mam, а что слышно о Павле Лесникове?

– Павел в психиатрической лечебнице. Прокурор настаивал на том, что после побоев, он хотел скрыть одно преступление другим, а экспертиза дала заключение о его психическом заболевании. Его отец приезжал месяц назад ко мне в гимназию, а узнав, что ты уехала, передал записку от сына. В ней три слова: «Тысячу раз прости». Я её привезла. Викуся, ты не жалеешь, что мы все, как-то поспешно, приняли решение о переезде?

– Мамочка, родная моя, всё хорошо, – переставая жевать, Вика взяла мать за руку. – Работа мне нравится, жильё нормальное. Если переживу сибирскую зиму – значит, горевать не о чем. Я, честно сказать, забыла, какие здесь бывают морозы и метели. Ты обо мне не волнуйся, я девочка взрослая и скоро стану самостоятельной. Мы никогда не расставались надолго, поэтому всё время кого-то не хватает. Вспомни своих родителей и вас с папой. Они, как и ты, волновались, переживали, но и ждали приезда в отпуск. Я вернусь к пенсии в Питер, – улыбнулась Виктория.

Глава 4

Свой первый отпуск на новом месте работы она получила в сентябре две тысячи восьмого и решила отдохнуть дней десять в Турции, на пару недель поехать к родителям в Питер. Купив путёвку на курорт Лара с размещением в пятизвёздочном отеле Лимак Лара, тринадцатого сентября на рассвете Виктория прошла регистрацию в аэропорту на рейс до Анталы. Её ждала Турция, где она проведёт семь ночей. В ожидании посадки, Вика обратила внимание на молодого человека, который направлялся к стойке регистрации. На вид ему было до тридцати пяти лет. Короткая стрижка тёмных волос, рост выше среднего, модная дорогая одежда, а на переносице солнцезащитные очки. Он шёл к стойке так, словно делал кому-то одолжение. Одной рукой катил чемодан, второй – держал телефон, слушая абонента. «Для очков самое время и место, – улыбнулась своим выводам Виктория. – Раннее сентябрьское утро и здание аэропорта. Солнце прямо слепит глаза. – Молодой человек окинул взглядом стойку, протянул документы и опустил голову. Было в его движениях и позе что-то такое, что вызывало сочувствие. С таким настроением не летят на отдых к морю. – У меня, как у большинства пассажиров рейса, настроение приподнятое, а этот, возможно, и не турист. Едет себе человек по работе через «не хочу». Какое здесь настроение? Интересно, какие у него гла-

за?» – покосилась она на молодого человека и отвела взгляд, поправляя джинсовую куртку и проверяя документы в кармане. Она ехала в джинсовом костюме, надетом на футболку и кроссовках. Для раннего утра середины сентября и местного климата такой костюм подходил больше всего.

Прожив в Питере восемь лет, она окончательно определилась со стилем в одежде, выбрав для себя спорт-шик и кэжуал – некую универсальность и функциональность. Платья носились только свободного рубашечного кроя и летом. Весь остальной небольшой гардероб занимали джинсы, джоггеры, слаксы и чиносы, а к ним рубашки, майки пуловеры, жакеты. Их было немного, они менялись по мере изношенности, но оставались неизменными. Кроссовки, кеды, мокасины и лёгкие ботинки были почётной обувью. Короткие куртки и пуховики дополнялись шарфами. Виктории было двадцать шесть. С ростом в 164 сантиметра и весом 52 килограмма, она выглядела в этих вещах отлично, а работая в роддоме, имела ухоженный вид без перебора косметики. Она не была красавицей или дурнушкой. Чаще всего её не замечали, пока не встречались с ней взглядом. В её васильковых глазах было столько тепла и света, что увидев их однажды, хотелось познакомиться. Во время страха, сильного беспокойства или душевного волнения, цвет глаз менялся на синий и ничего хорошего не предвещал. Она боролась с тем, что нужно думать, прежде чем говорить, но это получалось редко. Не обсуждала свою личную жизнь и не любила сплетен

о чужой. Не скрывала своих навыков и присматривалась к чужим. Была внимательна и терпелива к пациенткам, не до конца понимала руководство, и вступала в дискуссии только по работе. По причине переезда, подруга у неё была всего одна – неонатолог Ирина Кострова её ровесница.

После посадки самолёта, внимание Виктории было приковано к виду за окном маршрутного такси. Она в первый раз была за пределами России, если не считать три года службы в ГДР в раннем возрасте. Молодой человек подошёл к ней во время заселения в номера.

– Хотите, проведём отпуск вместе? – тихо спросил он, глядя на неё.

– Это ваше «вместе», что подразумевает?

– Я предлагаю двухнедельный дружеский контракт, без всякого намёка на роман. Мне не хочется выглядеть белой вороной, но и заводить новые отношения тоже не хочется. Вдвоём мы можем изобразить пару.

– А если я уже настроилась на короткий курортный роман и мне ваше предложение не подходит? Будете искать альтернативу среди наших?

– Я понимаю, что предлагаю полный абсурд, но мне хотелось услышать «да» на своё предложение.

– Снимите очки и я подумаю.

– Зачем?

– Хочу посмотреть в зеркало вашей души. Какая она у вас чёрная или белая?

– Она у меня цветная. Меняет окраску, как хамелеон, но чёрной никогда не была, – снимая очки, говорил он. Глаза были светло карими и грустными. Он слегка прищурился, и Вике вдруг показалось, что сейчас в них появится слеза. – Что увидела в зеркале?

– Вам грустно, а вот причину я не разглядела. Такой взгляд может быть у обиженного, разочарованного человека, возможно, уставшего или потерявшего интерес к жизни.

– Ты психолог?

– Нет, но я ведь от части права. Если вы и рады отдыху, то пока этого не заметно. Ваши мысли далеко отсюда. Пройдёт день два, вы найдёте себе друзей или приятелей.

– А ты?

– А у меня свои планы на недельный отпуск. Не скажу, что я большая любительница активного отдыха, но сидеть на месте не буду. Я в первый раз попала в эту страну и мне всё интересно. Даже вкус фруктов, которые нам поставляют, и которые я покупаю в супермаркете. После Турции полечу в Питер к родителям.

– Возьми меня на неделю в свою компанию. Обещаю не быть обузой, а если разочаруешься, я покину её по первому требованию. Мы перейдём на «ты»? Меня Илья зовут, – он протянул руку.

– Виктория Петровская.

Их номера оказались рядом.

– Сколько тебе нужно времени на сборы, чтобы пойти на

завтрак, а прямо оттуда на прогулку?

– Я буду готова через десять минут.

Виктория вышла в цветной тунике до колен с боковыми карманами и разрезами и лёгких сандалиях. Волосы собраны в небольшую косу, через плечо холщёвая сумка, в руках бейсболка.

– Куда пойдём в первую очередь?

– К морю. Я видела Чёрное море лет пятнадцать назад, а это увижу впервые. Ты случайно не Сусанин из анекдота?

– Я здесь второй раз, но в этом отеле новичок. Где трудиться и почему отпуск здесь только семь дней? Вопрос в финансах? – спрашивал он на ходу.

– Попробуй угадать.

– У тебя на руках маникюр, но короткие ногти – общепит или медицина.

– Я работаю в роддоме на Власова.

– Почему ты у нас, а родители в Питере? Вышла замуж?

– Бог миловал. Год назад сбежала от жениха после побоев, боясь неадекватного преследования.

– Серьёзно?

– Откровенно. Я родилась и училась, как ты говоришь, у вас. Родители родом из Питера. Папа служил в военном госпитале двадцать лет, ушёл на пенсию, мы вернулись на их малую родину. У него в городе остались друзья, которые мне и помогли с работой, – говорила Вика, шагая рядом с новым знакомым.

– Как тебе живётся?

– Нормально. Работа – дом, дом – работа. После работы гуляю, в один из выходных еду в гости к знакомым или принимаю подругу, второй, как правило, дежурю. Бываю в кафе, в кино.

– Тебе лет двадцать пять?

– В августе исполнилось двадцать шесть. Извини, телефон. – Да, мама. Всё отлично. Позавтракала и иду к морю. Не волнуйся, я позвоню тебе вечером, когда у меня будет больше информации и впечатлений. Целую. – Мы до прошлого года не расставались так надолго. Мама работает в гимназии, преподаёт математику. Летом приезжала в гости, неделю мы провели вместе, вторую неделю она меня откармливала, ожидая с работы.

– А отец?

– Отношения с папой у нас теперь сложные. Я люблю его, он любит меня, но живёт в другой семье. Я хочу его понять и не могу. Была занята собой и не заметила, что родители живут вместе ради моего спокойствия. Это была ещё одна причина, чтобы уехать. Они устроят свою жизнь, я наберусь опыта и вернусь домой.

– А как у тебя с личной жизнью?

– У меня появился новый друг. Его имя Одиночество. Он меня никогда не обижает и всегда рядом со мной, – усмехнулась Вика.

– Так жизнь мимо пройдёт. Тебе настоящий друг нужен.

– Во-первых, прежний друг отбил мне всю охоту связываться с вашим братом, а во-вторых, у меня характер не сахар, да и работа такая же. Мне иногда хочется просто прийти, лечь и тупо плевать в потолок. Как это объяснить другу? Как объяснить необходимость суточных и ночных дежурства? Иногда устаёшь больше морально, чем физически, не хочешь никого не видеть, не слышать. Заводить роман среди коллег – табу. Но не всё в моей жизни так печально. Есть друг детства, есть подруга, коллега по работе. По вечерам, если становится тошно, музицирую, как в старых добрых романах.

– А что не так с характером? – улыбнулся Илья.

– Да всё не так. Виктория – это победительница: спокойная, уравновешенная, рассудительная, активная – один сплошной плюс. Только плюс этот избирательный, и становится, иногда, огромным минусом. Мне сложно общаться с теми, кто любит только себя или демонстрирует превосходство. Иногда говорю, а уж потом думаю. Не получается прощать обиды. Одним словом, мне хочется быть на виду, но подсознательно я этого опасуюсь, хотя никогда не была нерешительной. Я не умею быть «удобной», подстраиваясь под кого-то. Так понятно?

– Понятно! – он вновь улыбнулся. – Причал видишь? Для начала катер подойдёт?

– Я боюсь открытой воды, хотя мне нравятся тихие речные трамвайчики. Прогоуляйся, проветришь, а я подожду на

берегу как Ассоль.

– Я тебя понял. Мы выйдем в море на прогулочном катере или шхуне в следующий раз, а сегодня погуляем по берегу и примем морские ванны. Согласна?

– Согласна. Теперь твоя очередь коротко изложить мне свою биографию, – занимая лежак на пляже, сказала Вика.

– Мне тридцать два года. Женат. Жене двадцать три. В семье я старший, есть младшая сестра, папа с мамой. Был брат, но погиб. Образование высшее, точнее, их два. Финансовых и жилищных проблем нет, как и детей. Что ещё? Русский, к суду не привлекался, морально не устойчивый, хотя в порочащих связях не замечен. Вот как-то так, – глядя на Вику, сказал он. – Есть небольшой семейный бизнес. Там я и тружусь.

– А что случилось с братом?

– Он только перешёл на второй курс. Сплавлялись по реке, лодка перевернулась на порогах, ударился головой о камень и захлебнулся.

– Извини.

– Это было десять лет назад.

– Ответ принят! Я как-то и не рассчитывала на длительную откровенность, но один вопрос остался. Почему без жены?

– Мне тоже хочется иногда остаться одному и тупо смотреть в потолок. У тебя, Вика, на лбу написано, что ты не ищешь для себя приключений. Наверное, поэтому я и пред-

ложил тебе такой вариант общения. Всегда можно расстаться без взаимных обид, если станет «неуютно» в такой компании.

– Ты не поторопился? Смотри сколько девушек вокруг, а к вечеру станет ещё больше. Если что, не теряйся – наш договор не имеет не только юридической силы, но и моральной. Ты купаться будешь?

– Пока нет.

– В таком случае я доверяю тебе сумку и телефон. Постарайся их не проворонить, иначе я останусь без денег и без связи, – говорила она, снимая тунику и оставаясь в закрытом купальнике. Илья смог рассмотреть фигуру девушки, скрытую свободной туникой. Она была безупречна: небольшая грудь, тонкая талия и красивая попа. Вика неспеша шла к воде, пряча волосы под бейсболку. Он заглянул в сумку Вики, где рядом с полотенцем лежали паспорта в маленьком пакете. Оставил без внимания кошелёк и телефон, достал пакет и открыл паспорт. Паспорт гражданки России был выдан в 2002 году. Петровская Виктория Сергеевна 1982 года рождения, место рождения и прописка доказывали правдивость сказанного. А загранпаспорт был абсолютно новый. Закрыв сумку, он посмотрел на море. Вика плавала красиво, не оставляя брызг при входе рук в воду, но как-то неправильно. Она плыла не от берега или к берегу, а вдоль него.

– Откуда такая манера заплыва? – улыбнулся Илья, подавая ей полотенце.

– В следующий раз буду смелее. Если я не вижу или не чувствую дна, меня охватывает страх. Конечно, можно утонуть и в собственной ванне, но я предпочитаю душ. Это одна из моих фобий – боязнь воды.

До самого обеда они провели время на пляже, а пообедав, разошлись по своим номерам до ужина, после которого их ждала дискотека. Виктория приняла душ, разобрала вещи, убрала чемодан и прилегла, всё время думала о новом знакомом: «Илья старше меня на шесть лет. Сказать, что он симпатичный молодой человек – не сказать ничего. Он словно модель, сошедшая с обложки модного журнала: высокий, спортивный, ухоженный, независимый. Или я просто не видела настоящих моделей? Его неторопливость может означать как усталость, так и надменность, а возможно, и похуже. Именно по его вине задержали вылет рейса в родном порту, ожидая пассажира бизнес класса. Что его заставило задержаться, если он прошёл регистрацию вовремя? О чём он думает, разговаривая со мной? Хотя, зачем забиваю себе голову подобными вопросами? С меня много не возьмёшь, его шорты обошлись в три купальника вместе с туникой. К чему сказал о семейном бизнесе? Собирается меня «купить» или дать понять, что делает большое одолжение, находясь рядом? Остается подождать и понять, чего он хочет. Будет смешно, если он обо мне думает то же самое». «Туристы» встретились перед ужином. Илья ждал Вику у входа в ресторан и не мог не обратить внимания на неё. Она была напол-

нена внутренним светом, ее походка была летящей. «Белый Ангел», – пронеслось у него в голове. Белая до талии блуза их шитья на двух пуговицах, белая юбка-шорты и белые мокасины. Волосы, собранные лишь у висков, свободно лежали на плечах.

– Сутки не прошли, а ты являешься передо мной в третьем образе.

– Это плохо?

– Это сбивает меня с толку, – улыбнулся Илья.

– Ты намекаешь на то, что я хочу тебе понравиться? Глупости! Я хочу нравиться себе. В моём гардеробе не так много вещей, но учитывая, что я хожу на работе в униформе, мне их носить некуда и показать некому. Расслабься! Я не посягаю на твою временную свободу, – говорила она, проходя в зал ресторана.

– Мне очень нравится девушка в белом.

– Я могу быть и в голубом, – она вспомнила строчки Есенина. – Не удивляйся, ещё два-три дня и гардероб станет повторяться, если я не куплю турецкую одежду.

Следующие четыре дня они провели вместе, планируя прогулки и экскурсии с вечера. Илья пересмотрел своё отношение к Виктории, но дело не дошло даже до поцелуев. Каждый раз на своё предложение продолжить вечер, он получал в ответ: «Спокойной ночи». Утром восемнадцатого сентября за завтраком он улыбнулся и просто сказал:

– Я приглашаю тебя сегодня на ужин – есть повод.

– Какой?

– Сегодня мне исполнилось или исполняется тридцать два года. Это аргумент?

– Если это так, я поверю тебе на слово, хотя заглянуть в твой паспорт не помешает.

Она пришла на ужин в прямом платье голубого цвета до колен с глубоким декольте. Платье было куплено на выпускной вечер в университете два года назад и подчёркивало её фигуру. Туфли на каблуке делали её выше, а волосы были уложены на одну сторону. Был ужин, были танцы, и было предложение о продолжении вечера в номере.

– Я не выгляжу в твоих глазах нахалом?

– А как же наша договорённость?

– Будем считать, что её не было.

– Давай рискнём.

Выпитое вино ударило в голову, а лёгкие поцелуи сводили с ума. Вика уже не думала об обманутой жене Ильи, погружаясь в водоворот страсти...

Сентябрьская ночь оказалась и длинной, и слишком короткой. Они успели рассказать друг другу свою жизнь до этой встречи. Казалось, что не осталось никаких тайн или недомолвок, они не стесняясь, рассказывали о своих ошибках и достижениях, о том, что им нравится и о том, что они ненавидят. На рассвете, заставив себя подняться, Вика вернулась в свой номер, когда Илья уснул. В душе не было мук совести. «С его темпераментом жена не могла не догадывать-

ся о возможности измены, отпуская одного на отдых. А я? Да, он мне нравится, но я его не соблазняла. Недолго держала «оборону», не устояла и «сдалась». Жалею? Нет! Оно того стоило, – думала она стоя под душем. – Одно непонятно: как теперь мне с ним общаться? До отъезда два дня. Делать вид, что ничего не произошло – глупо, надеяться на продолжение – смешно до слёз, а избегать встреч, как-то совсем по-детски. Странно, но нас обоих «понесло» на откровенность, как случайных попутчиков в купе поезда, которые уверены, что никогда больше не встретятся». Вика переделалась к завтраку и предварительно собрала чемодан. Сегодня она должна купить питерцам подарки. Стук в дверь прервал её мысли. На пороге стоял Илья.

– Доброе утро! Завтракать идём? – целуя её в висок, спросил он улыбаясь. – Почему ты сбежала?

– Я не сбежала, а тихо ушла. После завтрака у меня шопинг. Не буду откладывать ничего на завтра. Родители примут меня и без подарков, а вот бабушкам трудно объяснить отсутствие турецких сувениров, – сообщила она, не отводя от него взгляда.

– Вика, ты на меня сердисься? – он взял её руками за плечи и заглянул в глаза. – Ты можешь быть откровенной до конца?

– Мне не за что на тебя сердиться. Немного неловко, но я с этим справлюсь, – она опустила глаза. – Ты не сделал ничего такого, чего бы мне не хотелось.

– Останься ещё на неделю, – он прижал её к себе. – Мне не хочется с тобой расставаться. Я решу вопрос с билетом.

– Два дня и две ночи – это мой выбор, – ответила она, показывая два пальца одной руки. – Возможно, выбор скверный, но я этого хочу.

Оставшееся время до отлёта Виктории, они ходили смущённо-счастливые, вместе проводя дни на свежем воздухе, а ночи – в одном номере.

– Я провожу тебя в аэропорт.

– Это лишнее. Послушай, Илья, мы чудесно провели время, но оно закончилось. Ты ничего не обещал, я ни на что не претендую. Мы оба не ожидали, что наш договор закончится близостью, но я ни о чём не жалею. Прощай.

– Вика, почему мы не можем остаться друзьями?

– А ты сам веришь в нашу дружбу?

– Можно я тебе буду звонить?

– Звони. У меня нет привычки сбрасывать звонки или не отвечать. Если телефон молчит – я занята. – И, пожалуйста, помни, что ты женат, а у меня на этот счёт свой принцип.

Не покидая аэропорта после посадки, Виктория купила билет до Питера. До отлёта в северную столицу в запасе были почти сутки. На дворе стояло бабье лето. Красочная картина акварелью придавала хорошее настроение. Перестирыв привезённую с отдыха одежду, она складывала вещи и сувениры для Питера, не утруждая себя покупкой продуктов и похода в супермаркет. Холодильник стоял пустой, а на обед была

заказана пицца. В аэропорт уехала общественным транспортом. Самолёт прибыл в Пулково точно по расписанию. Вика включила телефон и обнаружила пропущенные звонки от Ильи. Очередной звонок от него раздался по дороге к родительскому дому.

– У тебя что-то случилось? – спросила она без приветствия.

– Это у тебя что происходит, что ты шесть с лишним часов не берёшь телефон? – с вызовом спросил он.

– Илья, что за тон? Я выключила его после регистрации на рейс, и включила, приземлившись в Питере. Есть ещё вопросы? Судя по количеству звонков, ты переживаешь или скучаешь?

– Не смешно! Я вернулся в город, прервав свой отдых. Как-то без тебя всё не так. Я хотел тебя увидеть, не подумав, что можешь улететь сразу к родителям. Когда вернёшься?

– Я ещё с ними и не встретилась. Твой звонок застал меня в дороге. Илья, мы же говорили с тобой обо всём. Мне казалось, что ты всё понял и согласился со мной.

– Мне тоже казалось, что я забуду о нашем приключении, а вышло по-другому. Не думал, что будет так невыносимо одиноко. Возвращайся скорее, пожалуйста.

Вика прервала связь и вошла в подъезд. Дверь ей открыл отец, несколько смущённый и удивлённый.

– Привет, пап. Ты вернулся? – обнимая отца, спросила она. – А мама где? – заметив мать, выходящую из комнаты,

улыбнулась. – И давно вы вместе?

– Я осенью, когда вернулась от тебя, узнала, что отец живёт у Софьи Михайловны. Он думал, что у меня роман с Потаповым, я считала, что он с новой семьёй, а оказалось...

– А оказалось, что твой отец, Вика, кретин, – перебил отец. – Меня всё это время обманывали. Врали бы и дальше, но я идиот решил воссоединиться с новой семьёй, и тут меня ждало горькое разочарование. Сын оказался не моим сыном, а брат Лены был её мужем. Меня, старого идиота, развели, как мальчишку. Вот как-то так. Я нужен был им как спонсор, не более того. Вернуться к маме я не мог и полгода жил у бабушки.

– Почему вы мне ничего не сказали? – она обняла мать и отца.

– Вика, это у молодёжи всё просто: разбежались, помирились, простили, воссоединились. А в нашем возрасте стыдно признаться в слепоте. Мы решили не вспоминать прошлое, а если вспоминать, то только приятные моменты. Мы знали, что ты приедешь, но ждали тебя через пару дней. Как отдохнула?

– Отлично! Вам обязательно нужно поехать в Турцию. Я не знаю, есть ли где места лучшие, я нигде не была, но я в восторге от моря, солнца, обилия фруктов. Одним словом, побывала в турецкой сказке. С апреля по октябрь там настоящее лето. Хватит вам сырого Питера – езжайте на десять дней в Турцию.

– Вика, тут такое дело, – отец смутился. – Присядь.

– Говори, пап.

– На прошлой неделе Олег заезжал. Передал для тебя конверт от Лесникова старшего, – он открыл кухонный шкаф и достал конверт. – Павла нашли в квартире без признаков жизни три недели назад. Возможно, сам, а возможно и помогли. Мы его ни разу не видели, а Олег рассказывал, что уже через четыре месяца после твоего отъезда, он приступил к работе. Как будто был полон идей, но после всего, что произошло, «руки ему никто не подал». Кому нужен шизофреник в друзьях-товарищах. Продержался в такой «изоляции» чуть больше полугода и подсел на наркотики – итог плачевный. Держи. Там телефон отца Павла.

Виктория вскрыла конверт, на котором значилось её имя, а номер телефона был написан другим подчерком. В самом конверте лежала банковская карта и короткое письмо. «Если ты читаешь это «покаяние», значит, меня уже нет. Хотя, как человека, меня давно уже нет. Прости меня за всё. Я испортил тебе жизнь ради своей нездоровой амбиции, зная о диагнозе. Обидел, унизил и оскорбил ту, которая была светлым пятном в моей жизни. Мне искренне жаль, что тебе пришлось всё это пережить и принять решение уехать. Я сам себе омерзителен за свои действия. Вряд ли мне хватит духу добровольно и самостоятельно уйти из жизни, но и жить двум особям в одном теле с одной головой невозможно. Это страшно, когда один из них расплачивается за деяния второ-

го и не может ему противостоять. Может твоё прощение поможет мне там, откуда не возвращаются. Прости меня, Вика, и прощай. Павел. 1306 – это код карты. Деньги небольшие, но они помогут тебе вдали от дома». Она протянула письмо отцу и набрала номер телефона, указанный на конверте.

– Это Вика Петровская. Мне передали конверт. В нём письмо и банковская карта.

– Здравствуй, Вика. Мы можем с тобой встретиться?

– Я у родителей. Куда мне подъехать?

– Будь дома. Я подъеду с Олегом через пару часов.

– Я встречаюсь с Лесниковым через два часа. Он приедет за мной. Как вы думаете, мне стоит поехать на кладбище? – задала Вика вопрос родителям.

– После разговора с его отцом и примешь решение, а сейчас садись завтракать, иначе мы с папой опоздаем на работу. Вечером обо всём нам расскажешь. Не ставь бабушек в известность о том, что прилетела, пока не определишься с визитом в гости, иначе они будут ждать тебя каждый день.

Разговор с Лесниковым был короткий. Вика передала ему письмо Павла, а он рассказал о причине смерти, о последних месяцах жизни сына.

– Я грешным делом думал, что виновен, не получилось у меня воспитание пасынка, а оказывается, дело в болезни. Он об этом узнал, заметив симптомы и пройдя обследования начал лечиться. Парень он был умный, даже очень, и половина бизнеса его заслуга. Кто мог подумать, что болезнь по-

явится в двадцать семь лет.

– Почему он в таком случае хотел жениться на мне? За какие грехи хотел сделать меня несчастной?

– У него были к тебе чувства, а жениться хотел ради опеки. В случае признания его недееспособным, ты могла управлять вместе с ним бизнесом. Да, возможно это продлилось бы не так долго, но именно такова была его цель. Это письмо он оставил мне месяца три назад. Я хочу тебе помочь, Вика. Заедем в банк, узнай сумму денег на счёте. Ты отдашь мне карту, я отдам тебе наличные. Если карту заблокируют, ты не сможешь ею воспользоваться, а я вступлю в права только через полгода. Понимаешь? А не исполнить то, о чём он просит, мы не можем.

– Анатолий Иванович, мне не нужны деньги. Я согласилась с вами встретиться, не рассчитывая снимать их со счёта. Я работаю, и мне хватает на жизнь.

– Подари их кому-либо, отдай родителям – они у тебя не миллионеры, раздай у церкви. Делай с ними, что хочешь, а волю покойного исполни. Пойми меня правильно.

– Скажите: он обо мне за год вспоминал?

– Можешь мне не верить, но в его квартире на стене висит твоё фото в рамке и кольцо на белой ленточке. Я рассказал ему обо всём в красках, которые запомнил, признался, что сам посоветовал тебе уехать. «Это хорошо. У меня не будет возможности навредить ей больше, чем я уже сделал», – сказал он. Больше мы о тебе не говорили.

– Мы можем поехать на кладбище?

– Зачем тебе это?

– Не знаю. Может для того, чтобы окончательно простить его.

– Ты вернёшься в Питер?

– Пока нет. Нельзя каждый год менять работу.

– Закроем финансовый вопрос и Олег отвезёт тебя туда, куда скажешь. Вика, мы же не станем с тобой врагами?

– Не станем. Мы оба не хотели, чтобы всё закончилось таким образом.

Вечером состоялся семейный совет, на котором решался не только «денежный» вопрос и визиты к старшему поколению, но и вопрос об отдыхе родителей. Виктория поставила их перед фактом, найдя их паспорта и купив им недельную путёвку в Турцию. Она не особо думала о том, каким образом мама сможет взять отпуск в середине четверти, сказав: «Всех денег вы не заработаете, а за неделю ни с гимназией, ни с клиникой ничего не случиться. Пока я присмотрю за пенсионерами, вы можете спокойно отдохнуть. Следующая такая возможность будет только через год. Я вас очень люблю и хочу видеть счастливыми. Пусть деньги Павла помогут вам осуществить мечту о путешествиях, и начните с Турции». Внучка провела по три дня в доме стариков. Для себя отметила положительные перемены. Софья Михайловна, не признававшая сноху тридцать лет, теперь любила её, как родную дочь. Старики, пережившие блокаду, чувствова-

ли себя для своего возраста нормально. Если супругам Пантелеевым было по семьдесят два года, то Софье Михайловне исполнилось семьдесят три. Они сами себя обслуживали, встречая по выходным сына и дочь. Отпуск, проведённый Викой в Питере, ограничился десятью днями. Раиса Степановна Кострова позвонила Виктории в пять утра второго октября, забыв о разнице в часовых поясах, и просила выйти на работу неделей раньше. Вика отказать ей не смогла. Пообещав приехать на следующий год, она вылетела назад и шестого вышла на работу. Через день ей позвонил Илья. Он ждал её у входа.

– Вика, тебя отозвали из отпуска, ты вернулась и даже не позвонила.

– А должна была? Что я могла тебе сказать?

– Я ждал твоего возвращения.

– Отвези меня домой, там и поговорим. Не обижайся, если я буду резка – у меня был трудный день, – сказала она устало, садясь в машину и называя адрес. Всю дорогу ехали молча. – Проходи, располагайся. Есть хочешь?

– Хочу. А ты?

– У меня кофе скоро из ушей польётся.

– У тебя очень уютно. Как отдохнула?

– Хорошо, – ответила она, ставя на плиту кастрюлю с водой и доставая из холодильника овощи. – Тебе салат с майонезом или сметаной? – спросила она и начала рассказывать о своей поездке, не прерывая приготовление ужина. – Пельме-

ни собственного производства. Это мой стратегический запас. Когда лень готовить, а есть хочется, бросаешь в кипяток и через пять минут ужин готов. Я не доверяю фабричным пельменям и леплю их самостоятельно. Присаживайся к столу. Ты будешь кофе с плюшками или чай? – Она с интересом наблюдала, как ест Илья. По его аппетиту поняла, что мужчина голоден.

– Если угрозы преследования сумасшедшим нет, вернёшься в Питер? – спросил он, «переварив» рассказанное Викторией.

– Нет. Кому нужен специалист, меняющий место работы каждый год? У меня договор на три года, а дальше посмотри. Ты

доедай всё, не переводи продукты. Мне не интересно, знаешь ли ты этикет.

– Значит, мы с тобой можем видеться?

– Ты приехал, чтобы поговорить об этом? Будешь ко мне навещать в гости как друг или возьмёшь на содержание?

– А тебе самой чего хочется больше?

– Правды! Ты в какие дни будешь ко мне приходить в гости: понедельник и четверг или вторник и пятница? Сколько часов в неделю можешь для меня выкроить? – глядя на Илью, «закипала» Виктория. – Илья, мне не нужны такие отношения, а у тебя других не получится. Ты забыл, что женат?

– Ты хочешь, чтобы я развёлся?

– Я этого не говорила. Мы можем с тобой общаться как друзья, но секс второпях и по часам мне не нужен. Я не хочу быть запасным аэродромом для экстренной посадки.

– Почему ты такая упрямая и несговорчивая? Так трудно измениться?

– Есть вещи, которые нельзя изменить ни тренингами, ни уговорами, ни ограничениями. Как бы мне не хотелось, я никогда не стану пышногрудой и длинноногой блондинкой. Нельзя изменить свою личность. Она даётся с рождения, как темперамент, интеллект и конституция. Они тоже врождённые. Я смогу изменить только своё отношение и поведение к тебе. В данной ситуации его менять нет смысла. Ты хочешь продолжить отношения, а я не хочу. Ты забыл о небольших принципах, которых я придерживаюсь? Да, я отступила на время от них в отпуске, но не отказалась совсем. В чём упрямство? Мне приятно твоё внимание ко мне, но не более того. Почему я должна согласиться с тобой и уступить?

– Диана беременная. Срок 6-7 недель.

– Это к лучшему. Занимайся женой и радуйся в ожидании наследника.

– А мне как-то нерадостно. Мы женаты два года и это третья беременность.

– Почему не вынашивает? Ты говорил с её лечащим врачом? Илья, я мало знаю тебя и совсем не знаю твою жену, поэтому говорю, не переходя на личности. Если женщина мечтает о ребёнке, и у неё уже было два выкидыша, она

идёт к врачу при задержке немедленно. Врач установит причину такого положения, положит на сохранение и будет наблюдать. Другое дело, если она не хочет ребёнка, то даже при нормальной беременности спровоцировать прерывание возможно. Это не настрой и не фантазии. Беременность 6-7 недель ты можешь уже и сам определить. Если нет токсикоза, то грудь станет чуть больше, соски будут болеть, может появиться сонливость, потеря аппетита или его повышение, реакция на всевозможные запахи, а главное, перепады настроения.

– И что мне делать?

– Ждать и быть как можно внимательнее к жене. Значит, ты пришёл ко мне за советом? Видишь, к чему привела меня женская самонадеянность и уверенность в неотразимости, – откровенно рассмеялась Вика. – Продукты на тебя извела, цену себе набиваю, а ты пришёл лишь за советом, – на глазах у неё выступили слёзы от смеха.

– Зря смеёшься. Мне не нужен был твой совет. Я его получил от матери. Мне очень хотелось тебя увидеть и понять, чего мне без тебя не хватает, а слова о беременности выскользили сами собой.

– Понял? Извини за сарказм. День сегодня не мой. Я тебя предупреждала о своём настроении. Тебе лучше уйти и забыть обо всём, что было между нами. Всё проходит, и это пройдёт.

Глава 5

Бабье лето закончилось, началась непогода. Виктория вдруг вспомнила, что где-то читала, что жить нужно как погода и в любое время года. «Погода чувств своих не прячет: когда ей плачется, то плачет, когда ей холодно – дрожит, когда ей весело – блажит. Короче, делает, что хочет», – прочитала строки из стихотворения, автора которого не помнила и улыбнулась. – Нужно каждый свой день начинать правильно. Утром не забывать говорить себе, что я красавица. Пусть даже для этого не будет повода. Запланировать кучу дел, вдохнуть глубже, расправить крылья и с песней по жизни! А вечером, если доживёшь, сказать, что большая умница, – Вика показала язык своему отражению в зеркале и рассмеелась. – Что мне делать с Ефремовым? Олег Васильевич настроен ухаживать за мной, и не скрывает этого. Ему сорок, он дважды был женат, а вкус к жизни не теряет и ему глубоко плевать, что о нём думают другие. Как мне его тактично поставить на место? Думай, Вика, думай».

В этот же день анестезиолог Ефремов напомнил о себе.

– Виктория Сергеевна, вы, что больше любите театр или кино?

– Я больше всего люблю цирк, Олег Васильевич. Особенно клоунов и дрессировщиков хищных животных. Одни у меня вызывают глупый смех, а другие – страх и восхищение.

Поймите меня, пожалуйста, я не виновата в том, что у вас в отношениях появилась брешь и вам её нужно кем-то заполнить. Мы с вами просто коллеги. Хотите меня осчастливить своим вниманием? Но вы, скажем так, не в моём вкусе, а самое главное, я не так проста и доверчива, какой кажусь. На самом деле я очень мстительная и коварная. Я могу вцепиться в вас как репей, испортить карьеру просто из вредности. Вам нужны проблемы на работе? Давайте жить дружно и не осложнять друг другу жизнь.

– Ты поставила его на место? – улыбнулась подруга. – Он вышел из ординаторской красный, как рак из кастрюли.

– Он не оставил мне выбора. Я устала говорить намёками и сказала всё прямым текстом. Да, возможно, он хороший человек, но это не значит, что для него не существует отказов. Он не мальчик и ему не нужна романтика, ему нужна партнёрша. А мне это зачем?

В середине декабря, во время её дежурства, машина скорой помощи доставила в отделение Назарову Диану двадцати четырёх лет с кровотечением. Срок беременности 16 недель. При осмотре сердцебиение плода не прослушивалось, а согласно обменной карте, пациентка была на приёме вчера, и беременность протекала нормально, жалоб женщина не предъявляла.

– Саша, – обратилась Вика к интерну, – включи диктофон, когда я буду с ней беседовать, пока делают УЗИ. Не нравится мне всё это. Почему она попросила привезти её сюда, а не

туда, где наблюдались? Возьми анализы крови, пусть сделают химию в экстренном порядке. – Она подошла к кушетке, взглянула на молодую женщину, которая даже теперь оставалась красивой. Она не плакала, лишь постанывала, кусая губы. – Диана Витальевна, что случилось за последние сутки? Вы можете не отвечать, анализы сами скажут за вас, а мы потеряем время. Сердцебиения плода нет, и это не замершая беременность, а значит, вам грозит опасность. Я хочу знать, что вы делали или принимали, когда и сколько? Почему приехали сюда, а не туда, где наблюдались? Будете изворачиваться или говорить? Я постараюсь сделать всё максимально быстро, но только после того, как получу ответ на свои вопросы.

– Он не должен был родиться, – сказала она тихо и назвала препараты. – Я должна была сделать это раньше, но не получалось.

– Позвоните Раисе Степановне, а Назарову в операционную.

Прошли минут сорок, когда Виктория вышла из операционной и увидела в коридоре Илью.

– Как Диана?

– Твоя жена в удовлетворительном состоянии, а ребёнка, извини, не будет. Сейчас она спит. Ты сможешь навестить её утром.

– Как это не будет? Ты же врач. Ты не смогла ей помочь? Всё ещё вчера было хорошо. Ты сделала это умышленно? –

он почти кричал.

– Прекрати! – Вика наотмашь ударила его по лицу. – Не смей обвинять меня в том, в чём я не виновна. Я твою жену в первый раз вижу. Её привезла скорая помощь с кровотечением, и не по месту наблюдения, а сюда. Твоя жена сама спровоцировала прерывание, а я лишь не допустила необратимых процессов. Не все доктора глупы, как считают многие.

– О чём ты говоришь?

– О том, что она выпила препараты, которые смертельны для плода и провоцирует выкидыш. Беременность нельзя было сохранить – плод погиб в утробе матери. Она сказала, что ребёнок не должен был родиться. Можешь послушать запись сам. Это всё незаконно, но это моя страховка от обвинения в бездействии. – Саша, займись господином Назаровым. Часы приёма узнаете внизу.

В понедельник, делая обход, Виктория осмотрела Диану.

– Вы готовы к выписке или отложим до завтра?

– Выпишите меня сегодня. Я дозвонюсь мужу, и он меня заберёт. Вы знакомы с Ильёй Назаровым?

– Немного. Во время отпуска, я летала в сентябре в Турцию, там и познакомились. Заберёте выписку на посту через час.

– Виктория Сергеевна, вам нравится мой муж? – на лице Дианы появилась ухмылка.

– К чему этот вопрос? Мы с ним едва знакомы, – Виктория покраснела.

– Не смущайтесь. Он многим нравится, но вы не в его вкусе. Это правда, что он взял образец для анализа ДНК?

– Возможно. Вы его жена и у него есть на это право.

– Мне остаётся только молиться.

– Вы сами сомневаетесь в отцовстве или просто не хотели ребёнка? Извините, но я в любом случае не понимаю одного: зачем вы так долго тянули?

– Не ваше дело!

– Дело, действительно, не моё. Поправляйтесь.

Город готовился к встрече Нового 2009 года. Виктория любила этот предпраздничный марафон. Все куда-то спешили, в магазинах были очереди, на площадях устанавливали лесных красавиц и повсюду мигали разноцветные гирлянды. Приближение праздника чувствовалось за пару недель, а чем он был ближе, тем быстрее марафон сменялся спринтерским бегом. Вика «пробежала свою дистанцию», закончив её за три дня до конца года. По пути домой после дежурства, сделала «контрольную» покупку. Теперь в холодильнике стояла бутылка шампанского, лежали мандарины и фрукты, а на журнальном столике в банке с водой стояли лапки ели, слегка пахнущие хвоей и украшенные серпантинном. Проводить старый год и встретить Новый, ей предстояло в отделении. «А как ты хотела? – спрашивала она сама себя. – Новичкам всегда «везёт». Проведу каникулы дома, поедая мандарины и попивая шампанское до следующего дежурства. Ирина обещала забежать», – думала она, погружаясь в сон. Зво-

нок прозвенел после полудня. Встав нехотя с постели, она открыла дверь.

– Ты? – удивилась она, увидев на пороге Илью.

– Можно?

– Входи. Каким тебя ветром занесло? Извини. Я после суток плохо соображаю. Дай мне пару минут. – Она улыблась холодной водой, причесала волосы. – Что-то случилось?

– Ничего. Я не нарушил твоих планов?

– Нет у меня планов. В новогоднюю ночь я дежурю, потом четвёртого и восьмого января – вот все мои планы. Как твоя жена себя чувствует?

– Не знаю. Я подал на развод. Через месяц нас разведут. Тест ДНК отрицательный.

– Почему так скоро?

– Причина исключает примирение. Она и стала последней каплей в чаше моего терпения. Отец в своё время настоял на брачном контракте. Она немного выиграет от брака со мной.

– Тебе её не жаль? Может, девушка просто запуталась, а ты так «резко» поступаешь.

– Нет! Я не выгоняю её голую и босую. До развода снял ей квартиру и узнал о себе много нового, – говорил Илья, глядя перед собой. – Оказывается, я обычный стареющий музейный экспонат. Отстал он жизни лет на двадцать. Скучная посредственность без особых перспектив. Проще говоря – круглый идиот. Я не думал, что разница в возрасте восемь лет играет существенную роль в семейной жизни, а зря, –

сказал Илья и грустно посмотрел на Вику. – С утра был в офисе – конец года, а сейчас время обеда. Я заехал, чтобы пригласить тебя на обед в ресторан.

– Спасибо за приглашение, но я не поеду. У меня нет желания покидать квартиру.

– А пельмени у тебя есть?

– Ты голоден? – Вика смутилась. – Я об этом не подумала, решила, что ресторан просто повод. Меня можно недооценивать, но не до такой степени. Ты же не думаешь, что я, дежуря сутки, сижу на голодной диете? У меня есть не только пельмени. Вымой руки и будем обедать.

– Вика, ты на меня не сердись?

– Почему я должна сердиться? Мы с тобой не виделись больше двух месяцев, если не брать в расчёт встречу в роддоме. Но твоё состояние можно понять, – говорила она, разогревая обед. – Это ты меня извини за пощёчину, хотя она и была заслуженной. Еда, возможно, не мужская, но я как-то гостей не ждала. Ешь!

– А ты неплохо готовишь.

– Я готовлю, если и не очень вкусно, то экономно. Всего из одной куриной грудки на выходе суп, салат и начинка для блинов.

– Как это?

– Элементарно! Зачем тебе это нужно? Если нравится – ешь, а нет – не издевайся.

– Не сердись. Я блины с мясной начинкой лет десять не

ел. В доме отца готовят блины на масленицу с икрой или красной рыбой, но я там редкий гость.

– У богатых свои причуды. Бери их руками, так вкуснее. У меня кофе только растворимый, но на мой вкус нормальный. Поел? Теперь скажи честно: зачем приехал? С какой целью?

– Вика, я скучаю без тебя, думаю о тебе, хочу быть с тобой. Между нами теперь ничего не стоит. Я скоро получу развод. Давай жить дружно.

– Назаров, я для тебя прочитанная книга, пусть и через страницу. Может тебе начать «читать» новый роман?

– А если я хочу перечитать старый заново, более вдумчиво? Вдруг я пропустил самое интересное? Чёрт возьми! – выругался он, неаккуратно взяв чашку и пролив на себя кофе.

– Снимай рубашку, безрукий, и брюки.

– У тебя в квартире не Ташкент, чтобы ходить в трусах.

– А кто тебе это ещё позволит? Иди за мной. На антресоли пакет. Илья, я сказала пакет, а не сумка. Доставай его. Когда я въезжала в эту квартиру, мне помогал Санька, сын приятеля отца. Тётя Рая дала ему одежду для уборки. Саша велел выбросить, но я решила оставить. Мало ли какой мужичок забредёт, а я его и приодену, – улыбалась Вика, глядя на Илью, доставая спортивные брюки и футболку. – Держи. Переодевайся и неси всё в ванную.

– Как я выгляжу? – Илья протянул Вике рубашку и брюки.

– Размер великоват, но за неимением другого, выбора нет, – улыбнулась Вика. – Закати штанины, чтобы не насту-

пить. Рыжий конь, получается выше и шире тебя, а на вид не скажешь.

– Кто такой конь и почему рыжий?

– Конём я называла друга детства, и он в жизни рыжий, как в мультфильме, – Вика внимательно посмотрела на Илью. – А ведь ты это сделал умышлено. Стоило тебя отправить домой в мокрых штанах, но мне этого делать не хочется. Значит, ты хочешь жить со мной дружно? Тогда, послушай меня всего один раз и сделай сам выводы. Это не ультиматум, а информация к размышлению: если ты передумаешь с разводом – я пойму, но отношения закончатся. И ещё: у меня есть друзья. Их всего двое, но я дорожу этой дружбой. Если они тебя чем-то не устроят – твоя проблема. Я буду с ними встречаться, как прежде, хотя мы это можем делать и вдвоём. Что касается твоих друзей. Я готова с ними познакомиться и даже, по возможности, дружить, но только тогда, когда ты получишь развод. Пойми меня правильно: наши отношения могут быстро закончиться, если мы будем лгать друг другу или не доверять.

– Ты думаешь, тебя посчитают причиной моего развода? Это же не так!

– Кому это интересно? Все будут говорить, что ты нашёл меня в роддоме, куда привезли твою жену. Так сказать, роман с мужем пациентки. Или ты будешь убеждать, что знал меня раньше? Мои друзья о тебе знают, и не думаю, что застав тебя в моей квартире, будут сильно удивлены.

– И что ты им обо мне рассказала?

– Всё, но без постельных подробностей. Они люди взрослые. Ирина живёт с мамой, поэтому приходит ко мне, а у Саньки под задницей машина – он приезжает с девушкой. Это бывает раз-два в месяц и всегда после звонка. Что скажешь?

– Я не вижу проблем и обязательно познакомлюсь с твоими друзьями в ближайшее время, познакомлю тебя со своей младшей сестрой. Вика, а чей инструмент?

– Мой. Мама летом привезла эту ручную кладь из Питера, чтобы дома не пылилась. Синтезатору больше десяти лет, а он как новый. Если умеешь – не стесняйся!

Выходной они провели вместе, а в понедельник, уходя на работу, Виктория разбудила Илью.

– Завтрак на столе, рубашка и брюки на стуле – поднимайся. Будешь уходить, захлопни дверь и реши сам, нужен ли тебе ключ. Он на крючке в прихожей, – коснувшись его щеки своими губами, Вика пошла к выходу.

Первого января Илья встретил Викторию у входа в роддом.

– С Новым годом! Как прошло дежурство? – целуя её в щёку, спросил он.

– В два десять родилась девочка. Ночь прошла спокойно. Я видела пропущенные звонки от тебя, но не стала перезванивать среди ночи. Ты чего так рано?

– Я с шести утра на ногах. Садись в машину, не мёрзни.

Новый год встретил с родителями, чего не делал лет пять и чего они от меня не ждали. Ты будешь отсыпаться или праздновать? Какие планы?

– А какие будут предложения? Вообще Новый год семейный праздник. Я всегда его встречала в кругу семьи.

– Поедем ко мне. Встретим праздник по-семейному. Наталья Петровна приготовила вчера замечательный ужин.

– Кто такая Наталья Петровна?

– Моя помощница по хозяйству. Она третий год работает.

– Ты, Илья, не обижайся, но в твою квартиру я не поеду. Если настроен на праздник – устроим его на моей территории.

– Я предполагал, что ты откажешься. Вообще, у меня жить удобнее. Наталья Петровна приходит три раза в неделю, готовит, убирает, и тебе не пришлось бы думать, чем меня накормить.

– Ты намерен перебраться ко мне с вещами? – улыбнулась Вика. – Как-то я не рассчитывала на столь быстрое сожитительство. Ты всегда такой, как бы это мягче сказать, напористый?

– Не сожитительство, а совместное проживание. Ты хочешь мне в чём-то возразить или в корне не согласна с таким решением? Давай просто попробуем. Мне за три дня, жизнь в твоей квартире понравилась.

– Не знаю. Я жила в семье, чуть больше года одна, а вот совместно с молодым мужчиной не доводилось. Поэтому, ес-

ли ты будешь создавать мне определённые неудобства – вернётся к себе и Наталье Петровне. И смотри уже на дорогу, сожитель. Мне ещё нужно думать, чем тебя кормить в обед.

– Не думай. Я со своими продуктами. Всё праздничное меню в контейнерах: два салата и запеченная курица. Воспользуемся твоей микроволновкой. Я и спортивную одежду взял для вылазки на природу, если у тебя будет желание. Ты дежуришь четвёртого и восьмого, а перед ним и после него по три выходных. Звони своей подруге – посидим втроём.

– Ирина дежурит сутки, а Санька, поздравляя меня, пригласил нас завтра на шашлык. Поедем?

– Обязательно! Видишь, какой я предусмотрительный. Только как мы будем возвращаться домой? Шашлык едят под вино, а я за рулём. У тебя принцип не встречаться с женатыми мужчинами, а у меня – не садиться за руль в состоянии опьянения.

– Не переживай. Либо останемся там ночевать, либо я тебя привезу. У меня есть и водительское удостоверение, и небольшой опыт вождения. Папа учил меня вождению, когда была «Мазда», сейчас у него «Хонда», но я и с ней справляюсь. Иногда бывают причины для нарушения принципа, а иногда оправдание.

– У меня этого не было.

– Что сделаешь, если у тебя на глазах случилась трагедия и от тебя зависит чья-то жизнь, а ты пьян и, согласно принципу, не можешь сесть за руль? Выберешь лишение прав или

принцип?

– Умеешь ты огорошить вопросом. Возьми пакет с десертом, а я заберу из багажника сумку и подарок, – он вышел из машины. – Я не стал просить у Деда Мороза для девушки быка – символ года, а попросил медвежонка. Держи! – Илья достал из багажника жёлтого большого плюшевого медведя в нарядной упаковке.

– Если это и медвежонок, то из страны гулливеров, – смеялась Вика, принимая подарок. – Если он распрямит задние лапы, будет мне до пояса.

– Это ни он большого роста, а ты маленького, – закрывая багажник, говорил он, обнимая Вику за плечи одной рукой и держа сумку в другой.

– Извини, телефон. – Слушаю, Антон... Спасибо. Как ты? – она выслушала абонента и весело добавила, – удачи тебе!

– У меня появился соперник?

– Нет. Антон мой приятель. Он служит на Севере и звонит мне два раза в год, поздравляя с днём рождения и Новым годом.

Вот так и началась совместная жизнь Виктории и Ильи. Скоро Назаров получил развод, и Виктории стало жить «спокойнее». Он оказался не таким недосыгаемым и, вполне, «приземлённым». Илья мог быть весёлым и беспечным, серьёзным и рассудительным. Вика ничего не понимала в его бизнесе, но, что он умный, активный и деловой убедилась

быстро, слушая его переговоры по телефону. Ей нравилось заботливое, нежное и внимательное отношение к ней, спокойное отношение к графику её работы, хотя была уверена, что он ему не нравится. Первое время она часто задавала себе вопрос: «Почему он выбрал меня?», но проходили месяцы, она прекратила «пытать» себя и теперь думала: «А чем я хуже другой? Отношения между нами доверительные. Я ему не навязывалась, но, раз так вышло, и отказываться от него не собираюсь. Замуж я не рвусь, да меня никто и не зовёт, а пока я счастлива и буду жить настоящим». После работы спешила домой, где к ужину ждала Илью. По выходным он забирал её с дежурства, бывая в этот день в гостях у родителей, укладывал насильно спать, познакомил со своей сестрой, и они начали дружить «парами». Так как очередной отпуск Виктории летом «не грозил», он посоветовал разбить его на две части, и в начале апреля повёз её на неделю в Эмираты. Недельный тур в прибрежной зоне района Дубай Марина, куда входил дорогой отель Стелла, запомнился Вике надолго. Это был великолепный отдых. Прогулки пешие и морские, купание и шопинг доставили массу впечатлений.

– Я побывала теперь не только в турецкой, но и в арабской сказке, – глядя с благодарностью на Илью, говорила она в самолёте по дороге домой. – Спасибо.

– Что скажешь, если оставшуюся часть отпуска в двенадцать дней мы проведём осенью или на Рождество в Лондоне?

– Ты меня балуешь, Илья.

– Это не баловство. Отдыхать нужно всем, и тебе в том числе, а мечты должны сбываться. Я рядом с тобой тоже отдыхаю. Пойми, любое недельное путешествие не столь дорогое удовольствие, если у тебя есть небольшие сбережения. Одной зарплаты не хватит и на перелёт, а вот две-три – это реально. Мы раз и навсегда закрываем финансовый вопрос. Ты сама выбираешь место, а всем остальным занимаюсь я. Идёт?

– Летим осенью в Лондон! А пока давай немного вздремнём и помечтаем, – Вика положила свою голову Илье на плечо и закрыла глаза.

Илья нашёл общий язык с Александром и Ириной. Они не сидели дома ни один выходной, иногда «захватывали» и вечера будних дней. Татьяна Ивановна собиралась навестить дочь, как только в гимназии закончатся экзамены. Вика решила сказать матери об Илье, а ему, о её приезде, чтобы это не было неприятным сюрпризом для обоих.

– Илюша, мама собирается навестить меня, и я рассказала о тебе. Она прилетает без звонка, говоря: «Когда что-то планируешь заранее, как правило, что-то помешает. Позвоню тебе за пару дней и скажу».

– Правильно сделала. У вас с мамой будет возможность познакомиться с моими родителями. Мне надоело убеждать их, что я не блудливый кот.

– Мы с тобой полгода вместе, а мне кажется, что я знаю

тебя давно. Я лечу домой с работы на крыльях, а уходя на дежурство, скучаю. Назаров, может я влюбилась? А что? Мужчина ты видный, заботливый, нежный. Скажи мне откровенно: тебя всё устраивает?

– Абсолютно. Ты отказалась от переезда в мою квартиру, и я смирился. Мне здесь не тесно и очень комфортно. Я ко всему привык – это в бытовом плане. Ты меня больше чем устраиваешь. Мне уютно с тобой. Даже, когда тебя нет рядом, я чувствую твоё присутствие. Ты разницу между вопросами «Ты голоден?» и «Ты поел?» улавливаешь?

– Нет.

– А для меня вопрос: «Ты поел?» в твоё ночное дежурство, звучит как песня. Или говоришь с утра: «Завтрак на столе» и убегаешь, а встречая с работы, спрашиваешь: «Как прошёл день?». Это, Вика, забота. Возможно, это норма для некоторых семей, но за последние десять лет, ты единственная, кто мне об этом напомнил, – Илья обнял Викторию и прижал к груди. – Ты не отмахиваешься, не злишься, не требуешь, а предлагаешь. Я тебя ни разу не видел хмурой, чем-то недовольной. Уставшей? Да. В такие минуты мне хочется тебя чем-то поддержать, утешить, пожалеть. Мне хочется возвращаться в этот дом, где меня ждут. Ты меня стимулируешь, заряжаешь своей энергией. Я соглашусь, что мы во многом разные, но душа у нас, как будто, одна на двоих. Ты не заметила, что я стал чаще бывать дома, когда ты свободна? Свои визиты к родителям и друзьям переношу на дни

твоего дежурства, и даже они заметили, что я стал меняться. Стал воспринимать всё как-то спокойнее, а не «взрываться», почти не попадаю в ситуации, после которых хочется извиниться, учусь уважать чужой выбор, мнение, а не рубить с плеча. Мне очень помогла наша беседа, ты говорила об избегании конфликтов. Помнишь? «Если проблемы по работе не остаются за порогом и тянутся за тобой хвостом домой – возьми паузу, чтобы утром не извиняться за срыв, сказав: «Неудачный день – это временно». В такие дни ни ты, ни я не задавали вопросов друг другу, а на утром хотелось самому поделиться, но уже спокойно и без нервов. Я понимаю, что наши профессии далеки друг от друга, и ты не можешь мне дать совет по делу, но ты умеешь поддержать: «Успокойся. Все проблемы и вопросы нужно решать на свежую голову. У тебя всё получится. Я в тебя верю», – говоришь ты. В такие минуты мне кажется, что ты старше и мудрее меня.

– Глупости! Это слова моего отца. Он, зная мой непростой характер, очень часто повторял их, пока я не стала прислушиваться, а потом и придёргиваться их. Со временем взяла на «вооружение». Вот и вся мудрость, – смутилась Виктория от его откровения.

– Вика, ты мой добрый Ангел! Я счастливый человек! – подхватывая Викторию на руки, выкрикнул Илья и закружил её по комнате...

Татьяна Ивановна прилетела как всегда без звонка. Вика немного смущалась, рассказывая матери историю знаком-

ства с Ильёй и об их романе.

– Девочка моя, ты ждёшь от меня осуждения? Живи сердцем. Если это твой человек, он тебя не оставит, а если нет, ни один штамп его не удержит рядом. Одно мне непонятно: если у него есть жилплощадь, почему вы живёте в съёмной квартире?

– Мам, мне на моей территории удобнее. Илья предлагал переехать, возил на «смотрины». Квартира хорошая, но...

– Ты теперь знаешь город, можешь снять квартиру, когда и какую захочешь, если не уживётесь. А пока зачем платить дважды? Я понимаю, что теперь за аренду платит Илья, я не понимаю твоей позиции.

– Татьяна Ивановна, уговорите дочь переехать. Упёрлась и не хочет меня слушать. До работы добираться на пять минут дольше. Можно на метро, маршрутке. Можно на машине – мне по пути на работу. Знаете, какую причину она назвала? Высоко! Здесь седьмой этаж из десяти, а так восьмой из двенадцати, – присаживаясь завтракать, говорил Илья. – Но здесь всё чужое, а там своё.

– Отвези меня на квартиру, я посмотрю на твою жилплощадь, а потом решу, стоит мне дочь уговаривать или принять её сторону.

– Договорились! Завезём Вику на работу и поедем.

Квартира с мебелью Татьяне Ивановне понравилась. В ней не было лишнего, но при этом было всё. Зеркала и светлая отделка делали её визуально больше. Большой гардероб в

прихожей, два санузла, две спальни и кухня-гостиная.

– Здесь же так уютно. Почему ей не нравится?

– Может потому, что я жил здесь с женой?

– Значит так. Виктория сутки на смене. За это время мы должны не только здесь убрать, но и кое-что переделать. Скажем, поменять спальни местами, пропылесосить, помыть, постирать, выбросить всё из прошлой жизни. Думаю, до утра успеем. Утром привезёшь её сюда. Будет упираться, ссылайся на меня. Может она не соглашается из-за твоих нерешительных действий?

– Вы думаете, сработает?

– Сработает! Сработает гораздо быстрее, если ты сегодня же купишь новую кровать, – улыбнулась Петровская.

Утром Илья ждал Викторию у входа.

– Привет! Как вы разместились с мамой?

– Она ждёт нас по месту моей прописки и не одна, а с вещами.

– А ты меня спросил: хочу ли я переезжать?

– Я знаю, что хочешь, но ждёшь от меня решительных действий. Там сейчас стерильная чистота, пахнет розами, а в спальне стоит новая кровать. Не упрямясь – тебе там будет удобно.

– А если...

– А если не будет, – перебил её Илья. – За тобой ещё знакомство с моими родителями. Пока Татьяна Ивановна здесь, тебе будет проще.

– Мне жалко уезжать отсюда, – входя в квартиру, говорила Вика. – Вы уже и вещи собрали, и всё за меня решили.

– Не грусти. Мы обязательно будем счастливы и на новой жилплощади, – обнимая и целуя Вику, говорил Илья. – Мой Ангел, я сделаю тебя счастливой...

Через неделю в выходной день Илья вёз Викторию и её маму в дом своих родителей. Встретили их радушно. Познакомились. Пока на террасе накрывали стол к обеду, хозяйка дома, она же мать Ильи беседовала с Викторией и её мамой.

– Ты меня, Вика, приятно удивила, а мой муж в тебя заочно влюблён. Илья никогда не дружил с девушками из состоятельных семей. Он не признавал брака по расчету, хотел жениться по любви на обычной девушке. Только его знакомые были далеко не ангелы. Да, мы с мужем интеллигенты в пятом поколении, но с развитием бизнеса поняли одно: дело даже не в образовании человека, а в его порядочности. Ты можешь делать деньги сам, а если сам не в состоянии, но тебе их дают, должна быть отдача. Плевать какая она будет, физическая, моральная, духовная, но она должна быть. Наш зять, дочь и сын, умные люди, но далеко не гении, а трудоголики. Таким отдыхать можно и нужно. А отдыхать от безделья – абсурд! Думаю, будь на твоём месте другая, не жила бы полгода в съёмной квартире, не перерабатывала столько часов, а переехала и сидела на шее Илюши. Это говорит о самостоятельности, бескорыстии и порядочности, это говорит о воспитании. Как говорил мой отец: «Не бери больше

того, что можешь унести». Я полгода радуюсь за сына. Ему как будто опять двадцать. Он влюблён и полон идей. Вы не думаете о браке?

– Нет. Мы не говорили на эту тему. Я приняла предложение о переезде, но это пока всё. Илье предыдущий брак ничего не дал, да и я не спешу замуж. Пусть всё идёт, как идёт. Я получу категорию, наберусь опыта и, возможно, стану востребованным специалистом.

– Зарплата, которую ты получаешь – смех. Как на неё можно прожить?

– Мне её хватало, даже с учётом арендной платы, – Виктория начинала сердиться. – Вы разве заметили, что ваш сын похудел? Я не экономлю на продуктах, завтраки и ужины готовлю, а за аренду Ильи платил сам после своего переезда.

– Я приезжаю без звонка в третий раз и холодильник не был пустым и без вашего сына. Вика у нас не из богатой семьи, но из среднеобеспеченной, а что касается интеллигентности, то мы вас переплюнем на два порядка, – говорила Татьяна Ивановна, глядя на мать Ильи. – Виктория всегда знала, как достаются деньги. Я вас не понимаю. Вы радуетесь за сына, говорите о порядочности моей дочери, и при этом «держите в уме» её финансовое положение. Это упрёк? В Питере у неё есть бабушки и дедушка, которые не оставят её без финансовой поддержки. Сказать, что я в восторге от этого союза, я не могу. Я не раз наблюдала отношения между парами разного социального круга. Обычно они длятся

недолго. Если я хорошо знаю свою дочь, то с вашим сыном я знакома неделю. Рано делать выводы.

– Татьяна Ивановна, я не хотела обидеть Вику или вас, говоря о деньгах. Я рада, что мой сын нашёл хорошую девушку.

– Я тоже порадуюсь за него, если он сделает счастливой мою дочь.

– Почему за него, а не за неё?

– Если Вика будет счастлива, она не сможет сделать вашего сына несчастным. Значит, будут счастливы оба.

– Вы отпуск планируете? – вмешался Назаров старший у Вики и сына, чтобы сменить тему разговора. – Может, махнём в Питер?

– Только в сентябре. Вику раньше не отпустят. Да нам вдвоём везде хорошо, а Ирина хотела посмотреть северную столицу.

– Приезжайте. У нас есть, что вам посмотреть, а нам показать. Мы все живём в Калининском районе – это недалеко от центра, у нас у всех есть жилплощадь. Нам не составит труда разместить вас.

Переехав в квартиру Ильи и познакомившись с родителями, Виктория могла считать себя в гражданском браке. График работы у молодого доктора во время летних отпусков был сумасшедший, но они находили время для встречи с друзьями Ильи, иногда ездили к его родителям в гости. Ровно через год после знакомства, Илья сделал Вике предложе-

ние, устроив в квартире романтический ужин.

– Мне очень приятно твоё внимание и решение. Я приму твоё предложение, если объяснишь, что в нашей жизни изменится после загса. Чего ты ждёшь? – немного растерялась Вика, разглядывая кольцо.

– Разве тебе не хочется узаконить наши отношения и стать официальной женой? Устроим свадьбу, отправимся в свадебное путешествие.

– Мне очень хочется почувствовать себя невестой, но что изменится после свадьбы? Я себя прекрасно чувствую рядом с тобой. Зачем нам что-то менять?

– Ты не уверена во мне или в себе?

– Не знаю. Илья, ты не обижайся. Я тебя люблю, но что-то меня останавливает, чтобы сказать: «да». Посмотри на меня и ответь честно: ты принял это решение спонтанно? Решил таким образом отметить годовщину знакомства?

– А что в этом плохого?

– Это замечательно. Значит, ты не будешь настаивать на скором ответе и дашь мне время подумать. Думаю, год-два будет достаточно.

– Вика, ты соглашаешься или отказываешь мне?

– Соглашаюсь, но через год или чуть позже. Илья, мы никогда не говорили с тобой о браке и при этом чувствовали себя парой, – глядя ему в глаза, говорила она. – А, если я, став законной женой, превращусь в сварливую и недовольную всем особу, что будешь делать? А что буду делать я, если

ты надумаешь сделать из меня домохозяйку? Твой добрый Ангел станет злой Бабой Ягой.

– Странная ты. Другая бы ухватилась за предложение, а ты раздумываешь, – не понимал Вику Илья.

– Нормальная я, и время мне нужно не на раздумья, а на сохранение того что есть. Лучше уже некуда, а хуже я не хочу. Так понятнее? Мы живём с тобой в одной квартире, спим в одной постели, и я считаю наши отношения вроде гражданского брака. Что может изменить штамп в паспорте?

– Не отказываешь – уже хорошо, я подожду. Пусть кольцо будет подарком к годовщине знакомства. Романтический ужин отменять не будем, ещё и маленький концерт устроим. Согласна?

– Солидарна! Мне понравилась песня Алсу. Хочешь послушать? – Вика включила синтезатор и села за инструмент.
«Сердце знает главное – я тебя ждала,

Как еще недавно я без тебя жила.

Я сама не знаю, но в моей судьбе,

То к чему стремилась, я нашла в тебе.

Ты меня не придумал такой,

Я тебя не придумала тоже,

Просто мы, просто мы, просто мы повстречались с тобой.

Просто мы, просто мы, просто мы друг без друга не можем...

Илья сдержал слово, хотя Вика ни разу не поднимала вопроса об обещанной поездке в Лондон. Она сама не давала обещаний, если сомневалась в реальности и не напоминала другим об этом. «Если он молчит, значит что-то не получается, – думала она. – Забыть или передумать он не мог. Поездку в Лондон можно заменить поездкой в Питер, а иначе отпуск мой «пропадёт». Илья заговорил об отпуске в середине ноября.

– Вика, тебе дадут отпуск в середине декабря? А что с дежурствами в Новый год?

– Я в новогоднюю ночь дежурила два года подряд. Думаю, этот Новый год буду встречать с тобой. А вот сутки первого числа могут достаться мне. Я не видела графика дежурств. Ты что придумал? Для какой цели я должна выпросить отпуск?

– Здравствуйте! А как же наша поездка в Лондон?

– Мы летим в Лондон? Когда?

– С девятнадцатого по двадцать пятое нас ждут в Королевстве, а после этого мы летим не домой, а на три дня в Питер. Ты должна оформить отпуск с восемнадцатого. Нас двенадцать дней устроят, – улыбался Илья, довольный реак-

цией Виктории. – Я должен познакомиться с твоим отцом и посмотреть колыбель революции.

– Илья, ты это сделал или только планируешь?

– Тур оплачен. Переводчик нам не нужен. Почему Лондон, а не Париж?

– Мне с тобой романтики хватает и без Парижа, а ещё я не хочу увидеть Париж и умереть, – весело говорила Вика, повиснув у Ильи на шее. – Я не знаю чем объяснить своё желание попасть в Лондон. Возможно, потому, что в последние годы он у многих на слуху, многие рвутся там учиться. Поговорю с заведующей, возьму все возможные дежурства до восемнадцатого. Скучать не будешь?

Поездка Виктории понравилась. Теперь они отдыхали в отпусках, планируя их заранее. Виктория выбирала страну для поездки, а всё остальное доверяла Илье. Для неё каждый маршрут был новым и совсем незнакомым. Они выкраивали неделю отпуска, чтобы побывать у родителей Виктории в Питере. Даже Софья Михайловна принимала Илью, как потенциального зятя, хотя ей очень хотелось побывать на свадьбе внучки. Три года не прошли, а пролетели.

Глава 6

В день тридцатилетия Викторию ждал сюрприз. Он начался с самого утра, едва она открыла глаза. Их спальня превратилась в цветочную оранжерею. В двух вазах, напротив кровати, стояли белые розы, а рядом с кроватью на тумбочках – бледно розовые. Они источали тонкий аромат. Вика улыбнулась, заметив в дверях Илью.

– Ты когда успел, сумасшедший? Зачем так много?

– Вместо обычного «Спасибо, дорогой»?

– Не просто спасибо, а огромное спасибо! – Вика повисла у него на шее, выпрыгнув из кровати. – У меня никогда не было такого количества цветов. – Сколько я должна тебе поцелуев?

– Если судить по количеству цветов, то шестьдесят. Четыре раза по пятнадцать, – он обнял её и поцеловал в висок. – Доставили сегодня утром. Дата у тебя «неприличная», чётная. Ирина просила поздравить тебя утром, заказав букет. Татьяна Ивановна звонила, предупредить о курьере с букетом. Один от родителей и один от меня. Только это ещё не всё. Давай завтракать, потом продолжим. – Времени на завтрак за разговорами ушло больше чем обычно. – Вика, я сегодня не смогу тебя подвезти на работу, хотя время у меня ещё есть, – говорил Илья в лифте. – У тебя пакет для коллег не тяжёлый? Доберёшься сама?

– Не волнуйся, я справлюсь, – ответила она, выходя из лифта и собираясь направиться к выходу.

– Виктория Сергеевна, держите ключи и добирайтесь сами на своём авто, а я поеду следом и прослежу. Документы в твоей сумке – я их подкинул. Нравится?

Во дворе дома, рядом с машиной Ильи, стояла машина Toyota Auris 2011 года, хэтчбек красного цвета с объёмом двигателя 1,6 и левым рулём.

– Ты, действительно, сумасшедший! – Вика уткнулась ему в грудь, – но я тебя люблю. Будешь сопровождать? – заглянув ему в глаза, спросила она. – Не переживай, я буду осторожна на дороге.

Она ехала знакомым маршрутом и думала о том, что Илья придумал хитрый ход, сажая её за руль своего авто. Ему стоило убедиться, что она водит машину, и водит хорошо. Поставив машину во дворе, она поднялась в отделение. Прошли почти пять лет с тех пор, как Виктория начала работать в роддоме. В конце смены в ординаторской собрался коллектив сотрудников, чтобы отметить её день рождения. После небольших посиделок с тостами, зашёл разговор о виновнице торжества, о её таком недалёком приезде и о работе. Чтобы как-то сменить тему, Вика улыбнулась и сказала:

– А вы знаете, что я родилась в этом роддоме ровно тридцать лет назад. Теперь сама принимаю детишек.

– А я тридцать два года назад пришла сюда работать после училища, а теперь выхожу через три года на пенсию, –

акушерка посмотрела на Петровскую. – Может, я и вас принимала.

– Екатерина Семёновна, а в ваше время отказников было меньше? Я понимаю, что было проще – ясли, сад, стабильная работа и жильё, но нерадивые мамочки были всегда.

– За тридцать лет было всякое, но одно дело, когда ребёнок с патологией, мамаша пьющая, беременность нежеланная, а другое, когда обеспеченная семья оставляет ребёнка без всяких причин, просто потому, что так будет проще и легче. Был один случай, который оставил в моей душе глубокий след. Я года два уже отработала, когда молодые студенты отказались от одного ребёнка из двойняшек. Как отказались? Подписали документы под нажимом и обманом. Думаю, молодые родители так и не узнали об отказе.

– Как такое возможно?

– Возможно, Виктория Сергеевна. Ребятам было по двадцать лет. Студенты третьего курса, а дедушка близнецов профессор. Он всё и устроил. Девочка родилась первой и была, такой маленькой и худенькой против братца карапуза. Мальчика через сутки с мамой выписали в нарушение всех норм, а от неё отказались. Я думала, так бывает только в кино, но оказалось, возможно, и в жизни. Был случай, когда жена, родив ребёнка, из роддома вышла с двумя, забрав и ребёнка любовницы мужа, которая от него отказалась. Были случаи, когда мамаша одумывалась через два-три дня, но они были редкими.

– На моём счету четыре случая отказа от ребят, которых я приняла. Сколько я не пыталась поговорить с мамашами, упиралась в глухую стену.

Она возвращалась домой, вспоминая рассказ акушерки. Вика знала, кто её предполагаемые биологические родители и где они работают. Светлана Андреевна и Алексей Иванович Климовы работали в клинике «Мать и дитя». Заведующая роддомом, где работала сама Виктория, была знакома с Климовыми. Её дочь Ирина училась в медицинском университете с сыном Климовых Виктором и была тайно в него влюблена. Знала она и профессора Зиновьева.

В начале сентября Викторию и Ирину отправили на областную конференцию акушеров-гинекологов и неонатологов. Здесь Ирина и познакомила Викторию с Виктором Климовым.

– Вика, а какой у тебя стаж? – разглядывая новую знакомую, спросил он.

– Пять лет здесь, год в Питере. Год назад я подтвердила сертификат, недавно получила первую категорию. Есть ещё ко мне вопросы? – она улыбнулась, с интересом глядя на молодого человека. Чем-то он напоминал её саму. – Тебе это зачем нужно? – спросила она и поняла: «Глаза! Только что они были голубыми, но стали менять цвет на более тёмный. Так бывает, когда я волнуюсь или на душе неспокойно».

– Нам в родильное отделение нужен врач. Я могу поговорить с матерью. Понимаешь, Светлана Андреевна берёт на

работу только проверенных людей или по рекомендации специалиста, и не любит протезе нужных, но далёких от медицины людей.

– Думаю рано.

– Ты поговори о приёме, а я поговорю об увольнении. Вика нужно расти и развиваться, а у вас для этого условия лучше и зарплата.

Раиса Степановна Кострова пригласила Викторию через пару дней.

– Присаживайся. Мне Климова звонила, интересовалась тобой и твоей работой. Ирина рассказала о встрече с Виктором. Будешь увольняться?

– Меня никто не приглашал. Или я вам уже не подхожу?

– Сходи на собеседование после ночи, а решишь уволиться, не забывая о двух неделях. Заявление я подпишу. Мне за тебя не будет стыдно. Кто знает, как тут всё сложится без меня, когда через год уйду на пенсию. Но хочу тебя предупредить: окончательное решение о приёме на работу принимает отец Климовой. У меня с этим старым козлом свои счёты, – Кострова замолчала на секунды, внимательно посмотрела на Викторию, вздохнула и продолжила: – Он у нас преподавал акушерство. Немолодой красавец профессор не пропускал ни одной юбки, а его дочь всего на четыре года моложе меня. Он её к нам рожать и привёз. Родилась двойня. От слабой девочки отказался сразу, а всё обставил так, подлец, что дочь была уверена, что девочка умерла и подпи-

сала отказ, думая, что подписывает согласие на захоронение. Ты, представляешь, как это «выглядело»? Восемьдесят второй год, где партия наш рулевой приказала, и член берёт под козырёк, если не хочет вылететь с волчьим билетом. Юридически всё законно, а совесть у кого можно купить, чью-то запугать. Выдали смене премию наличными и приказали молчать. Дочь он через сутки забрал, а взглянув на отказницу, сказал: «Прости, девочка». Что он при этом подразумевал, я не знаю. Может, испугался, что потеряв жену и воспитывая дочь в одиночку, не справится с двумя детьми? Девочку через время семья военного забрала. Заведующую, самую главную мошенницу, сразу перевели с повышением, а Катю и меня купили. Одно нас утешало – девочка попала в хорошую семью. Пока она не набрала вес, её приёмная мама каждый день приходила к нам. Чтобы ты сделала в той ситуации?

– Не знаю. Родившую мать, конечно, жалко. Она считала, что дочь мертва, но вашей вины в этом нет. Родившийся ребёнок попал в семью, а как он был оформлен неважно. Всё на совести тех, кто это придумал. Что вы могли в той ситуации? Всплыла бы правда наружу и что? Полетели бы чьи-то головы. Самое простое – отец и дочь поссорились, и матери вернули ребёнка. Только наши суды так нерасторопны, что процесс длился ни один год. Вот и вышло, что приёмная семья обязана вернуть ребёнка, к которому успела привязаться и полюбить. Кто знает, как было бы лучше?

– Ты так считаешь? Я не просто ненавижу профессора, я

его презираю, а Ирину угораздило влюбиться в его внука. Меня одно утешает, что ему уже за семьдесят и век его не так долог. Ты, Вика, попробуй, а не получится, мы найдём другое место.

– Спасибо. У меня в этой клинике свой интерес. Я не могу пока рассказать всего, но позже поделюсь.

– Догадываюсь я о твоём секрете, но промолчу. Придёт время, сама всё расскажешь, если ни мне, то Ирине.

Перед встречей с Климовой Виктория всё же волновалась. Не знай, она подробности отказа, вряд ли приняла это предложение о работе. Теперь ей не просто было интересно посмотреть на семью Климовых, но и узнать, что они за люди. Она вошла в кабинет, где за столом сидела заведующая. При виде Вики она сняла очки, предложила присесть и, извинившись, ответила на телефонный звонок. Она минуты две разговаривала по телефону, видимо, отвечая невпопад, и рассматривала посетительницу. Лицо то бледнело, то приходило в норму. На вид ей было лет 45-50. Рост было не определить, а комплекция была средняя. Светлые волосы без седины были собраны в аккуратный пучок. Она хмурила брови, и взгляд голубых глаз становился синим. В нём отражался живой интерес.

– Я не вовремя? – смутилась Виктория.

– Эти рабочие моменты никогда не заканчиваются. Давайте ваши документы и расскажите коротко о себе. Раиса Степановна о вас хорошо отзывается, – она листала бумаги и

продолжала: – вы же понимаете, что я должна убедиться в правдивости её слов. Почему вы не остались в Питере?

– После интернатуры я проработала там чуть больше года, но вынуждена была уехать по семейным обстоятельствам. Это не касалось профессии. Здесь друг моего отца нашёл мне работу. Так я прижилась здесь на пять лет. Я знаю, что вы не берёте людей со стороны, и не буду убеждать вас в том, что работу в роддоме мне нашёл уважаемый в вашем городе врач – решайте сами.

– Получить через шесть лет первую категорию – это прогресс.

– Это ещё и ответственность.

– Я возьму вас с испытательным сроком в две недели и сама посмотрю на вас в работе. Чем быстрее вы сумеете уволиться с прежнего места работы, тем раньше мы начнём сотрудничать, – говорила она, возвращая Виктории бумаги. – Я позвоню старшей сестре, она ознакомит вас с отделением, расскажет о порядке, ответит на все ваши вопросы. Вы должны знать, что вас ожидает в будущем. После увольнения с прежнего места, идите сразу в кадры, – Климова надела очки, позвонила и «передала» Вику старшей сестре. «Кого же ты мне напоминаешь, Виктория Сергеевна?» – думала она, оставшись в кабинете одна.

Через неделю после принятия на работу Вика, дежурившая в ночную смену, познакомилась ближе с Виктором Климовым. Он охотно рассказал о себе и своей семье, после то-

го, как засыпал её своими вопросами и получил на них исчерпывающие ответы.

– Единственное, что портит мне жизнь последние двадцать лет – это поход матери в день моего рождения на кладбище. Ни на день раньше, ни позже, а именно в этот день. Пока я был ребёнком, мне было это неважно. А с возрастом я стал ощущать себя виновником. Как будто я виноват в том, что я здоровый лось, а сестра умерла при рождении.

– А что тебя раздражает? Я думаю, твоя мама навещает дочь в этот день утром, потом поздравляет тебя, или делает это наоборот. Трагедия в чём? Ты был лишён веселья или подарков? Отказывали в проведении праздника?

– Нет. Были и праздники, и подарки, и веселья, но мама была не со мной.

– Вить, ты меня за дурочку держишь? Когда мама была нужна в компании подростков, отмечающих день рождения или другой праздник? Я твоя ровесница, ты не забыл? В тебе говорит не обида, а эгоизм. Мама в память несёт сестре букет, а тебе устраивает банкет. Ты об этом не думал? Я уверена, что ты и не был с мамой у сестры. А пошёл бы, возможно, всё было бы по-другому. Тебе тридцать лет, а маме тяжело смириться с потерей даже теперь. Попробуй разделить с ней эту боль, поддержи, а не обижайся и всё изменится.

– Думаешь? Давай, сходим после работу куда-нибудь.

– Не могу. У меня есть друг и ему вряд ли это понравится. Мы можем дружить, как коллеги. Ты помог мне с работой,

а на особую благодарность не рассчитывай. Лучше обрати внимание на Ирину Кострову. Как думаешь, я смогу присутствовать на операции твоего деда?

– Ему всегда ассистирует Светлана Андреевна. Поговори с ней. Деду всё равно, кто присутствует на его операции. Он не заметит ни присутствия группы студентов, ни отсутствия кого-то. Есть он, пациент и ассистент.

Виктория Сергеевна Петровская слышала о Зиновьеве не только негативные отзывы. Если он и был не очень хорошим человеком, то врачом он был первоклассным. В свои семьдесят два года он не ушёл из профессии, а продолжал консультировать сложные случаи и оперировать. Проработав в клинике полгода, она не пропустила ни одной операции, которые Андрей Степанович проводил в её стенах. Но, ни разу не видела его лица, а голос слышала только через маску. Февраль тринадцатого года она запомнила надолго. Стоя чуть левее и сзади от профессора, Вика наблюдала за его работой. Что-то случилось с ним в самый ответственный момент. Она не видела его лица, но поднятая рука к голове, говорила о проблеме с доктором. «Замените меня», – чуть слышно сказал он и отошёл в сторону. «Чего вы ждёте?» не выдержала Вика и, через секунду, встала на место Зиновьева. Источник кровотечения был устранён. Она вопросительно посмотрела на профессора. «Заканчивайте, – сказал он. – Спасибо. Зайдите позже в кабинет заведующей». Через полчаса Виктория Сергеевна Петровская стояла у кабинета Климовой.

Осторожно постучав в дверь, она не ожидая приглашения, вошла и разглядела профессора без «операционной» одежды. Пожилой мужчина с короткой стрижкой седых волос без признаков лысения, смотрел на неё с нескрываемым интересом, слегка щурясь, голубыми глазами. Он был худощав, но не худой, с бледным, чисто выбритым лицом.

– Присаживайтесь, Виктория Сергеевна, – он снял очки. – Спасибо вам за помощь.

– Вы можете объяснить, что с вами произошло? – Виктория присела к столу в метре от Зиновьева.

– Зрение подвело, возможно, давление подскочило. Я, как вы заметили, далеко немолод. Почему вы решили помочь? Рядом был специалист высшей категории, но он медлил, а вы приняли решение сразу.

– Я видела ни раз, как вы работаете, о субординации и не думала, попыталась и сделала.

– Я слышал ты из Питера. Как ты оказалась у нас?

– Сбежала от неадекватного жениха. А бегут обычно туда, где не будут искать. Я родилась и, какое-то время, жила здесь. Мои родители из Питера, там живут мои предки, там я окончила университет и проработала год. С сентября две тысячи седьмого работала в роддоме на Власова, а сюда меня пригласила Светлана Андреевна, после моего знакомства с её сыном Виктором.

– Вернуться в Питер не хочешь?

– Я об этом не думала. У меня есть молодой человек, есть

работа и крыша над головой. Наберусь опыта, чему-то научусь и, возможно, вернусь, – Виктория говорила спокойно и всё время смотрела на собеседника.

– Мы раньше не встречались? Мне лицо твоё, как будто, знакомо. Чего молчишь? – он улыбнулся.

– Вы позволите сказать правду? Мне сделать это непросто, да и вам услышанное, скорее всего, не понравится.

– Это интересно. Говори, я послушаю и сам сделаю вывод.

– Я родилась в один день с вашим внуком, а напонила вам вашу дочь в молодости. Это покажется невероятным, но, скорее всего, я ваша внучка. Слишком много совпадений. Не ожидали?

– Бумеранг всегда возвращается, – грустно сказал он. – Ты приехала мне отомстить или наказать?

– За что? У меня прекрасные родители. Я выросла в семье, где меня любят. Я вообще первые годы о вас не знала. Да и зачем мне было ждать пять лет, если моей целью была месть? Это ваш грех, вам и расплачиваться. Захотите – покаетесь, не захотите – ваше право. Ваша дочь тридцать лет оплакивает своего живого ребёнка. Вам её не жаль? Да, девочка была слабой, но здоровой, а дед, ради своих амбиций, решил её судьбу. Я думаю, вам хотелось, чтобы дочь достигла большего, сделала то, чего не успели или не сумели вы. Получилось? Вы можете руководить факультетом, клиникой, чем угодно, но вы не можете изменить чужую судьбу, не сломав её.

– А как же ваши отношения с Виктором?

– Андрей Степанович, я похожа на сумасшедшую? С ним мы коллеги. Виктор знаком с моей подругой. Вы единственный, кому я призналась в возможном родстве. Заметьте, я не утверждаю, а лишь предполагаю. Об этом не знают ни мои родители, ни ваши дети. У меня не было и нет желания раздувать эту историю.

– Я видел, как страдает дочь. Я попытался всё исправить, но было поздно. Надеялся, что время излечит, а сказать правду с каждым годом становилось труднее.

– Вы и теперь можете молчать.

– Тогда зачем ты мне это рассказала?

– Во-первых, вы сами об этом попросили, а во-вторых, раз уж это произошло, чтобы именно вы, узнали обо мне. Не начини вы разговора о сходстве, я промолчала бы. Скажите откровенно: мне искать новое место работы?

– Не нужно. Работай. Ты на своём месте. Я найду в себе силы признаться, – он тяжело вздохнул, и Вике показалось, что он сейчас заплачет. – Я был бы рад, окажись твоё предположение верным. Ты не будешь возражать против теста на родство?

– Я соглашусь, но при условии, что ваша семья отнесётся к этому, если не добровольно, то нейтрально.

Вернувшись домой с работы, Виктория с нетерпением ждала прихода Ильи. После ужина, ещё сидя за столом, она рассказала об операции с профессором Зиновьевым. Вика

видела, что рассказ Илью не заинтересовал.

– Илья, тебя мои маленькие успехи не радуют? О чём ты думаешь?

– Вика, я ничего не смыслю в медицине, поэтому я пропустил весь рассказ мимо ушей без вопросов, чтобы не выглядеть полным кретинком, но я рад, что у тебя это получилось.

– Мы с тобой никогда не говорили о детях. Мне тридцать лет, и я хочу ребёнка.

– Я тоже этого хочу, – поднимаясь из-за стола и подходя к ней, говорил он. – Меня смущает только один момент: ты в клинике всего полгода. Жалеть не будешь? – он обнял её и поцеловал.

– Не буду. Даже при скором и удачном зачатии, понадобится ещё полгода трудотерапии до декретного отпуска.

– Когда пойдём в загс, мой Ангел?

– Куда нам торопиться? Что в наших отношениях изменит штамп в паспорте? Мы с тобой живём пятый год, как молодожёны. Два раза в год путешествуем, и они ни чём не отличаются от свадебных. Давай решим один вопрос, а все остальные оставим на потом. Мы просто не будем думать, что в наших планах главное и жить, как прежде. Так наш план осуществится быстрее, – она встала со стула и обняла Илью. – Для меня это очень важно.

Глава 7

Ночь выдалась беспокойной, хотя роды прошли естественным путём. Есть категория людей, их немного, но они есть, которые считают – заплатил деньги, а дальше проблемы и дело доктора. Пусть делает всё что нужно, не доставляя пациентке неудобств, а тем более боли. В основном, это касается молодых мамочек, точнее молодых жён преуспевающих немолодых мужчин. Есть и папаши, которые требуют срочно избавить жену от боли и родить как можно быстрее. В эту ночь «сладкая парочка» дала концерт. Муж пациентки метал гром и молнии, переходя на крик, и обещал всем устроить весёлую жизнь. Доктор Петровская не обещала ни того, ни другого.

– Вы чего так кричите? У меня со слухом проблем нет, – тихо сказала она. – Я понимаю, вы волнуетесь, вам страшно, но это не повод устраивать здесь истерики. Вы перестраховались и приехали раньше – молодцы. Но зачем стимулировать нормальные роды? Почему я должна заставлять ребёнка поторопиться, если всё идёт своим чередом? Успокойтесь, можете уехать, или подождать без истерик, а через пару часов вернётесь, когда жена родит самостоятельно, без вмешательства. Даже для удаления зуба требуется время, а всё прекрасное рождается в муках.

Будущий папаша немного «сбавил обороты», а с мамоч-

кой пришлось набраться терпения, пока в 04:30 она не родила дочь. В отделении наступила долгожданная тишина, все расслабились и с облегчением вздохнули. Часы показывали семь двадцать, когда в ординаторскую вошёл Виктор Алексеевич Климов.

– Разве ты не в отпуске? – удивилась Виктория. – Что-то случилось?

– Вика, я всё знаю, – он был взволнован так, что слегка заикался.

– Что ты знаешь? Говори яснее, я сегодня плохо соображаю.

– Вчера у нас состоялся разговор с дедом, он сам его начал. В результате его откровений, неотложка понадобилась нам всем, – присаживаясь к столу, говорил он. – Почему ты даже не намекнула мне ни о чём? Почему скрывала? Ты живёшь в городе шесть лет, и могла объявиться раньше.

– Витя, ты задай себе этот вопрос и попробуй сам же на него ответить. От меня, что хочешь услышать? Что я должна сказать? Когда я сюда приехала, я вообще о вас не знала. Через год у меня появился интерес узнать: кто такие Климовы. Только спустя пять лет, сложив все совпадения, я поверила в предполагаемое родство. Ты знал, когда и где я родилась. Если был разговор, то ты сделал и свои выводы. Во всей этой истории пострадали родители. Андрей Степанович сам начал разговор, в нём я и призналась, что знаю о его подлости в отношении твоей матери. Я дала слово, что не обнародую

свою осведомлённость. Хочешь, осуждай меня, считай врагом, можешь ненавидеть, а можешь дружить – это твоё дело. Разговор между нами состоялся в феврале, сейчас у нас за окном лето, – Виктория подошла и положила свои руки ему на плечи. – Я дала ему возможность самому рассказать вам обо всём. Слишком много совпадений. Я готова сделать тест, и мы можем сделать это прямо сейчас. Как чувствует себя Светлана Андреевна? Не смотри на меня так. Мне тридцать один год и всё это время у меня была моя мама, которая меня вырастила. Ты смог бы признать другую мать, окажись на моём месте?

– А её ты не хочешь понять?

– Ты с головой дружишь? Я работаю в клинике десять месяцев и вижу с ней два-три часа в день. Мы с ней в хороших рабочих отношениях, я сочувствую ей, но не нужно требовать от меня большего. В этой истории моей вины нет. Хочешь упрекнуть меня в том, что я не поделилась с тобой своими предположениями, когда ты за мной пытался ухаживать? Не объяснила причины? Виктор, я не просилась на работу в клинику, пришла по приглашению, пусть и с твоей подачи. В моих действиях нет ни корысти, ни намёков на месть, – теперь Виктория говорила на ходу, меряя шагами кабинет. – Ты думаешь, я готова к его откровению? Я волнуюсь не меньше тебя. Возможно, мне стоило промолчать, не говорить деду ничего, но такой грех за мной водится: говорю, а потом думаю. Возможно, нужно было сказать об этом

мягче. В конце концов, я это сказала. И что? Я совершила преступление? Разве я, удочерённая чужими людьми, не могу знать своих биологических родителей, причину отказа, а главное, инициатора отказа? Если бы я хотела отомстить, чего бы я ждала больше пяти лет? Да и за что мстить? У меня прекрасные родители, которые дали мне хорошее воспитание и образование. Я стала тем, кем стала и ни о чём не сожалею.

– Ты должна была со мной поделиться. Для этого было и время и возможность.

– Если я кому-то что-то и должна, то только своей семье. Как ты себе представляешь моё «признание»? Броситься тебе на шею и сказать, что я, возможно, твоя сестра? А ты уверен, что тебе такая новость понравилась, и ты не счёл бы меня сумасшедшей? Я вам признания, а вы мне что? В лучшем случае тест ДНК, в худшем – обвинения в оскорблении памяти покойной. Нет, ни я эту кашу заварила, ни мне и расхлёбывать. Если для вас это важно, и без меня будет спокойнее – я уйду, написав заявление. Ответ мне только на один вопрос: для твоих родителей есть разница между живой дочерью, воспитанной другими людьми и покойной? Вы можете обсудить это в кругу семьи и забыть. Я не ищу с вами родства. Мы можем дружить, а можем и забыть друг друга. И ещё, к сведению, чтобы ты знал: я беременная. Срок 4-5 недель. Мне не хочется потерять ребёнка из-за семейных разборок.

Встреча Виктории с биологическими родителями состоялась через час в кабинете Климовой. Светлана Андреевна в пятьдесят один год выглядела как обычно, но без косметики и со следами слёз на лице. Её муж выглядел не лучше. Чувствовалось, что эта ночь далась им с трудом.

– Присаживайтесь, Виктория Сергеевна, – предложил старший Климов.

– Пап, давай по существу и без соплей. Вика беременная, ей нельзя нервничать.

– Это правда? – как будто обрадовалась Светлана Андреевна. – Ты теперь от нас не уйдёшь?

– Срок небольшой. Я была готова уйти после разговора с вашим отцом, но он меня отправил работать. Сказал, что найдёт в себе силы и расскажет обо всём сам. Вы на меня обижены?

– Нет, девочка моя, – сказала Климова, присаживаясь рядом с Викторией и беря её за руку. Это мы виноваты перед тобой, мы всё понимаем и хотим только одного, чтобы ты была рядом. Пусть наши отношения не станут ближе, но пусть останутся хотя бы на прежнем уровне. Отец совершил непростительную, чудовищную ошибку, но её уже исправить невозможно. Господи, тридцать лет мы даже не догадывались, что ты жива и здорова. Это невероятное счастье.

– Его нужно простить. Он признался мне, что пытался что-то исправить, но было поздно. Он вырастил вас один и, возможно, боялся, что двоих вы не потянете. В конце кон-

цов, он покаялся.

– Если бы не ты, он унёс бы эту правду в могилу. Как ты обо всём узнала?

– Мне было лет четырнадцать, когда я узнала об усыновлении. Был бунт на корабле, я на сутки сбежала из дому к друзьям отца. На больший срок меня просто не хватило. У меня хорошая семья. Когда мама впервые приехала ко мне в гости, оказалось, что я родилась в роддоме, куда устроилась работать. Оттуда меня и забрали. Через год я была в отпуске, и уже целенаправленно нашла документы по усыновлению. Климовы Светлана Андреевна и Алексей Иванович 1962 года рождения. Не знаю, для чего я это сделала, но за четыре года я почерпнула о вас информацию только из открытых источников. Случайно как-то призналась в роддоме, что принимаю роды там, где родилась сама. Стоило мне задать вопрос о случаях с отказниками, нашлись истории, о которых рассказывали так, как будто это было вчера. Там ещё работали те, кто помнил и вашу историю. Не из-за вас, а из-за вашего отца. Я не буду называть ни имён, ни фамилий, но они имели претензии к Андрею Степановичу. Да, совпадения были, но стоило ли ворошить прошлое? Я долгое время сомневалась: нужна ли эта правда кому-либо? Последним штрихом был рассказ Виктора. Он пожаловался, что ни один свой день рождения не отметил так, как это принято в других семьях, потому, что в этот день умерла его сестра близнец и мать проводит его на могиле. Я поняла, что виновники

отказа не вы. Приняла ваше предложение поработать в клинике без всякой мысли, не пропустила ни одной операции профессора. Я оценила его опыт, но не собиралась общаться, а уж тем более помогать. Виною всему случай. Он сам вызвал меня на разговор, сказав, что ему знакомо моё лицо, и я рассказала всё, о чём знала. Позже вы интересовались нашей беседой, но я, дав ему слово, не могла сказать правды. Андрей Степанович должен был сам сделать этот выбор.

– Вика, а ведь вы действительно со Светой чем-то похожи, – волнуясь, сказал Климов старший.

– Глазами. Но с Виктором это ещё заметнее. Они у него тоже меняют цвет, когда он сердится.

– Вика, не волнуйся, тебе вредно. Обещаем, с нашей стороны никакой излишней опеки и вторжения в личную жизнь не будет. Считай, что ты просто приобрела новых верных друзей, – Климов взял Вику за руку. – Я рад, что ты с нами.

– Тебя что-то беспокоит? – Светлана Андреевна взяла её за запястье, проверяя пульс.

– Всё хорошо. Немного устала морально. Чета Морозовых оказалась на редкость несдержанной. Пришлось «поработать» ещё и психологом, но жена родила самостоятельно.

– Вика, останься на часок. Я тебя посмотрю, прокапаемся, мы с тобой поговорим, обе успокоимся, а потом Витя тебя отвезёт домой.

Виктория согласилась с предложением Климовой. Через два часа Виктор привёз её домой.

– Попробуй уснуть. Я посижу немного рядом и поеду. Когда вернусь из отпуска, мы поговорим. Пройдёт время, мы немного успокоимся, всё будет немного проще. Очень рад, что печальная история закончилась таким образом, – говорил Виктор, держа сестру за руку и замечая, что в комнату входит Илья. Он отпустил руку Вики, поцеловал её в лоб и на ходу бросил: «Я тебя люблю». Вика улыбнулась и махнула ему рукой.

– Вика, я не сплю? Тебе коллеги признаются в любви в нашей квартире, в моём присутствии, а я должен это слушать. Что он здесь делал?

– Привёз меня из клиники. Присядь, у меня для тебя две новости. Ты, надеюсь, помнишь, что Петровские меня усыновили?

– Помню.

– Вспомни, месяцев пять назад я тебе рассказывала о своём знакомстве с профессором Зиновьевым?

– Это история с операцией?

– Да. Я тебе не сказала всей правды. Возможно, профессор мой дед, Климовы – биологические родители, а Виктор – родной брат. Задавай свои вопросы.

– Откуда такая уверенность?

– Её на сто процентов и нет, но и таких совпадений не бывает. Пока я лежала под капельницей, Виктор сдал тесты на родство. Будем ждать результатов, – сказала Вика и поделилась своими догадками и разговором с Климовыми.

– Тебя это так расстроило, что уложило в постель?

– В постели я оказалась по причине беременности. Климовы сами доктора и перестраховались. Какой не есть, а стресс. Ты не будешь возражать против ребёнка? Светлана Андреевна будет сама наблюдать мою беременность. Почему ты молчишь?

– Вторая новость мне нравится гораздо больше первой, – сказал он и поцеловал Вику в губы. – Как-то неожиданно, но я рад. Ты теперь просто обязана выйти за меня замуж, – он опять поцеловал её. – Я бы поднял тебя на руки, но тебе велели лежать, а лучше уснуть. Мало того, что ты с дежурства, ещё и после беседы с возможными родственниками. У меня появились неотложные дела. Я вернусь через пару часов, а ты отдыхай. Позже поговорим обо всём. Да, забыл спросить: откуда букет?

– Один ненормальный папаша преподнёс. Он принёс их жене, а медсестра не разрешила. Чтобы не выбрасывать деньги на ветер, он решил компенсировать букетом мои нервные клетки, которые он разрушил за ночь, – улыбнулась Вика. – Тебе это тоже на руку. Ты можешь сегодня вернуться без цветов.

Илья ушёл, а Виктории не удавалось уснуть после всего пережитого. Полежав «плюя в потолок» и «переваривая» утренний разговор больше часа, поднялась с кровати и прошла на кухню. Прожив в этой квартире четыре года, она теперь не представляла, как могла сомневаться в переезде.

Жизнь с Ильёй была наполнена заботой и нежностью. Илья не настаивал на рождении ребёнка, а ей хотелось поработать лет шесть-семь, а потом думать о детях. У неё не было ни жилищных, ни финансовых проблем. Перейдя на работу в клинику, планы у неё несколько изменились после разговора с Зиновьевым. «Если меня и уволят, то только после декретного отпуска», – решила я и продолжала работать. Поговорила с Ильёй и через три месяца забеременела, – думала Вика, включая чайник и открывая холодильник, собираясь перекусить. С появлением в квартире Натальи Петровны, которая была прекрасным поваром, с обедами, да и с перекусами, проблем не было. – Дед выполнил своё обещание, не думаю, что это далось ему легко. Климовы оправятся от шока. А я теперь могу спокойно работать. Мне будет тридцать два, когда малыш родиться. Куда ещё тянуть? В отпуск я уйду зимой, а он родиться весной. Ты дружок не спеши раньше срока, а я обещаю быть ответственной, заботливой и внимательной мамой, – говорила она, положив руку на пока ещё плоский живот. – Как думаешь, мне стоит напомнить нашему папе о браке? Я особо на него не рассчитываю, но мне хотелось бы надеть белое платье, порадовать родителей и бабушку. Они у меня хотя и продвинутые, но в душе «советские». Её мысли прервал звонок в дверь. На пороге стояла сестра Ильи Ирина. И сразу же раздался звонок её телефона.

– Ира, проходи. Мама звонит, я должна ответить. – Да, мама. Я дома после ночного дежурства, – сообщила она и

теперь слушала мать. – Мам, ты не волнуйся. Если Илья пообещал – он это сделает. Будут новости – я позвоню. – Ирина, что случилось?

– Случилось, но у вас. Второй час играем всей семьёй в игру «Испорченный телефон». Илья звонил отцу, тот маме, мама мне. Я хочу услышать всё от тебя. Услышать не о Климовых, а о твоём положении. Ты когда намерена идти в загс, на каком месяце?

– Ты сейчас спрашиваешь как подруга или как сестра жениха? Отвечу вам обеим: мне никто не делал предложения, а самой как-то не с руки, – улыбнулась Виктория. – Я не хочу шумной свадьбы, я хочу тихого семейного обеда или ужина, но обязательно в белом платье и где-нибудь на природе. Гостей не больше двадцати и только родные. Мне не денег жалко. Мне хочется быть собой, а не играть роли невесты, видеть лица, которые за меня искренне рады. Зачем мне компаньоны Ильи, нужные люди, лица которых я не вспомню на следующий день?

– Здесь я с тобой, пожалуй, соглашусь и возьму свою семью на себя. Что остаётся? Родители и дети парами, Ира Кострова с мамой, семья ваших друзей – четырнадцать. А Климовы?

– Думаю, если и придут, то только в загс, хотя Виктор может остаться ради Ирины. Ты забыла мою бабушку. Ей 78, но она вряд ли пропустит такое событие.

– Всё, как ты и хотела – человек шестнадцать-двадцать.

– Ир, тебе самой не смешно? Меня ещё замуж не позвали, а мы с тобой гостей считаем. Чего мелочиться? Поехали сразу и за платьем.

– Поедете, но только в выходной после дня рождения Вика, – сказал, вошедший незаметно, Илья. – Первого нас ждут в загсе, а двадцать четвёртого распишут. О чём ещё говорили? – продолжал он, доставая из кармана и открывая коробочку с кольцом, становясь на одно колено. – Ты же не откажешься стать моей женой? Иначе к чему все разговоры с моей сестрой?

– Назаров, я тебя очень люблю, – ответила Вика, принимая кольцо, надевая его на палец и обнимая Илью.

– Может мне уйти? – улыбнулась сестра Ильи.

– Не хочешь допроса с пристрастием, выкладывай всё и как можно подробнее. От себя скажу: родители в курсе, мама сама подключила свои связи, Татьяне Ивановне я позвонил.

Ещё минут сорок брат и сестра убеждали друг друга то в одном, то в другом. Виктория поддерживала или отклоняла идею. Проводив Ирину, Вика ответила на звонок. Телефонный разговор с мамой, которую интересовало всё, с папой и наконец, с бабушкой длился полчаса.

– Переговоры прошли на уровне с полным пониманием текущего момента, – сказала она, закончив разговор, облегчённо вздохнула и посмотрела на Илью.

– Тебе так и не удалось отдохнуть? – он нежно обнял её и прижал к груди.

– Слишком много всего и сразу на мою голову. Когда ты всё успел?

– А телефон мне зачем? Ты мне ответь: что подарить моему любимому Ангелу?

– Лучший мой подарочек – это ты, – пропела Вика песенку из мультфильма. – Отпуск отменять не будем?

– Отменять не будем, но путёвки я верну, а сами будем отдыхать за городом. Выбор пансионата, дома отдыха за тобой. Теперь ты у меня под пристальным контролем. Вика, я не хочу рисковать тобой и ребёнком. Для перелёта и смены климата не самое лучшее время. Пусть я перестраховываюсь, но мы остаёмся дома. Я тебя очень прошу: сократи свои ночные дежурства до минимума.

– Не волнуйся. Закон запрещает работу беременных в ночное время. Мне, возможно, придётся работать по графику в выходные, но только днём. Светлана Андреевна всегда хорошо относилась ко мне. Не думаю, что теперь что-то изменится и станет хуже. Давай обедать.

– Чему ты улыбаешься?

– Я представила лицо своей мамы, когда она увидит Наталью Петровну в квартире, и не могу представить встречу моих родителей с Климовыми.

– Наталью Петровну увольнять мы не стоит. Она будет тебе незаменимым помощником. Мы не замечаем её присутствия, а помощь от неё большая.

– В этом ты прав. А теперь ответь мне честно: не будь я

беременной, предложения руки и сердца не было бы?

– Ты просила у меня год-два на принятие решения, а прошли четыре. Я хотел сделать это чуть раньше, но почувствовал некие изменения в тебе. Анализировал, сомневался и решил дождаться твоего признания, обнаружив в ванной упаковку от теста. Тест ты выбросила, а про упаковку забыла.

– Плохие мы с тобой конспираторы.

– Золото моё, Ангел мой, я тебя прошу: не думай ни о чём плохом. Твоя забота на сегодняшний день больше отдыхать, гулять и питаться. Прости, свадебный наряд тоже на тебе, и не экономь. Об остальном не беспокойся. Договорились?

– Хорошо. Ответь мне честно: почему ты выбрал меня? – Вика посмотрела на него в упор, и он «утонул» в её глазах.

– Ты не такая, как все, этим и привлекаешь. Ты – особенная. И эта особенность – твоя искренность, твоё оружие. Ты, Виктория, не подходишь под стандартные рамки. Ты – уверенная, сильная, независимая, потрясающая женщина, выбирающая то, что нужно именно тебе. Знаешь дорогу, по которой идёшь, не оглядываясь назад. Ты не меняешь облик, не притворяешься, не пытаешься быть удобной. Можешь позволить себе быть наивной, непонятной, умной, серьёзной, такой, какой желает душа, и плевать тебе на мнение окружающих. И всё это несмотря на то, что внутри тебя продолжает жить маленькая девочка, с большим и добрым сердцем. Ты мой Ангел! Как же мне повезло с тобой...

Родители и бабушка Виктории прилетели за день до сва-

дды. Бабушка, переступив порог квартиры, захохла:

– Апартаменты будь здоров! Красота и комфорт. Если у тебя и клиника, где ты работаешь такая же, я за тебя, внучка, спокойна, – обойдя квартиру, говорила она. – Здравствуйте, милочка, – заметив Наталью Петровну, продолжала она. – Вы, я понимаю, помощница по хозяйству? А я бабушка этой принцессы. Чем будешь кормить дорогих гостей?

– Бабуля, не смущай Наталью Петровну. Ты же у нас умная и интеллигентная дама в седьмом поколении.

– Я на три дня приехала, пусть потерпит старуху. Моя Глафира давно не обращает внимания на мои командования. Дай возможность побрюзжать. Сегодня я у вас ночую – мне здесь нравится.

– Татьяна Ивановна, а вы меня не узнаете? – робко спросила домработница. – Я мама Панина Алексея.

– Высокий, худой и рыжий из 9а, выпуск девяносто пятого года?

– Вы были у него классным руководителем. Я, когда узнала фамилию Виктории Сергеевны, хотела поинтересоваться, а услышала, что она из Питера, поняла, что однофамильцы.

– Мы переехали, живём в Питере уже пятнадцать лет. Как вам воспитание моей дочери? Командует, обижает?

– Мы редко видимся. Я прихожу утром три раза в неделю, когда они уже на работе, а ухожу в два часа дня или раньше.

– Молодец Илья, настоящий мужчина. Свою женщину нужно беречь, особенно работающую, тогда и толку от неё

больше будет. Квартира хорошая, но мне моя дороже. Я в ней родилась, в ней я и умру. Мне за неё десять миллионов дают. Там один чёрный ход чего стоит. Дому целый век. Серёжа бегал из академии домой. Опять же Ленин на броневике почти под окном, – она вздохнула. – Подавай Наталья Петровна барыне завтрак, а уж потом я начну тебя критиковать.

Через час Софья Михайловна уже приняла командование на себя. Она отправила сына и сноху к родителям будущего зятя, а сама осталась с внучкой для разговора и небольшой экскурсии.

– Поедем с тобой прогуляемся. Покажешь мне, где работаешь, где отдыхаете, а к обеду вернёмся домой. После обеда у меня тихий час, – говорила она, садясь в машину. – Ты как себя чувствуешь?

– Хорошо, бабуля. Я, родная моя, беременная, а не больная.

– Ты новым родственникам сказала о свадьбе?

– Светлана Андреевна мне заявление подписывала на три дня.

– Хотела бы я познакомиться с твоим дедом. Понять, что он чувствует, признавшись во всём?

– Тебе это зачем?

– У каждого из нас есть свой скелет в шкафу. Ты думаешь, почему я столько лет не любила твою маму? Была, конечно, и материнская ревность, но была и кровная обида. Я же до некоторых пор не знала, что тебя усыновили, и считала, что

Таня нагуляла ребёнка. Не мог Серёженька иметь детей, переболел в детстве свинкой. Видела, что они любят друг друга, и вы счастливы втроём, а не упрекнуть, не поговорить откровенно не могла. Сама всё скрыла. Не случись его уход из дому, да не вернись он ко мне, так и жила бы с камнем за пазухой. Скажи мне твои родители правду, не случилось бы этого конфуза с отцом. Мы думаем, что всё делаем для блага детей и поздно понимаем, что сделано это скорее для собственного спокойствия и блага. Возможно, так думал и твой дед, чтобы облегчить жизнь дочери. Но не учёл того, что она не сможет смириться с потерей даже с годами.

– Бабуля, я к ним не чувствую ни ненависти, ни обиды, ничего. Они просто мои коллеги по работе. За время работы в клинике, я видела его раза три-четыре, не пропустила ни одной его операции, а после нашего с ним разговора, не встречала ни разу.

– Ты можешь их не любить, но и ненавидеть их не за что. Они не виноваты в поступке отца. Одно плохо: тебе не стоит сейчас менять работу, но если она станет «каторгой» – уходи.

– Бабуля, я приезжала через год в отпуск, и папа уже вернулся к маме. Почему ты мне ничего не сказала тогда?

– Случая не было. Зачем тебе было знать о грехах старой Софьи Петровской? Таня Серёженьку простила, зажили мы дружно без прежних обид. Я теперь волнуюсь только за тебя – пусть всё сложится. Не думаю, что Климовы будут «отвоёвывать» тебя – это, по меньшей мере, неразумно. Говорю всё

к тому, что мы часто совершаем ошибки, которые бьют по нам через десятки лет. Учись на чужих и не допускай своих. Что мне стоило взять и простить в своё время Петровского? Павел каялся, умолял, а я упёрлась, как баран. Через пять лет женился, потеряв надежду на прощение. Вы с Серёжей в Сибирь уехали, а я вам назло замуж второй раз вышла. Кому и что я хотела доказать, если Лебедев мне нужен был как попу гармонь? Сам-то Георгий меня любил, а я только позволяла. А третий муж? Он же меня на руках носил, а мне всё не так. Вот и доносился до инфаркта. Трёх мужей схоронила, а любила только Павла, отца Сергея. Это я к тому говорю, Вика, что выходить замуж без любви нельзя. Ничего хорошего из этого не выйдет. Как можно заставить себя кого-то полюбить? Это уже будет не любовь, а её скверная копия: привязанность, привычка, – бабушка вздохнула. – Викуся, а ты знаешь, что Антон до сих пор не женат? Он мне звонит: поздравляет с Новым годом, с днём рождения, интересуется твоей жизнью в день твоего рождения. Навещал меня года два назад, чего я не ожидала.

– Какой он стал, бабуля? Восемь лет прошло с тех пор как мы виделись. Он мне раньше звонил в день рождения, а теперь только присылает сообщения.

– Красавец! Возмужал, но не поправился. В форме я его не видела, но чувствуется и порода, и интеллект. Смотрится не хуже твоего Ильи, – улыбнулась Софья Михайловна. – Не вспоминаешь?

– Нет. Таких чувств, какие я испытываю к Илье, у меня никогда не было ни к Антону, ни к Павлу. Наверное, это и есть любовь.

Торжество по случаю бракосочетания Ильи и Виктории проходило в доме Назаровых, точнее, в саду дома, куда они приехали после загса. Климовы поздравили молодых в загсе после церемонии, но от приглашения продолжить торжество отказались, а вот Виктор уехал вместе с гостями. Встреча семей Климовых и Петровских состоялась. Татьяна Ивановна предложила Светлане Андреевне встретиться на следующий день в квартире молодых. Климовы предложение приняли.

– Раиса Степановна, не терзайтесь в догадках. Я, та самая отказница. «Старый козёл», как вы его называли, во всём признался дочери, – улучив момент, сказала Вика. – Знакомьтесь. Это мои родители, те самые военные и моя бабушка. Это семья Старковых – наши общие друзья.

– Ты собрала только тесный круг друзей и родных?

– У Ильи уже был праздник, а этот мой и для меня.

Невеста не ожидала такой красоты. Среди деревьев, на свежем газоне, под белым прозрачным навесом, свисающая часть которого была собрана в нескольких местах, накрыли столы. Их поставили буквой «П». Сзади «перекладины» этой буквы была арка из цветов. Скатерти и салфетки на столах были бело-фиолетового цвета, в напольных вазах стояли цветы, кругом были разноцветные шары. Они же украшали и ворота дома. Сама невеста была в длинном пышном белом

платье из тонкого кружева, а голову её украшал «веночек» собранный из волос и белых мелких цветов. Больше всех восхищалась Софья Михайловна. Она радовалась за внучку, рада была новым знакомым и родственникам, общению и созерцанию.

– Петровская Виктория Сергеевна, ты не представляешь какой я счастливый. Так приятно слушать похвалу в твой адрес. Сегодня ты выглядела лучше всех, хотя и сэкономила на платье. С цветами у нас явный перебор. Куда их столько?

– Я разберусь. Без них праздника не бывает, а цветов много не бывает. Спасибо тебе за красивый праздник с обилием цветов. Я не думала, что такое мероприятие можно устроить дома. Мне очень понравилось. А платье я выбирала не по цене, а по вкусу. Кто знал, что мой вкус окажется бюджетным вариантом.

– Платье у тебя замечательное и дело совсем не в цене – оно тебе очень идёт. Ты похожа в нём на королеву, а вместо короны веночек. Давай разбирать эту цветочную клумбу и аккуратно снимать наряд, моя королева...

Было около восьми, когда Виктория открыла глаза и, потянувшись, обнаружила, что Ильи рядом нет. Она улыбнулась собственным мыслям. Двери спальни были приоткрыты и из кухни доносились приглушённые голоса. Минут через пять в спальню вошёл Илья, держа в руках стакан с соком.

– Проснулась? Доброе утро. Ты не забыла, что мы сегодня гуляем с Софьей Михайловной? Держи витамины, иди

быстро в ванную, и завтракать – Наталья Петровна уже на месте. Приедут твои родители, заберём бабушку и на прогулку. Вернёмся ближе к обеду, когда уедут Климовы.

– Лишь бы папа ничего не испортил. Он у меня плохой дипломат. Давай свой сок.

Проводив гостей из Питера, Виктория и Илья уехали на неделю в пансионат на берегу озера. Отношения Виктории с семьёй Назаровых и Климовых были ровными. В доме отца Илья они были нечастыми гостями, а с Климовыми виделась чаще в клинике. Время до Нового 2014 пролетело незаметно. В январе Виктория пошла в декретный отпуск. В начале февраля Илья попал в ДТП и оказался в больнице, но не один, а с молодой блондинкой. Пока Илью оперировали, Виктория решила поговорить с ней. Девушке на вид было не больше двадцати. Высокая, молодая и красивая.

– Как вы себя чувствуете, Вероника? Мы можем поговорить?

– Вы жена Ильи? Он говорил, что у него жена беременная. Как он?

– С ним будет всё в порядке. У вас давно роман?

– Нет у нас с ним романа. Я, работая в эскорте, даже не могу сказать наш ли он клиент, а встретились в первый раз. Мы и до отеля не дошли, когда нас сбил этот придурок. Не было между нами ничего, – сказала она и отвела взгляд. – Простите. Работа у меня такая.

– Есть, кому о тебе позаботиться? – спросила Вика и, за-

метив, что девушка кивнула головой, добавила: – Поправляйся. Прощай.

Две недели Илья провёл в больнице, куда Вика на тридцать четвёртой неделе беременности ездила каждый день, пока его не привезли домой. Она не была уверена в неверности или измене мужа, и не задавала вопросов о присутствии второй потерпевшей. Но за две недели нахождения дома, он извёл её своими капризами, вынудил сказать то, о чём только догадывался. Она выключила телевизор, который смотрел муж, и осторожно присела на диван.

– Значит так, дорогой мой. Либо мы справляемся с твоей травмой вместе, либо я умываю руки. Мне рожать через месяц, а я у здорового лба на побегушках. Хватит себя жалеть. Займись тем, о чём говорил доктор. Он ясно дал понять, что проблема исчезнет через две-три недели. Две из них прошли, а ты палец о палец не ударил.

– Вика, мне трудно.

– Трудно? Ты забыл, что я врач, хотя и не травматолог. Тебе сделали пустяковую операцию по удалению гематомы, которая не лишила тебя возможности ходить. Костыли нужны для временного снятия нагрузки, а не для способа передвижения. Все упражнения нужны для тонуса мышц. Это для тебя сложно? Поесть на кухне тебе трудно, лучше это сделать в постели, а коньяк из бара достать легче? Или ты берёшься за ум, или переезжаешь к отцу. Я устала потакать твоим капризам. Изображаешь из себя жертву, чтобы скрыть измену?

Я виделась в больнице с твоей попутчицей, многое узнала. Очень эффектная девушка.

– Ты сейчас о чём говоришь?

– О Веронике. Ты должен помнить имя. У тебя проблемы со спиной, а не с головой. У неё такая красивая внешность и такие сексуальные губы. Понравилось? Знаешь, у меня есть и душа, и сердце, а вот ангельское терпение закончилось. Я две недели ездила в больницу, рискуя родить в маршрутке, две недели исполняла твои «принеси-подай» дома, надеялась на твою совесть, – глядя грустно на мужа, вздохнула она. – Вместо того чтобы помочь и поддержать меня, изображаешь из себя инвалида, но не забываешь о допинге. Ты даже не делаешь вид, что занят работой. Илья, ты симулянт! Пусть тебя жалеют родители, а с меня довольно.

– Хорошо. Я уеду уже завтра. А как ты справишься одна?

– А ты, чем ты помог мне за две недели? Ты знаешь, я по своей наивности думала: «Даже, если он мне изменил, то будет стараться, чтобы всё как-то исправить, восстановиться как можно быстрее, у нас всё наладиться». Но, я ошиблась. Ты сел мне на шею, в буквальном смысле. Знаешь, что я тебе посоветую: привяжи к своему животу груз, килограммов на пять, и походи с ним сутки, чтобы понять, как мне легко прыгать вокруг тебя козочкой. Если хочешь, чтобы я осталась здесь, переезжай к родителям, там есть прислуга, иначе, я соберу вещи и улечу к родителям. Илья, я не шучу. Всякому терпению приходит конец.

– Ты можешь родить в полёте.

– С таким твоим отношением я могу родить в любую минуту. И помни: я всегда протягиваю руку тому, кому нужна помощь, а не тому, кто утащит меня на дно, схватив за неё.

– И что я скажу родителям?

– Правду. Расскажи о своём приключении, поведении и моём отношении ко всему этому. Возможно, тебе там будет проще. А о нас не переживай. Через две недели у мамы в гимназии начнутся каникулы. Я попрошу, чтобы она прилетела. Так будет спокойнее.

Виктории не хотелось обижать, оскорблять или унижать мужа, но она не находила другого способа заставить его «сдвинуться с места». «Если он меня любит, он сделает это. Побоится потерять – начнёт заниматься и ходить нормально. Показать себя слабым в моих глазах ему не хочется, а там он будет сам собой. Трудно? Да! Но это на его совести. Я бросаю его не немощным и беспомощным. Самое циничное – он это понимает и продолжает бездействовать», – думала она, собирая его вещи.

Через день её навестила сестра Ильи. Виктория рассказала всё, не упомянув лишь Веронику.

– Тебе не страшно одной, Вика? – Ирина была расстроена.

– Я не одна, – поглаживая рукой живот, сказала она. – Мама прилетит, когда начнутся каникулы. Ты меня извини, но будь готова к тому, что если в нашей жизни ничего не изменится, я вернусь после родов в Питер.

– Ты с ума сошла?

– Ира, я адекватная и мыслю разумно. Любящий муж берёт бы жену в такое время, а его заботит только собственная персона. Мы пять лет вместе и я, честно признаюсь, такого не ожидала. Что ему мешало начинать и заканчивать свой день с занятий. Он мог это делать не у меня на глазах, а в другой комнате, воспользоваться услугами инструктора. Не пить по вечерам и не учить меня жизни. У меня не было другого выхода, как отправить его к родителям, но он особо и не возражал. Я должна доходить до срока. Хватит о нём. Иди сюда. Вот пакет – здесь всё на выписку для меня и малыша. Ты моя надежда, если мама не приедет или не успеет. Осталось три недели.

– Ты Илью простишь? Как ты себя чувствуешь?

– Не знаю. Он если и не предал меня, то проехался танком, оставив в душе глубокий след гусениц. Я, правда, не знаю. Очень неприятно осознавать, что ты ошибся в человеке, что он бросает тебя в трудную минуту, думая не о твоих тревогах, а о своих надуманных проблемах. Подумай: кому в нашей ситуации труднее? Беременной женщине на сносях или здоровому мужчине, который может, но не хочет ходить? При желании, он мог уже заменить костыли тростью. Только желания этого нет. А чувствую я себя гораздо спокойнее. Пойдём пить чай – я выходила на прогулку и купила свежих пирожных. Думать о фигуре поздно.

Татьяна Ивановна прилетела двадцать второго марта.

Дочь объяснила отсутствие зятя в квартире просто: «Мам, у нас всё нормально. Илья после наезда и травмы позвоночника проходит период реабилитации. Ему проще восстанавливаться там, а мне спокойнее здесь. Начнёт ходить с тростью и вернётся». Он звонил два-три раза в день, а через неделю приехал в квартиру с тростью.

– Как вы?

– Нормально. У тебя, я вижу, тоже полный порядок.

– Спасибо тебе за ссылку и терпение, – он обнял жену и прижал к себе, насколько позволял её живот. – Я вчера был на работе.

– На приёме был?

– Был. Всё нормально. На машине езжу, а вот ходить долго не получается – ноги слабые словно ватные. Но я занимаюсь.

– Мне бы тоже присесть. Тяжело не только ходить, но и стоять.

– Вика, я хочу вернуться домой.

– А что тебе мешает? Возвращайся, но имей в виду, при повторении подобного, я брошу к чёрту весь этот комфорт и уеду с ребёнком туда, где меня искренне любят. Это не ультиматум, а предупреждение. Мы с тобой прожили достаточно много времени, чтобы понять, кто есть кто. Мне далеко до твоей знакомой, но ты знал, кого берёшь в жёны. Обещал любить – люби. А нет – не мучайся сам и не мучай меня.

– Вика, не было ничего. Раз ты с ней виделась, значит, знаешь кто она.

– Знаю и кто она, и что было, и чего не было. Этот вопрос закрыт. Я прекрасно осознаю своё положение.

– Как Серёжка себя ведёт?

– Почему Серёжка?

– Ирина назвала своего сына в честь нашего отца, а мы назовём нашего в честь твоего. Мы ведь так и не придумали имя. Будет у нас Сергей Ильич, – он положил свою руку на живот Виктории. – Чувствуешь? Ему нравится имя.

– Мне тоже нравится, и папа будет доволен. А чувствую я, что ему уже тесно и через пару дней он родиться, – улыбнулась она. – Тёща задержится и после родов. Готовься!

Схватки начались как-то неожиданно. Виктория испытала на себе всю прелесть рождения нового человека. Илья привёз её в роддом ещё до полуночи, а сын родился в пять утра, доставив маме «маленькие» неприятности. Теперь ей приходилось кормить его лёжа и самой не садится минимум десять дней. Ещё до выписки дочери и внука, прилетел Сергей Павлович Петровский. А улетели родители только тогда, когда Илья пошёл в отпуск. Наталья Петровна приходила, как и прежде, три раза в неделю, и Вика занималась только сыном. Её навещали Назаровы, забегала подруга Ирина и брат Виктор. Они начали встречаться. Раз в неделю заходили Климовы, чаще это была Светлана Андреевна. Серёже исполнилось два месяца, когда в гости пришёл его прадед.

– Вы? – удивилась Вика. Она держала сына на руках и не знала, как ей поступить дальше.

– Ты сразу меня выставишь или выслушаешь?

– Проходите, – она вышла из ступора. – Хотите чаю?

– Спасибо. Выпью, если нальёшь, – Зиновьев, осматриваясь, прошёл в гостиную.

– Присаживайтесь к столу. Я положу Серёжу в коляску и заварю свежий чай. Вы с кем приехали?

– Алексей привёз, я велел ему оставаться в машине. Ты меня сумеешь простить когда-нибудь, Виктория Сергеевна?

– Я на вас зла не держу. Не потому, что я такая правильная или благородная, а потому, что попала в хорошую семью. У меня любящие родители и очень мудрая бабушка. Будь это не так, я не стала бы тем, кем стала. Я вас не осуждаю и не оправдываю. Ваши дети вас простили, значит, так тому и быть. Вы же знали, что я общаюсь и с вашей дочерью, и с внуком. Почему вы не пришли раньше?

– Не решался. Это трудно объяснить. Покаялся, получил прощение, а на душе всё равно камень.

– Держите свой чай и успокойтесь. Пейте его так, как это делаете дома. Не нужно придерживаться этикета. Бабушка говорит: «Менять привычки в моём возрасте вредно для здоровья», – Вика ставила на стол печенье, баранки, сахар и конфеты.

– Что ещё говорит бабушка?

– Если прилетит, я вас обязательно познакомлю. Вы Фаину Раневскую с её высказываниями помните? Вот моя бабушка чем-то похожа на неё. Правда выглядит миниатюрнее,

аристократичнее и не употребляет плохих слов. Она заменяет их французскими. Ей семьдесят восемь лет, она пережила блокаду и трёх мужей.

– Ты готова познакомить меня со своей бабушкой?

– Послушайте меня, Андрей Степанович, и услышьте. Есть вы и ваша семья, есть я и моя семья. Мы можем быть приятелями или друзьями. Вы прекрасно понимаете, что человека нельзя заставить полюбить. Климовы не ждут, что я признаю их родителями, но между нами ровные дружеские отношения. Мы дружим с Виктором не потому, что брат и сестра, а потому, что у нас много общего. Если я не могу назвать вас дедом, то почему не могу позволить себе и вам общаться? Да, это на первый взгляд неправдоподобно. Вы на это посмотрите с другой стороны. Если бы я попала в детский дом или в неблагополучную семью, у меня были бы большие претензии к вам. А сейчас я не испытываю ни радости, ни обиды. Это как начать новые знакомства, которые могут перерасти в дружбу, а могут и закончиться. Всё в наших руках, – Вика улыбнулась.

– Ты считаешь, что можно что-то исправить?

– Я считаю, что вам следует забыть всё плохое, перестать себя казнить. Прошлое исправить нельзя и вы это знаете. Может вам не ждать утешений от дочери, а самому стать ближе к ней? Пусть она почувствует не только раскаяние, но и отцовскую любовь, заботу, как в детстве. У меня практически нет секретов от мамы, а отец для меня защита, опора,

учитель, друг. При этом он не лишает меня самостоятельности и права выбора. Так было всегда.

– А как твои родители относятся к нашей семье?

– Без ревности. Они встречались здесь после нашей свадьбы. Я не знаю, о чём шла речь и как далеко зашёл разговор, но я застала своих родителей в хорошем настроении. Значит, поладили. Зная мой непростой характер, они знают и о том, что всегда останутся для меня на первом месте.

– А ведь ты сейчас вернула меня к жизни. Я ожидал чего угодно, но не такой откровенности. Я очень хочу дружить с тобой.

Прошёл год. Летом пятнадцатого года Виктория с семьёй летала в Питер на Юбилей бабушки и отца. Софье Михайловне исполнилось 80 лет, а Сергею Павловичу 60. Татьяна Ивановна оформила пенсию, устав от педагогической работы. Она и предложила дочери свою помощь.

– Сереже исполнится в октябре полтора года, и ты выходи на работу. Мы с ним зиму перезимуем, а весной пойдём в детский сад.

В августе этого же года Илья оформил на жену и сына новую квартиру. Квартира была куплена год назад в доме по соседству. Но лишь год спустя там сделали дизайнерский ремонт и завезли новую мебель. Она была гораздо «моложе» и больше по площади, с удобной планировкой и подземной парковкой. Можно переезжать и продавать «старую», на которую нашёлся реальный покупатель. Виктория не возража-

ла против переезда. Её устраивала и нынешняя жилплощадь, но Илья настаивал, приводя веские доводы, и Вика согласилась. В конце концов, финансовая сторона дела от неё не зависела.

– Доброе утро, дорогая, – Илья поцеловал жену. – С днём рождения! – он положил букет из бледно-розовых роз на кровать и, присев рядом, протянул тонкую папку. – Держи.

– Что там? – спросила она, беря букет и вдыхая лёгкий аромат цветов.

– Читай.

– Зачем? – Виктория подняла на мужа глаза, оторвавшись от чтения. – Ты так в себе не уверен?

– Я хочу, чтобы ты была спокойна за наше будущее. Мы говорили с тобой на эту тему. Теперь это твоя квартира, никто на неё не претендует и никто в ней раньше не жил.

– Илья я прекрасно помню, о чём мы говорили, и не забыла, что подписывала. Когда мы должны переехать? Нам нужно решить вопрос, что брать, а что оставить.

– Переехать мы можем в ближайшее время. Для начала ты сама посмотришь, чего там не хватает. Решишь, что возьмёшь с собой. Но, на мой взгляд, там учли все твои предыдущие скромные пожелания. Думаю, возьмём только свои личные вещи и кроватку Серёжки. Да, горшок можно прихватить.

– Ты хочешь сказать, что всю мебель мы оставим здесь?

– А зачем нам два комплекта? – он вновь поцеловал же-

ну и заметил, что сын проснулся. – Доброе утро, наследник. Сегодня у нашей мамы праздник. Мы сейчас позавтракаем и пойдём смотреть наше новое жилище. А иначе, брат, нельзя. Мама должна всё увидеть своими глазами, иначе не успокоится и будет думать только об этом, – улыбался он, глядя на Вику. – Поднимайся! Цветы в вазу, и на кухню – у меня завтрак на столе. Обедаем у родителей, а с понедельника будем переезжать.

Татьяна Ивановна приехала в конце сентября, Серёже исполнилось полтора года, и Вика вышла на работу. Ещё через полгода, внук пошёл в детский сад, а бабушка вернулась в Питер. После отъезда тёщи, Илья настоял на возвращении Натальи Петровны к работе по дому. Он сам позвонил, попросил вернуться. Наталья Петровна предложение приняла, а Виктория не возражала. Через год семья планировала свою первую поездку к морю втроём. Именно с этого времени, жена стала замечать, что Илья стал уделять сыну меньше времени. Чем старше становился Серёжа, тем реже с ним занимался отец. Сын ему не мешал, не раздражал, но и не вызывал ни отцовских чувств, ни интереса. Он мог принести ему очередную игрушку, и даже не поинтересоваться: понравилась она ему, нужна ли? Но при этом забыть о том, о чём просил сын и что ему обещал отец. Все свои «Почему?» Серёжа обращал к матери. Это она читала книжки, рассказывала сказки, строила крепости и водила в зоопарк. Одним словом, сын, после отцовского «спроси у мамы», тянулся боль-

ше к матери. Вика не понимала такого отношения и не раз беседовала с мужем. «Илья, смотрю я на тебя и думаю: вы с Ириной выросли в одной семье, но такие разные? Складывается такое впечатление, что у тебя, в отличие от неё, не было детства. Любовник ты, возможно, и неплохой, но отец никакой. Мальчишка старается тебя вовлечь в игру, а ты этого не чувствуешь. Тебя хватает на десять минут, а потом ты начинаешь «зевать». Мультфильмы он посмотрит и в твоё отсутствие. Расскажи ему о своих играх в детстве, пофантазируй, погоняйте мяч во дворе, выйди с ним на площадку во дворе, сходите в детский центр – побудь папой, а не няней. Твоему отцу 65 лет, но он находит с ним общий язык», – говорила Виктория, но слышала в ответ: «Пусть подрастёт». При этом Илья оставался внимательным и заботливым к ней самой. «Он ведёт себя так, как будто мы до сих пор вдвоём, – ловила она себя на мысли, – но это неправильно. Серёжке три года, и он всё «впитывает как губка» Да, он многого не понимает, но чувствует». Виктория пошла в отпуск в конце мая. Две недели они отдыхали семьёй в Сочи, а в Питер полетели уже вдвоём с сыном. Илья сослался на срочную работу и остался в городе.

Вернувшись с сыном из поездки, Виктория вышла на работу и почти сразу заметила перемены в отношениях с мужем. Он стал чаще задерживаться, работать в выходной, бывал неразговорчив, рассеян, и чаще засыпал один. Она объясняла себе такое поведение – перспективой получения но-

вой должности. Александр Назаров собирался передать руководство компании Илье. Она решила поговорить с мужем, но тот начал разговор первым:

– Ты ничего не рассказываешь о своей поездке в Питер. Мне интересно знать, где были, чем занимались? – спрашивал он, беря в руки смартфон Вики.

– Тебя интересует детали? Я в первый же день поделилась с тобой всеми новостями. Либо ты плохо слушал, либо – это повод начать разговор. Что тебя беспокоит? О чём хочешь услышать?

– Ты встречалась со старыми друзьями, знакомыми?

– Нет. Мы проводили время с Серёжей в компании бабушки или родителей. Ты что хочешь найти в моём телефоне, Илья? Давай, смелее. Мне скрывать нечего. Глупо, конечно, но если я вышла из доверия, проверяй звонки, контакты, – улынулась Вика.

– И Антон тебе не звонил?

– Ты меня начинаешь ревновать? Антон звонит два раза в год. У меня нет даже его номера. Кто тебя подтолкнул к недоверию? Какие ещё ко мне претензии?

– Мне всё больше не нравятся твои дежурства. Тебе не пора заняться семьёй? – недовольно сказал он, не глядя на жену, и положил телефон на место.

– Они тебе никогда не нравились. Я могу уйти с работы, стать домохозяйкой, а через полгода, год, изнывая от безделья, начну выносить тебе мозг, проверять твои карманы и

телефон, как ты это делал сейчас. Не думаю, что тебе это понравится.

– Ты хотела приобрести опыт, я, без всяких условий, с тобой согласился. Прошли девять лет, но тебе этого мало.

– Давай говорить начистоту. Я дежурю не больше 72 часов в месяц. Третью этого времени Серёжа спит, ты с ним находишься 48 часов. Если взять в расчет, что в выходной вы отправляетесь к Назаровым, остаётся всего половина. Я отвожу сына в сад, забираю его и каждый вечер провожу с ним не меньше пяти часов. Ты каждый рабочий день задерживаешься, минимум часа на три, и один из выходных превращаешь в рабочий день. Посчитай, сделай одолжение: кто из нас больше отсутствует дома, и по какой причине? Может, ты ходишь голодный и неухоженный? Что не так в нашей семье, Илья? Что тебя не устраивает? Устал от ребёнка? Ты недоволен моим отсутствием или присутствием? Заметь, я каждый вечер встречаю тебя, когда сын уже спит. У тебя проблемы на работе или они личного характера?

– Нет у меня проблем. Извини, если обидел.

– Мне кажется, что разговор о дежурствах просто повод. С тобой что-то происходит. Ты в последний месяц очень изменился. Может причина женщина? Не хочешь поделиться?

– Кроме того, что я чертовски устал, мне сказать нечего. Пожалуйста, не доставай меня больше подобными вопросами.

– От чего ты устал через месяц после отпуска? Я понимаю,

что на тебя свалилось много, но ты сам к этому стремился. Времени не хватает? Спи меньше, вставай раньше – работай. На нас у тебя тоже не хватает ни времени, ни желания, но мы как-то справляемся и не высказываем тебе претензий. Я не настаиваю на откровенности, но всё это неправильно и ты об этом знаешь.

Глава 8

В последнюю пятницу июля после полудня Виктории вдруг стало плохо. Она не понимала своего состояния. Всё навалилось сразу: головная боль, тошнота, рост давления и обморок. После сдачи анализов и УЗИ, уже через час, поставили окончательный и бесповоротный диагноз: беременность 4-5 недель.

– Что будешь делать? – улыбнулась Светлана Андреевна. – И на старуху бывает проруха.

– Не знаю. Отношения с Ильёй испортились в последнее время. Мы не ссоримся, но и не говорим по душам – у нас на это просто нет времени. Он приходит поздно, я ухожу рано, а в выходной старается меня избегать, – говорила Вика, вспоминая короткий разговор с мужем. – Как же я это пропустила? У меня в голове не укладывается: когда и где? – не могла успокоиться она. – Боюсь, если он не изменится, нужно будет что-то менять в наших отношениях, а одна я физически не потяну двух детей. Серёжке всего четвёртый год. У меня есть неделя в запасе. Поговорю с Ильёй после дня рождения и приму решение.

– Ты сегодня иди домой и отдыхай, я до утра тебя подменяю. Не принимай скоропалительных решений. С понедельника иди на неделю в отпуск, как планировала, встречай своих питерцев, а я позвоню. Подарок на день рождения за на-

ми.

– Спасибо. Мне уже лучше. Не переживайте, я справлюсь. Будем надеяться, что смена окажется спокойной. У меня всё под контролем. Илья сегодня дежурный – заберёт Серёжу из сада и отвезёт к родителям до завтра.

– Вика, мы с тобой не будем спорить. Я остаюсь, а ты идёшь домой. Заметь, я сказала, идёшь, а не едешь. Оставь машину и пешочком пройдёшься до дому. Я настаиваю.

– Хорошо. Я пойду, а вы передайте пенсионеру, что для него ничего не меняется. Софья Михайловна хочет познакомиться с ним.

Оставив машину во дворе клиники, Виктория пошла домой пешком, думая как преподнести новость Илье, как сама могла допустить и почему до сегодняшнего дня ничего не почувствовала. Подходя к детскому саду, она заметила сразу машину мужа, а потом и его самого, ведущего за руку Серёжу. Илья посадил сына в машину, открыл переднюю дверь и выпустил молодую женщину лет двадцати. Он стоял спиной, и не заметил её. Виктория была метрах в трёх от них, когда он обнял женщину за плечи и сказал:

– Держи ключи от квартиры. Я отвезу Серёжку к родителям и быстро вернусь. Адрес помнишь?

– Можешь не спешить. Я заберу сына сама, – подходя к машине и открывая дверь авто, сказала Вика. – Выходи Серёжа. – Верните мне ключи. Сегодня ваш визит, девушка, в мою квартиру отменяется.

– Это твоя жена? Может это и к лучшему. Всё встанет на свои места, – незнакомка протянула ключи. – У нас с Илюшей будет ребёнок. Я беременная, срок пять недель, – пухлые губы в яркой помаде тронула улыбка, показывая ровные белые зубы.

– Надо же, какое совпадение. У нас с Ильёй тоже будет второй ребёнок. Правда, он об этом ещё не знает, – рассматривая девушку, говорила Вика. Блондинка была очень эффектной. Яркая внешность и модная одежда были не единственным её достоинством. Девушка была умна и говорила ровно столько, сколько нужно было именно в этот момент. Теперь она ждала реакции Вики. – Как гласит народная поговорка: «Наш пострел везде успел». Я поздравляю вас, но хочу предупредить, что развод придётся ждать долго, а жить вместе вы можете уже с сегодняшнего дня. Такой вариант вас устроит? Перезвони отцу и скажи, что Серёжа остаётся сегодня со мной. – Пойдём домой, сынок, – она взяла мальчика за руку, не слушая, вернее, плохо соображая, что говорит Илья, и повела его в сторону дома. – Как день прошёл? Чем занимались? – спрашивала Вика на ходу, зная, что рассказывая, Серёжа не станет задавать вопросов, на которые ей сейчас не хотелось отвечать. В горле застрял ком, а слёзы катились по щекам от обиды и предательства.

Виктория обратила внимание, что солнечный свет как-то померк. Она подняла глаза вверх. На ещё совсем недавно безмятежном и спокойном небе закружились хмурые, угрю-

мые, свинцово-серые тучи, задавившие солнце своей тяжестью. Светило, как будто растерявшись, совсем скрылось за их тяжёлыми боками.

– Серёжка, бежим быстрее, чтобы не попасть под дождь! – беря сына крепко за руку, говорила она. От сада до дома было пять минут ходьбы.

– Мам, а он действительно пойдёт? – на бегу спрашивал сын.

– Обязательно пойдёт, но вот промокнуть мы не можем, иначе придётся подниматься в квартиру. – Они подбежали к дому, когда с неба упали первые капли летнего дождя.

Кто видел небо во время летнего дождя, никогда не забудет этот серо-стальной оттенок с голубыми проблесками летней лазури. Даже хмурые тучи своей свинцовой тяжестью не могут омрачить этой картины.

– Мам, давай посмотрим на дождик, – предложил сын, останавливаясь у входа.

– Давай! – она подставила ладонь под капли дождя. – Дождик тёплый, летний. Сейчас запахнет свежестью и зеленью. Хочешь, мы после дождя походим по двору босиком и найдём самую большую лужу? – «Как чудесно подставить лицо и ладони волшебному потоку, который остужает горячую кожу, омывает не только тело, но и душу. Тёплый и радостный, несущий обновление природе, летний дождь – долгожданное и невероятно приятное явление, – думала она, глядя на потоки воды. – Неверно то, что во время дождя приро-

да плачет. Напротив, она радуется своему обновленному облику, и если капли дождя – это слезы, то слезы только радости и непосредственно-детского умиления. Дождь как будто убаюкивает боль». Дождь закончился также внезапно, как и начался. Тучи с важным видом проплыли дальше, открывая солнце. В голубом небе засияло яркое солнышко, в лучах которого каждая капелька заблестела россыпью бриллиантов, всё вокруг заиграло, засветилось, заблестело, в небе коромыслом повисла яркая радуга. Возвращение домой «задерживалось». Сразу они смотрели на разноцветную радугу, а позже, сняв обувь, искали лужи. Больших луж во дворе не оказалось, но было приятно ходить по мокрой и тёплой плитке. Серёжа бегал у детской площадки, наступая с разбегу в мелкие лужицы, и наблюдал за брызгами. «Дождь смывает слёзы и следы, – подумала Виктория, наблюдая за сыном. – Десять лет назад мы с папой улетали сюда, и нас тоже провожал дождь. Новая глава в моей книге судьбы начинается с дождя. Как поёт Пугачёва: «Эти летние дожди, эти радуги и тучи, мне от них, как будто лучше, будто что-то впереди». А мама всегда повторяет, что дождь – врачеватель души. Сама природа помогает мне пережить предательство Ильи». Сын что-то говорил, но она его не слышала. Телефонный звонок от матери заставил её отвлечься от мыслей о прошлом.

– Викуся, Софья Михайловна не передумала и решила лететь с нами.

– А проблема в чём, мама? Если бабушка чувствует се-

бя хорошо, я жду вас втроём на своём маленьком Юбилее. Посмотрит на нашу квартиру, она мечтала об этом, и познакомится с Андреем Степановичем. Мам, я всю следующую неделю в отпуске. Позвони, когда вылет и я встречу. – Серёжка, в выходной бабушки и дед прилетают. Пойдём домой переодеваться, – крикнула она сыну.

Илья появился в квартире, когда мать и сын заканчивали ужин. Вид у него был сердитый. Он без слов прошёл в кухню.

– Теперь я могу попасть в квартиру только, когда ты дома? – присаживаясь к столу, спросил он. – Серёжка, иди к себе, дай нам с мамой поговорить, пожалуйста.

– А ты планировал в моё отсутствие приводить сюда своих подруг? Этого не будет. Да и делать тебе в этой квартире нечего. Вещи твои я собрала, перебирайся по новому месту сожительства.

– Вика, что всё это значит? Ты, действительно, беременная? – он внимательно смотрел на жену. Глаза выдавали недавние слёзы, хотя внешне она выглядела спокойно. Илья не мог с точностью сказать, сколько раз он видел жену плачущей, но это было очень редким явлением.

– Моё состояние в твоём случае что-то меняет? – как можно равнодушнее задала она вопрос.

– Мы можем с тобой спокойно поговорить?

– Можем, но что ты добавишь к тому, о чём мне сообщила твоя знакомая? О чём можно сейчас говорить? О том, что ты уходишь из семьи и будешь строить новую, или о том, что не

хотел изменять, но так получилось? Говори, я тебя слушаю.

– Извини меня. Я не знаю, как всё это объяснить. Я виноват.

– Видишь, и в твоём лексиконе появились слово «извини». Ты никогда раньше не допускал ситуаций, после которых следовало бы его произносить. Может потому, что мы доверяли друг другу? Ты забыл о нашем давнем разговоре? – она вопросительно посмотрела на мужа и замолчала.

– Вика, ты много на себя берёшь? Не подумала, как будешь воспитывать двух детей? Нужно прервать беременность. Кому нужна женщина, пусть даже умная и с положением, но с двумя детьми?

– Оказывается, я и с одним ребёнком тебе стала не нужна. Илья, откуда этот тон и глупые вопросы? Ты кого возомнил из себя, чтобы мне давать советы в сложившейся ситуации? Закрутил роман за моей спиной с молодой особой и учишь, что мне делать. Самому не смешно? – Виктория говорила спокойно и негромко. В её голосе не было раздражающих ноток, скорее в нём слышалась «усталость».

– Ты неправильно поняла. Я не то хотел сказать и никогда не приводил её в нашу квартиру. Мне нужно было поговорить с ней на нейтральной территории. Вот и всё.

– Прекрати этот детский лепет! Другого места ты выбрать не мог? Где-то же вы встречались и, видимо ни один раз, если сумели зачать ребёнка. Ты не понимаешь, что плюнул мне в лицо и сделал свой выбор там, у детского сада? Может, сто-

ило сразу объясниться втроём или догнать нас? Чего ты теперь от меня ждёшь: прощения, понимания, участия? Чего? Извинила я тебя, что дальше? Вошла в твоё положение. Тебе ужен развод – займись самостоятельно этим вопросом. Надеюсь, у тебя не будет имущественных претензий и вопросов о проживании сына? Сделай это тихо и без огласки. Мне не хочется огорчать своих родителей. Пусть узнают об этом чуть позже. Ты можешь жить, как хочешь и с кем хочешь.

– А ты?

– А мы, как сможем. Не буду справляться, попрошу помощи у родителей. Они оба пенсионеры и могут приехать ко мне или я к ним. Обещаю, тебя не беспокоить.

– Я не думал о разводе. Да, я запутался по глупости, но всему есть решение. Подумай, что ты предлагаешь?

– А я не вижу другого решения после того, с чем столкнулась. Тебе нравятся молодые женщины далеко до тридцати. Понимаю, что я переросла эти «стандарты», а ты так и не поумнел, разменяв пятый десяток. Что-то же тебя не устраивало в нашей жизни, если ты стал искать это что-то в другом месте.

– А как же твой праздник?

– Праздник состоится в назначенное время. Мои родители прилетят завтра, ты привезёшь своих, как планировали – ничего не меняется. Если ты беспокоишься о деньгах, то пусть это будет не подарок, а скажем, прощальный круиз. Я не ставлю тебе никаких условий, но уверена, что новость

о разводе не понравится твоему отцу, и ты не получишь руководящее кресло. Этот день и для тебя должен был стать «стартом». Будет лучше, если мои гости не догадаются о разрыве наших отношений. Ты же не хочешь скандала в своей семье?

– Не хочу. Что мне делать дальше?

– Ничего. Появишься в компании на время «заплыва», после чего можешь быть свободен. Настроение на три-четыре часа создай себе сам, а роль хорошего мужа и отца тебе придётся доиграть. Но я не вижу проблем. Тебе, в последний месяц, это хорошо удавалось.

– Вика, ты говоришь о разводе, как о единственно правильном разрешении ситуации? Может, не стоит спешить с выводами?

– Илья, ты чего от меня ждёшь? Чего хочешь? Хочешь жить на две семьи или собрать гарем? Мне, зачем такая жизнь? О чём ты думал, когда заводил роман? Мне развод не нужен, и я на нём не настаиваю, а тебе, думаю, он вскоре понадобится, поэтому я и сделала предложение. Решай сам и занимайся этим сам. Вещи в сумке в гардеробной, документы на столе, там же квитанции из химчистки. Свои тёплые вещи заберёшь самостоятельно.

– А что ты скажешь своим родителям?

– Скажу, что слегка поссорились, что у тебя много работы, что ты дал время побыть нам вместе. Я найду, что сказать.

– Вика, то, что мы делаем – неправильно.

– Мы делаем? Нет, мой дорогой. Это ты создал ситуацию, из которой я вижу только один выход – расстаться. Я была подругой, женой, но никогда не была содержанкой. Мне пригодится опыт работы, квартира у нас с сыном есть, а с остальным мы справимся.

– А где твоя машина?

– Оставила в клинике, не рискнув сесть за руль. Если у тебя всё, уходи.

– Я не могу. Слишком многое нас связывает.

– Илья, не будь циником. Ты так дорожил семьёй, что почти завёл вторую. Ты можешь быть добрым, заботливым, щедрым и я тебе за многое благодарна. На некоторые вещи закрывала глаза, как-то старалась тебя оправдать, поддержать. Мы были счастливы вместе ни один год, а сейчас не заставляй меня окончательно в тебе разочаровываться. То, что я разговариваю с тобой спокойно, не означает, что я не волнуюсь и мне глубоко наплевать на ситуацию. Мне очень больно, тяжело, но, ни слёзы, ни истерики не помогут. Случилось то, что случилось, и нашей семьи больше нет. Даже если всё случившееся окажется дурным сном, прошлого нам не вернуть. Ты это понимаешь?

– Я не хочу оставлять вас и не могу бросить её? Я не знаю, что мне делать?

– А ты уже свой выбор сделал. Я с предателями на одной территории жить не буду и уверена, ты уже всё решил, но держишь марку. За девять лет я достаточно тебя узнала, что-

бы иногда читать твои мысли. Чего бы ты ни хотел, и чтобы не решил, помни и о моём выборе.

Приезд родителей и бабушки «встряхнул» Викторию. Свой тридцатипятилетний Юбилей она отметила на речном трамвайчике, арендованном небольшом «плавучем» ресторане, который отчалил в полдень и причалил к берегу в шестнадцать часов. День был летний, хотя и будний. Отец Вики, наблюдая за своей матерью и Зиновьевым, пошутил: «Ты собрала на свой праздник одних пенсионеров».

– Пап, речная прогулка удалась. Все довольны. Бабушка нашла себе достойного собеседника.

– Дочка, а что у вас с Ильёй? Хмурый он какой-то.

– Всё в порядке, пап. Он никогда не смешивает рабочие моменты с семьёй, не нагружает нас проблемами. Выберется из тупика, войдёт в колею и всё станет на место. Не переживай. Он временно поживёт у своих родителей. Нам всем так будет удобнее. Я в отпуске и мы сможем спокойно разместиться в квартире. Тебе его не хватает? Есть вопросы? Что не так, пап?

– Не знаю, дочка. Вы здесь, он там.

– Пап, вы выбрались на неделю. Я хочу больше уделять вам времени и внимания, без ревности с его стороны. Мы так решили. Останетесь на большой срок – я верну его из временной «ссылки» в квартиру.

– Уговорила. Домой мы поедем, как планировали.

Софья Михайловна была в восторге и от новой квартиры,

и от знакомства с Зиновьевым. Два следующих дня она проводила в его обществе. Андрей Степанович приезжал за ней на служебной машине с водителем и увозил её «по памятным местам».

– А профессор-то не так и плох, – говорила она, вернувшись после дня рождения. – Я ожидала встретить самовлюблённого павлина с учёной степенью. Ждала, когда он распустит хвост, а я ему перья-то и пощипываю. Не довелось! Не дал повода, мерзавец! Я такую речь обвинительную приготовила, сама себе удивилась, а получилось – зря репетировала, – улыбалась бабушка, глядя на Вику. – Ты ему ещё утрёшь нос. Пусть знает, кто такие Петровские.

Проводив гостей из Питера через неделю, Виктория через день уже беседовала с сестрой Ильи Ириной.

– Вика, что у вас происходит?

– А что у нас может происходить после того, как я видела своего мужа в обществе молодой женщины, которая сообщила мне, что они ждут ребёнка? – ответила она и рассказала о встрече у детского сада. – Ключи я забрала, а дело о разводе доверила ему. Вот и всё.

– Ты в своём уме? Извини.

– Я нормальная. Об этом говорит отсутствие истерик. Не огорчай своих родителей. Мои думают, что отсутствие Ильи в квартире связано с их приездом, я их в этом пыталась убедить. Ты не переживай, я справлюсь.

Илья позвонил в квартиру тем же вечером.

– Я привёз документы, – сказал он, заметив сына. – Как дела, Серёжка?

– Я видел настоящие самолёты в порту. Ты купишь мне самый большой? – повиснув у отца на шее, сказал и спросил мальчик.

– Привезу в выходной. – Мне поговорить нужно с мамой, а потом я зайду к тебе. – Вика, читай внимательно. Может у тебя есть предложения или замечания? Ты настаиваешь на разводе?

– Я на нём и не настаивала, если ты, конечно, помнишь, а предложила. А вот ты моё предложение не просто принял, ты за него «ухватился», и документы уже составил. Значит, и ты пришёл к выводу: «что разбитую чашку не склеишь». Я согласна со всеми пунктами, но добавь сюда разрешение на выезд Сергея в пределах и за пределы России. Сроки тебе подскажет нотариус. Без него мы не сможем выехать в отпуск. Ты это сможешь сделать до слушания дела о разводе. Жди меня завтра после работы у здания суда. Это всё?

– Вика, ты действительно беременная?

– Ты боишься, что нас не разведут пока не родиться ребёнок и ему не исполнится год? Не переживай. Считай, что я так неудачно пошутила.

Восьмого августа они подали заявление на развод, а Вика так и не решилась сделать аборт. Каждый вечер она ложилась спать, с твёрдым решением сделать это в ближайшее время, и каждое утро переносила срок. Светлана Андреевна сама

начала с ней разговор.

– Вика, ты сама как относишься к своему положению? Может, стоит подумать о втором ребёнке? Всё в нашей жизни происходит не случайно. Тебе тридцать пять, Илье сорок один год – самое время.

– А как же работа? Я чуть больше года работаю после декрета, а вы говорили об открытии нового центра. Меня могут уволить.

– Кто тебя в твоём положении уволит? У тебя есть минимум полгода, чтобы принимать роды, а уж потом и сама родишь. Я же вижу, как ты мучаешься в своём выборе. Прими всё как данность. Если ребёнку суждено родиться – дай ему шанс. У тебя нет ни бытовых, ни финансовых проблем, есть те, кто поможет, и есть в подсознании желание родить девочку.

– Откуда вы знаете? Простите. Глупый вопрос. А мы можем это, какое-то время, не афишировать? Так мне будет спокойнее.

Процесс по расторжению брака ограничился всего одним слушанием. Восемнадцатого сентября их брак по решению суда был расторгнут. Илья пришёл на заседание вместе с потенциальной женой, которая ожидала его в коридоре.

– Теперь ты доволен? – снимая с пальца обручальное кольцо, спросила Вика. – Держи. Это мой подарок тебе в день рождения. Девять лет назад в этот день мы стали близки, а теперь между нами развод, – говорила она, замечая подходя-

щую к ним знакомую Ильи. – Ничего личного, Илья, но твоя подруга не беременная. Поверь на слово акушеру-гинекологу со стажем. Прощай.

Виктория поставила точку в отношениях с Ильёй, но не могла не отметить для себя, что беременность в двенадцать-тринадцать недель никак «не отразилась» на его подруге. Она вернулась домой подавленной. На душе было пусто и холодно. Наталья Петровна уже ушла. Вика прошла в спальню и упала на кровать. Где-то в глубине души, она надеялась, что судья перенесёт слушание, а Илья попытается что-то исправить. Она всё ещё любила его. Но поведение и весь вид Ильи показывал, что он чужой. Говорил мало, не глядя на Викторию, отвечал судье коротко и был как будто не в себе. Когда ей дали слово, решила отпустить мужа, сказав: «Ваша честь, нашему сыну три года, а там ребёнок ещё не родился. Не будем тянуть время. Пусть он родиться в полной семье». Илья не возражал и их развели. «Я сама подняла тему развода, но он мог долгое время и не соглашаться. Почему он так спешил? Кто или что за этим стоит? – думала она, лёжа поперёк кровати. – Господи! Дай мне силы пережить это время». Она поднялась, прошла в гостиную и включила синтезатор. Нужно было выплеснуть обиду и боль сегодняшнего дня вместе с песнями Наргиз, которые были под стать настроению.

«Ты пришел, не смотря мне в глаза.

Поняла, что тебя потеряла.

Ты молчал, но глазами сказал,

Что уже ничего не осталось.

Осыпаются чувства мои.

Я тебе говорю открыто:

Я не верю тебе, но тебя я прощу.

Ненавижу любя, я жила для тебя, но тебя отпущу.

Я не верю тебе, но тебя я прощу.

Ненавижу любя, я жила для тебя, но тебя отпущу...

Она пела и плакала, зная, что в это время дня большинство соседей по дому на работе. Её голос, то срывался на крик, то становился едва слышным. Повторив песню, вспомнила другую.

«Я стояла на краю Земли, больше точно не могу лететь.

И уходят наши корабли, нам уже наверно не успеть –

Эту песню нам вдвоём допеть.

Ты – моя нежность, ты – моё небо.

За тобой встану, где бы ты не был.

Ты – моё сердце, ты – моё чудо.

Обниму нежно и с тобой буду.

Слёзы застилали глаза, и она играла на слух, иногда фальшивя, но не обращала внимание.

«Дай мне забыть тебя, дай разлюбить тебя.

Сны о тебе и грусть, время стирает пусть.

Память – смертельный яд. Я – без тебя распят,

Но продолжаю жить. Дай мне тебя забыть...

«Господи! Я не видела его больше месяца и, казалось, ста-

ла забывать, и на тебе – вернулось всё назад, – говорила она, вставая из-за синтезатора и направляясь в ванную. Умывшись холодной водой, посмотрела на своё отражение в зеркале. – Да, Виктория Сергеевна, вид у вас желает лучшего. Вы о ребёнке подумали? Что скажет малыш на вашу истерику? Назад ходу нет. Только вперёд».

Забрав сына из детского сада, она не спешила возвращаться в квартиру, предложив Серёже пойти в развлекательный центр. Они провели там два часа, а вернувшись, встречали сестру Ильи Ирину.

– Это правда? Вы развелись? – чуть не плача спрашивала она с порога, и замечая слегка округлившийся живот Вики. – Вика, ты беременная?

– Мы развелись и я беременная, срок – 11-12 недель. Добавить мне нечего, а слушать твои упрёки я не собираюсь. Хочешь с нами дружить – оставь всё в секрете и никогда не говори мне о брате. Не хочешь – где выход знаешь.

– Зачем так радикально? Ты могла держать его два года на крючке. Я тебя не понимаю.

– А зачем тянуть, Ира? От встреч с ним страдает ни он, а я. Мне нужно привыкнуть жить без него, а значит, видаться с ним, как можно реже. Зачем держать то, что уже не твоё? Твоё – это, когда не нужно удерживать, догонять, бороться, отвоёвывать. «Твоё» на сторону не смотрит, не принадлежит кому-то другому, не предаёт, не меняет. Оно твоё. Понимаешь? – в её глазах появились слёзы.

– Не расстраивайся, подруга, тебе вредно. Родители знают? – Ирина присела на диван, всё ещё до конца не осознав услышанное и увиденное.

– Я буду держать это в секрете столько, сколько будет возможно. Смогу выносить малыша – значит, это судьба. Сообщу родителям и попрошу помощи. А ты сама готова мне помочь?

– Чем конкретно?

– Сможешь забирать Серёжку в мои дежурства, приютить у себя? Светлана Андреевна предложила мне график работы, как при беременности Серёжкой. Он меня устраивает. Я не буду работать по ночам, но до первого декабря по графику «прихвачу» несколько выходных дней. Это будет раза три в месяц. Позже я буду работать только в рабочий день до декретного отпуска. Наталью Петровну придётся уволить. С обедами для себя и сына я справлюсь сама, как и с уборкой.

– Решила экономить на себе и детях? Отправь её временно в отпуск, поговори с ней откровенно. Может, найдёте вариант, чтобы он устроил вас. Не думаю, что у неё много предложений. Везде нужны молодые, расторопные. Отец знает о разводе и предупредил, чтобы Илья не появлялся в доме с новой пассией. «Семью просрал, беспокойся о себе сам. Снимай квартиру, а на покупку новой не рассчитывай, если только это не двушка в старом доме, где ты родился», – сказал он, как отрезал. Я поговорю с родителями. Они будут рады видеть внука. Ты можешь привозить его сама в те дни,

когда дежуришь или накануне. Не замыкайся в себе, звони, я всё сделаю. Да, наворотил брат делов. Думаю, у него не всё так гладко и там, иначе бы он не спешил сообщать мне и отцу о разводе тоном обречённого.

– Самое большее, что ты можешь сделать – это сохранить мою беременность в секрете. Мне не нужны сочувствия, жалость и уж тем более непонимание и упрёки. Это моё решение и мой крест.

– А как ты объяснишь всё на работе?

– Почему я должна кому-то что-то объяснять? О беременности они знают, а развод это моё личное дело.

В конце октября Виктория Сергеевна узнала пол ребёнка – это была девочка. Наталья Петровна согласилась работать два раза в неделю, а в дежурства – оставаться с Серёжей в роли няни. Она понимала, Виктория справится и самостоятельно, но, во-первых, ей не хотелось терять заработок, пусть меньший, а во-вторых, помочь хозяйке в непростой ситуации.

Вопрос о присмотре сына в дни отсутствия Вики был решён, а других у неё пока не было. Она не виделась с бывшим мужем со дня развода. Один выходной в сентябре Сергея забрала к себе и привезла назад Ирина.

– Вика, ты просила не говорить мне о брате, но я всё же скажу: он расстался со своей подружкой, в тот день, как получил развод. Я навела справки и там не всё так просто. Ему хорошо промыла мозги его одноклассница, а ныне раскру-

ченный в городе психолог и по совместительству тётя этой самой подружки. Подружка никогда не была беременной.

– Ира, что это меняет? Взрослый, грамотный мужчина должен отвечать за свои поступки. Во-первых, его никто не тащил силой в кровать, а во-вторых, его поспешность с разводом наводила на определённые мысли. Он принял моё предложение развестись, а если и пытался возразить, то очень нерешительно. Теперь он знает, что значит быть обманутым. Мне бы порадоваться, а я не могу, да и не хочу.

В октябре «выручила» Наталья Петровна. Илья позвонил в первый выходной ноября, когда Вика была на работе в клинике.

– Если ты на работе, с кем Сергей? – в его голосе слышалось недовольство.

– С Натальей Петровной. С некоторых пор, она совмещает работу. Что ты хотел от меня услышать?

– Я могу забрать его к родителям на выходные?

– Можешь. Я позвоню ей, посоветую, что взять сыну с собой, а ты привези его вечером в воскресенье. Передавай Назаровым привет.

– Я привезу его в понедельник после обеда – это тоже выходной день. Как часто я могу его забирать?

– Так часто, как он этого будет хотеть сам. От тебя ничего не требуется сверхъестественного, просто позвони мне накануне и я соберу его на выходной или выходные. Пойми, я не запрещаю тебе общаться с сыном, но и насильно заставляю

его видеться с тобой я не могу.

Илья звонил Виктории в пятницу и забирал Серёжу на выходные. Вика спускалась с сыном к машине и передавала его с рук на руки бывшему мужу. Осенняя одежда позволяла ей скрывать растущий живот. Мальчику нравилась компания деда и отца, и он с удовольствием отправлялся за город.

В октябре состоялось открытие многопрофильной клиники «Авиценна». В неё вошли отделения гинекологии, репродуктологии и их роддом. Началась перестановка кадров. Светлана Андреевна Климова стала начмедом отделения репродуктологии и гинекологии «Мать и дитя», а Алексей Иванович главным врачом. Виктории Сергеевне предложили временно стать заведующей родильным отделением.

– Светлана Андреевна, вы не забыли, что я ухожу в декретный отпуск в январе?

– Не забыла. Но я три месяца буду спокойна за отделение.

Наладить работу в новом отделении репродуктологии, приехал доктор из Питера – Евгений Алексеевич Лазарев, 1980 года рождения. У Виктории появился новый знакомый.

– Частная медицина дело тонкое. Совет директоров должен быть уверен в его работе. У меня есть опыт, я охотно им поделюсь, налажу работу и вернусь к себе. Я не хочу показаться назойливым, но знакомых и друзей у меня нет, а вы землячка.

– Это как сказать. Я родилась, училась и выросла здесь. Мне было шестнадцать, когда переехали в Питер, а через де-

вять лет вернулась. Я скорее сибирская, чем питерская.

Они стали дружить. Со стороны могло показаться, что Лазарев ухаживает за Петровской, но это было не так. Именно он, узнав о её беременности, предложил ходить и возвращаться с работы пешком, взяв на себя роль провожатого. Они неспеша шли до детского сада, где прощались до завтра. В один из дней декабря у детского сада они и встретились с Ильёй.

– Это мой бывший муж Илья Назаров, а это мой коллега по работе Евгений Лазарев, – представила мужчин Виктория. – Ты почему без звонка?

– У нас цирк в семнадцать часов. После представления я привезу Сергея домой. Он не говорил тебе?

– Я знала о цирке, а вот ни о дате, ни о времени не знала.

– До свидания. До завтра, Виктория Сергеевна.

– Часто он тебя провожает?

– Почти каждый день. Наши маршруты здесь заканчиваются. Евгений из Питера и у нас временно. Не покупай Серёжке много сладкого. Да, ты сможешь посетить утренник, он двадцать восьмого в десять утра? Мне не пришлось бы отпрашиваться.

– И что я там буду делать?

– Ничего. Будешь в группе поддержки. Сыну будет приятно.

В следующий раз Лазарев и Назаров встретились в квартире Виктории. Лазарев зашёл за презентом для Петровских,

он улетал на Новый год домой. Илья приехал за сыном.

– Это у вас серьёзно? – недовольно спросил он.

– Почему тебя это интересует и почему ты приехал именно сегодня? Мы договорились, что встречаем Новый год с Сергеем дома.

– До Нового года два дня. Я привезу его после праздничных гуляний. Не хочешь составить нам компанию?

– Нет. Спасибо. Тебя что-то беспокоит? Поделись.

– Ты оказалась права. Марина не была беременной. У меня на лбу написано, что меня можно использовать? – присаживаясь на диван и наблюдая за Викторией, спросил он.

– Я такой надписи не видела. Ты сам находишь женщин моложе себя, как мотылёк летит на свет, так ты на молодое тело. Пока ты в плену у молодости и красоты спутницы, почему бы этим не воспользоваться? Между вами разница в возрасте 20 лет. На что ты надеялся? На большую и светлую любовь? Так бывает, но очень редко. Это иллюзия счастья. Ты себя в зеркале давно видел? Лоск испарился, живот вырос, дышишь через раз, глаза потухли, да и ночные клубы тебе уже не интересны. Зачем молодой красивой девушке такой раритет? – улыбнулась Виктория и встала с дивана. Илья впервые обратил внимание на её округлившийся живот.

– Ты ничего не хочешь мне объяснить? Почему ты не сказала, что беременная? – Было видно, что он, если и слышал о положении, то не верил, и теперь имел растерянный вид. – Ты говорила, что неудачно пошутила. Как ты себя чувству-

ешь?

– Вопрос как-то запоздал месяца на четыре. Раньше тебя это не волновало. Почему я должна тебе что-то объяснять? Какое твоё дело, что со мной происходит? Между нами развод и девичья фамилия. Да, нас связывает сын, но на этом всё.

– А как же второй ребёнок?

– А кто мне предлагал прервать беременность? Кто убеждал меня, что я не потяну двоих детей? Кто торопился и был доволен разводом, ни разу не поинтересовался мной? Это мой ребёнок, моя дочь. Ты ещё скажи, что имел право знать.

– Ирина знала об этом?

– Знала, но я поставила условие и она его приняла. Послушай, Илья, ты прекрасно видел, что я хожу в одежде, которую носила, будучи беременной сыном, и у тебя не возникало вопроса: почему? Я на суде уже скрывала живот, и только по этой причине обратила внимание на фигуру твоей подруги, которая не имела ни единого внешнего признака беременности.

– А я прямиком после суда повёл её к гинекологу. Почему одна не хотела рожать детей, вторая лгала про беременность? Одна ты решила родить от меня ребёнка. Почему?

– Спроси у них сам. Обе молоды и привлекательны, может, решили пожить для себя за твой счёт. У нас была семья, а что за семья, где нет детей? Я любила тебя, была в том возрасте, когда пора становиться мамой, да и ты был готов стать

отцом. Мы вместе принимали это решение. Давай закончим этот разговор, который ни к чему не приведёт.

Илья привёз сына к ужину, который Виктория, в отсутствии Натальи Петровны, приготовила сама. Сергей с детской наивностью, лишь переступив порог, пригласил отца на ужин.

– Вика, в пакете подарок под ёлку, а это кое-что к столу, мама передала, – он подал ей бумажный пакет.

Пока Серёжа рассказывал отцу о покупке ёлки, её украшении, демонстрируя гирлянды, она накрыла на стол.

– Раз ты со своими продуктами, проходи к столу. Я особо не фантазировала, но готовила то, что любит сын.

Был почти семейный ужин, был восторженный рассказ сына о проведенном дне, о катании на тройках, о взятии снежной крепости, и был звонок. Он прозвучал, когда его никто не ждал. Виктория Сергеевна выслушала звонившего и приняла решение.

– Илья, тебя очень ждут к праздничному столу?

– Что-то случилось?

– Мне нужно уйти. Боюсь, не успею вернуться до полуночи, поэтому, либо я забираю Серёжу с собой, либо оставляю его на тебя. Ты сможешь взять его с собой, если надумаешь уехать, или остаться с ним здесь?

– Я останусь. Возьми мою машину – она на парковке. Так будет быстрее. Держи ключи.

– Спасибо. За мной уже отправили машину. Я временно

не езжу на своей. Все подарки для сына в гардеробной, положишь их под ёлку, когда он уснёт. Извини, я не хотела испортить тебе праздник.

– Ну что, Серёга, будем встречать Новый год без мамы, – обняв сына за плечи, сказал отец. – Часто маму вызывают на работу?

– Мы ездили с ней один раз. За нами машина приезжала. Ты меня только привёз, а ей позвонили. Я и раздеться не успел. Маму вызывают помочь, если у самих не получается.

Виктория вернулась, когда часы показывали 03:40. Тихонько проходя в спальню, она заметила, что сын спит в своей комнате, а в гостиной спит Илья. Прикрыв дверь в спальню, она разделась и легла в кровать. Сон сморил сразу. Проснувшись позже обычного, она услышала тихие голоса, доносившиеся из гостиной. «Серёжка нашёл подарки», – улыбнулась она. Переодевшись и подобрав волосы, застелила постель и вышла в гостиную.

– Доброе утро и с Новым годом! – она поцеловала сына.

– Мам, Дед Мороз положил мне под ёлку всё, что я просил.

– Позавтракаем, и ты мне всё покажешь и расскажешь. Я, мы проголодались. – Виктория прошла в кухню, набирая телефон отделения. Задав вопросы и выслушав ответы, отключила вызов.

– Как всё прошло? Почему звонили тебе?

– Ты многое пропустил. Клиника наша, с некоторых пор,

многопрофильное заведение. Ты новое здание видел? Климовы управленцы, а я временно исполняю обязанности заведующей родильным отделением. По закону я не имею права работать по ночам и в выходные, но скользящий график и экстренные случаи никто не отменял. Доктор перестраховался, и правильно сделал, что позвонил. Как вы встретили Новый год?

– Серёжка уснул за час до речи президента, а я дождался его поздравления. Твои родители звонили, я им всё объяснил.

– Они и мне звонили. Надеюсь, ты ни о чём не проговорился? Родители не знают ни о беременности, ни о разводе.

– Как ты сумела это скрыть? – Илья был не просто удивлён услышанным, его это «убило».

– Мы общаемся по телефону раза три в неделю, чаще я сама звоню им. Родители сейчас живут у Софьи Михайловны. Бабушку подводит здоровье. Поэтому больше интересуюсь их жизнью, а о своей докладываю коротко. Каждый раз боюсь, чтобы Серёжка не проговорился бабушке.

– Он становится совсем взрослым. Сашка старше его на год, но наш гораздо умнее и сообразительнее. Ты когда дежуришь?

– Третьего и шестого, но только днём. Лазарев прилетит утром шестого и к вечеру меня сменит.

– Опять Лазарев!

– Илья, чем он тебе не угодил? Ты его видел дважды и ни-

чего о нём не знаешь. Лазарев здесь временно, улетит в конце февраля, а в Питере у него жена и двое детей-подростков. Это он предложил мне ходить на работу и возвращаться с неё пешком, узнав, что я беременная. Ждал у детского сада утром и провожал до него после смены. В чём криминал? Твой отец звонит.

– Вика, впереди десять выходных. Отправляй Серёжу к нам. Если заскучает, ты его можешь забрать в любое время или Илья привезёт, – говорил он, поздравив её с Новым годом.

– Хорошо. Ваш сын сейчас здесь, а я соберу вещи своего с учётом длительного отдыха. Привет и новогодние поздравления Тамаре Васильевне. – Завтракай сын, покажешь мне все подарки, а позже я займусь твоим гардеробом.

Через час Сергей уже занимался с отцом, а Виктория готовила вещи в «дорогу». Одежда проходила тщательный «отбор», прежде чем попасть в дорожную сумку.

– В сумке аптечка: капли в нос, спрей для горла, сироп от кашля и температуры. Тамара Васильевна разберётся, а Серёжка поможет. Положила вещи с учётом смены верхней одежды, если намокнет от снега, и второй обуви. Спит он в пижаме. Кажется, всё, – Вика, закрыв сумку, поднялась с дивана. – Серёжа, звони мне с планшета по видеосвязи. Можете сделать это с бабушкой или с папой. Помни, что вечерами я всегда дома, отработаю два дня в праздники, а там до отпуска останется недели три.

– Мам, ты без меня Союю береги.

– Я всё для этого сделаю, а ты отдыхай на свежем воздухе.

Илья навестил Викторию четвёртого, разбудив звонком.

Она нехотя встала с постели и, взглянув на часы, открыла дверь.

– Что-то случилось?

– Я продукты привёз.

– Разве я тебя об этом просила? У меня всё есть. Мы с тобой договорились: будет что-то нужно – я позвоню. Забыл, инициатива наказуема?

– Лучше посмотри, что я привёз.

– Серёжки дома нет, а мне ничего не нужно. Забери назад, а будешь уходить – захлопни дверь. Извини, – говорила Вика, возвращаясь в спальню.

– Ты можешь хотя бы ответить: у тебя, у вас всё нормально?

– У нас всё хорошо. Не стоило беспокоиться.

Минут через десять свет в прихожей погас и щёлкнул дверной замок. Он приехал на следующий день в обед.

– Что на этот раз? – недовольно спросила Вика. – Ты Серёжу забрал к себе – занимайся с ним.

– Ты не хочешь меня видеть?

– Не хочу. Чему ты удивляешься? Ты расстался с первой женой, с новой знакомой. Ты хочешь их лицезреть? Почему ты решил, что я тебя встречу с распростёртыми объятиями? Говорят, чем шире ты открываешь объятия, тем легче тебя

распять. Ты это и сделал. Или я не права?

– Ты меня презираешь?

– Нет. Просто не понимаю. Видишь ли, я тебя ценила, а не оценивала, жила, как умела, лишнего не требовала, за многое была благодарна. Я любила тебя, и мне казалось, что чувство взаимное. Ты говорил о любви, верности, а на деле оказался неверным мужем. Верность – она в голове: не подвластна алкоголю или животным инстинктам, вызывает отвлечение к чужим поцелуям. Верность – это желание раствориться в дорогих сердцу объятьях, это гармония, душевное равновесие и сексуальная идиллия. Верными могут быть только любящие люди. Мы можем оставаться приятелями ради сына, но мы не можем быть даже друзьями. Я тебе больше не доверяю.

– Значит, ты меня больше не любишь и никогда не простишь?

– Глупее вопроса я от тебя не слышала. Для того чтобы тебя простить, нужно понять, а я не понимаю. Любимых берегут, их не «обменивают» на более молодых и не расстаются с лёгкостью. Ты часто называл меня ангелом, но с лёгкостью поломал мне крылья. Не нужно теперь заставлять летать на метле. Как до тебя донести, что нас, как семьи, нет. После развода прошло больше трёх месяцев. Да, ты отец моего сына, но мы с тобой чужие.

– Прости, я очень перед тобой виноват. Не могу поверить, что это всё происходит наяву. Мне так промыли мозги, что

я не ведал, что творил. Ты чем занимаешься?

– Перебираю детские вещи Серёжи, из которых он вырос, так ни разу не надев. Буду знать, чего не хватает для дочери.

– Когда срок родов?

– Начало апреля. Только я не решила ещё буду рожать здесь или улечу в Питер.

– Подумай, может и Серёжке что-то нужно.

– К весне нужна будет обувь. Нога выросла. Большого сказать не могу, мы не делали ещё весеннюю примерку. Да, за переводы спасибо, я получила их трижды.

– А что будет с Натальей Петровной?

– До конца месяца она будет приходить два раза в неделю.

Решу вопрос с родителями, но, в любом случае, придётся с ней прощаться. Если приедет мама – одно, если поедем мы, то вряд ли вернёмся.

– Ты хочешь увезти сына? Он быстро забудет меня.

– Не говори глупости. Дело ни во мне и ни в нём, дело в тебе. В последние полгода ты не баловал его своим вниманием. Нас развели в сентябре, а сейчас январь. Сколько раз ты приезжал навестить его, живя с ним в одном городе? Молчишь? Шесть раз! Шесть раз за три месяца. Я понимаю, мальчику нужен отец и не ставлю палки в колёса. Он мне рассказывает об играх с Сашей, с дедом, с дядей Олегом, но не о тебе. Он пока не говорит о тебе. Отец либо есть, либо его нет, и встречи с ним измеряются не количеством, а качеством. Захочешь увидеть сына, найдёшь и время, и место.

Достань мне сумку с верхней полки в гардеробной. Посмотрю, что у нас там. Привези мне сына седьмого или восьмого числа.

Серёжа, разговаривая по телефону с бабушкой, случайно проговорился о тайне матери:

– Бабуля, у меня есть хорошая новость. Мама скоро пойдёт в отпуск, и я не буду ходить в детский сад, когда будут морозы.

– Почему мама отпуск взяла зимой?

– Бабушка, она не брала. Ей работать стало трудно, вот её и отправили, а когда Соня родиться и подрастёт, мама выйдет на работу.

– Серёженька, детка, дай маме трубку, я с ней поговорю, – заплакала Татьяна Ивановна.

– Мам, бабушка плачет, – виновато посмотрел сын на Вику.

– Вика, что за секреты? С тобой всё нормально? Как вы могли скрывать такое?

– Мам, не плач. Я расскажу тебе всё, если ты успокоишься. Мы с Ильёй расстались, развелись. Соня родиться в апреле. В декретный отпуск я уйду с двадцать шестого января. Сказать правду про развод, а как быть с беременностью? Сказать о беременности, как говорить о разводе? На работе не знают о том, что я теперь в разводе.

– Что говорит Илья?

– А что он может сказать? Мне иногда кажется, что он

не до конца понимает, что семьи больше нет. Ищет предлог увидеться, по выходным забирает сына к родителям. Наталья Петровна работает до конца месяца. Mamочka, не переживай. Я переболела разводом, который состоялся ещё четыре месяца назад и у меня всё в порядке.

– Как же вас развели, если ты была в положении?

– Ну, в то время своё положение я скрывала. Неверность, она и есть неверность. Нужно было принимать решение, я согласилась на развод. Вернее, я и была инициатором развода.

– Викуся, а ты не хочешь приехать в Питер?

– Я об этом не думала. Ты скажи бабушке о том, что я назову дочку Софья, а о разводе не говори – она расстроится. Как она сейчас себя чувствует?

– В соответствии с возрастом. Может мне приехать?

– Ты там при деле, а я здесь справляюсь. Как только отойдёшь от новости, позвони мне, и мы поговорим с тобой спокойно по видеосвязи. Я отвечу на все твои вопросы. Хорошо? И прошу тебя: не плач, не переживай и прости свою упрямую дочь. Папу и бабушку поцелуй.

Глава 9

«Раз я живу, то значит, жду: кустов сиреневых в саду, а позже – века золотого, а позже – снежного покрова, а позже – тающих пластов и вновь сиреневых кустов», – прочитала Виктория строчки Ларисы Миллер, глядя в окно кабинета на заснеженную улицу. Всё, Сонечка, больничный лист мы сдали, и теперь будем отдыхать дома. Морозы скоро закончатся, мы с тобой будем дышать свежим воздухом. Водить в детский сад и забирать брата, а потом гулять втроём. Чуть позже приедет бабушка – у нас всё будет хорошо, ты только не спеши. Родишься в апреле, увидишь в мае кусты сирени. Для меня май всегда ассоциировался с сиренью и счастьем. А я отведу Серёжу на неделю в сад, и мы пойдём с тобой за твоим приданым к рождению, пока Наталья Петровна будет готовить обед», – тихо говорила Виктория, возвращаясь к столу.

Направляясь из клиники в детский сад, она услышала сигнал своего телефона и остановилась, чтобы ответить на звонок.

– Здравствуйте, Александр Иванович.

– Вика, я у твоего дома. Могу я подняться?

– Не можете. Дома никого нет. Я иду из клиники в детский сад. Нам понадобится минут десять, чтобы дойти. Дождётесь?

– Дождусь. Помощь нужна?

– Пешком будет быстрее.

– Как ты себя чувствуешь? – выйдя из машины, спросил Назаров старший, забирая из салона пакет, и добавил, обращаясь уже к водителю: – жди меня здесь.

– Спасибо. С завтрашнего дня я в декретном отпуске. Буду сидеть или лежать дома. Поднимайтесь. С чем приехали? Вы в этой квартире редкий гость, если не сказать, что очень редкий.

– Хочу Серёжу забрать на выходные, а до этого поговорить

– Выступит в роли адвоката для сына?

– Нет. Поделиться мыслями, – уже в прихожей говорил он, и, пройдя в кухню, поставил пакет на стол. – Здесь всё к чаю. Напоишь?

– Серёжа, иди к себе, я приготовлю чай и позову тебя, а пока поговорю с дедушкой. – Слушаю вас, Александр Иванович, – Вика включила чайник и присела к столу.

– Ты наверняка заметила, что мы с Ильёй не очень дружны. А не задавала себе или ему вопрос: почему? В этом моя вина. Он никогда мне не простит до конца слёзы матери за мои похождения, хотя сам шагаем моим путём. Мы поженились с Томой после института. Я из семьи партийного чиновника, она из учительской династии. Илья родился через год, через два после него появился Егор, а в ожидании Ирины я попал в сети порока и барахтался там, не останавливаясь, лет двадцать. Это сразу было великой тайной, а позже заве-

са развеялась, и это стало второй жизнью. Я любил свою жену, любил детей и не допускал мыслей о разводе или создании новой семьи. Любил и изменял – это возможно? Нового ничего не узнал, но и не хотел «отставать» от своих сослуживцев, партнёров, компаньонов. Чем выше «взлетал», тем дороже обходилась такая связь. Это были не долгие романы или интрижки. Жена пыталась уйти и не раз, я каялся и повторялся, а у неё не хватило характера. Илья был для сестры и брата матерью и отцом. Мы работали, а они росли сами по себе. Нет нашей заслуги ни в воспитании детей, ни в обучении. Всё ограничивалось контролем. Так что их испорченное детство и юность на моей совести. Я бы не начал этого разговора, если бы он не спросил меня: «Пап, а в какие игры мы с тобой играли в детстве?» Мне ответить было нечего. Не было ни игр, ни походов, ничего. Были поездки на море, но это было в юности. Илья ушёл жить к моим родителям, едва окончив школу, после моего очередного романа, сказав мне в лицо, что я предатель. Мы не общались три года. У него начался роман, хотя до свадьбы дело не дошло, потом несчастный случай с Егором, ненависть его постепенно уходила, отношения становились нейтральными. Я сына не оправдываю. Смотрю на него, а вижу себя. Дурной пример заразителен. Смотрю и вижу то, чего не замечал за собой, как в той пословице о бревне и соринке в глазу. В своей истории, сын не учёл того, что характер его матери совсем не похож на твой.

– Зачем вы мне всё это говорите?

– Не знаю. Я надеялся, что сын не повторит моих «подвигов». После развода с Дианой и знакомства с тобой, Илья стал другим. Вы были такой гармоничной парой. Мне казалось, что с рождением Серёжи вы стали ещё ближе. Я искренне радовался за вас, а теперь пытаюсь понять, когда и почему он так изменился. Вы прожили вместе девять лет. Должна быть причина для развода.

– Я не знаю, что вам на это ответить. Между нами не было тайн или недомолвок, мы всё решали вместе. Хотя, был один разговор в начале лета. Ему перестали нравиться мои дежурства. Он так прямо мне и сказал. А я ответила, что, не смотря на все дежурства, я занимаюсь сыном гораздо больше чем он. Мне и в голову не могло прийти, что все его задержки на работе и работа в выходной были ни чем иным как прикрытием. Пока Серёжка был мал, Илья помогал мне, занимался ребёнком с удовольствием. Радовался его первым шагам, первым словам. Сын пошёл в сад, стал более любознательным, разговорчивым, а Илью это напрягало. Он как будто стеснялся выгладеть рядом с сыном ребёнком, посмеивался надо мной, когда мы играли с Серёжкой как два дитя. Чем старше становился сын, тем меньше внимания ему уделял отец, а я не находила причины. Если бы ни эта встреча у детского сада он бы мне продолжал врать.

– Не знаю, Вика, и не понимаю, что у него в голове. После вашего развода, я запретил ему появляться в моём доме, с

кем бы то ни было, а он взял и переселился в свою комнату. Вижу, что он переживает и скучает, но при этом ничего не делает, чтобы как-то исправить ситуацию. Я хочу только одного, чтобы ты не уезжала и жила с ребятами рядом, а я буду помогать.

– А как же мои родители? У вас есть сын и дочь, а я у них одна.

– Я не заглядываю вперёд надолго. Тебе, в твоём положении, рискованно лететь, а там и Соне подрасти нужно. Оставайся пока.

– Это всё?

– Я не вправе просить что-то ещё. Ты замечательный человек и знаешь, что человека нельзя изменить, если он сам этого не хочет, нельзя заставить любить или ненавидеть. Я тебя понимаю и уважаю твоё решение, пусть оно мне и не нравится. Ты отпустишь со мной Серёжку?

– Отпущу. Позовите его, а я приготовлю всё к чаю.

Серёжа уехал с дедом до вечера воскресенья, а Виктория весь этот вечер думала о визите Назарова старшего. Она понимала, что рассказ Александра Ивановича скорее напоминал исповедь, чем оправдание сына. Хотя его можно было принять как подтверждение слов: «Все мужики сволочи». «Даже мой отец, которого я считала образцовым, стал для мамы неверным. Мама его простила, из-за чувства вины, что не подарила ему ребёнка, а выяснилось, что бесплодием страдал отец. Кто кого обманул? Они сорок лет в браке. Если

бы мама не любила отца, она смогла бы уйти, но она отпустила его, а это сделать сложнее, чем самой пережить уход. Правду говорят: «Хочешь сделать человека счастливым – отпусти его». Возможно, твой отец, Соня, будет без нас счастливее».

– Виктория Сергеевна, а Татьяна Ивановна придет к рождению внучки? – спросила Наталья Петровна на следующий день, застав хозяйку дома.

– Придет в конце марта. Бабушку оставит на папу, а сама придет спасать непутёвую дочь.

– Не наговаривайте на себя. Вы очень решительная женщина. Я бы так не смогла. Я десять лет прожила в браке, выскочив замуж совсем девчонкой. Он каялся – я прощала. А в итоге всё равно ушёл. Даже не знаю, где он теперь. Сына он не бросал, но какое воспитание от воскресного папы.

– Замуж так больше и не выходили?

– Нет. Всё боялась, что новый муж не примет сына, а он его. Теперь у сына семья, вижу их редко и доживаю свой век одна.

– Наталья Петровна, вы знаете, я после всей этой истории осмелилась пойти в церковь. Боялась, что с ума сойду от мыслей и вопросов. Кому могла рассказать о том, что творилось у меня в душе? Знаете, что мне ответил батюшка на все мои вопросы? Перестать бояться потерять кого-то. «Люди – не ключи, не вещи, не деньги, их нельзя потерять. Они могут только уйти сами и по своему желанию. Твой человек

тебя никогда не оставит, а чужого лучше отпустить. Зачем он тебе?» – убеждал он меня, я поверила каждому его слову. А чуть позже поняла, что ничего страшного не произошло, это жизнь меня проверяет на прочность. Что бывают испытания гораздо страшнее и труднее, а мне выпало именно это. Исправить ничего нельзя. Нужно пережить неприятные моменты и идти дальше. Я любила Илью, а он оказался просто попутчиком в определённый период моей жизни и вышел на своей станции.

– Виктория Сергеевна, я не знаю, кто дал мой номер телефона отцу Ильи Александровича, но он мне звонил. Просил оставаться на месте до приезда Татьяны Ивановны и деньги с вас не брать. Что скажете?

– Если у вас есть желание остаться – позвоните, попросите зарплату вперёд и оставайтесь. До приезда мамы два месяца, а я смогу рассчитывать на вас. Александр Иванович был у меня вчера в гостях, но предпочёл скрыть разговор с вами, а может, забыл.

В выходной Викторию навестили Виктор и Ирина, которые поженились два года назад. Теперь «старый козёл» стал для Раисы Степановны, которая год назад ушла на пенсию, родственником.

– Как тебе отдых в отпуске?

– Очень тихо и спокойно. Ты знаешь, что такое идеальное утро? Это когда знаешь, что можешь продолжить спать, а можешь не спать. Главное слово "можешь". Серёжку в пят-

ницу забрал дед Назаров. Я ем, гуляю и сплю. А вы, куда собрались с такой сумкой?

– Это тебе подарок от деда. Я, Вика, честное слово, упирался, как мог, но старик настоял на своём. «Виктория посмотрит, и может сама выбросить то, что не подойдёт для её кандидатской работы», – сказал дед. Принимай макулатуру!

– Вить, ты шутишь? Я не собираюсь писать ни кандидатскую, ни докторскую. С чего он это взял?

– Здесь, по его словам, готовый материал. Добавишь от себя, уважишь старика и родителей, и сама получишь степень.

– Я, по-твоему, совсем без мозгов и сама с этим не справлюсь? А ты, значит, решил мне по-родственному помочь? Не буду я этого делать, а посмотреть посмотрю. – Ириша, готовь на стол, а я с братцем кроликом займусь макулатурой. – Она просмотрела черновики. Почерк у деда был далеко немедицинский, каким его представляют многие. Он был разборчивым. Вика увлеклась чтением, забыв про обед, и оторвалась, когда Ирина позвала к столу. – Вить, а когда у деда день рождения?

– В октябре шестого числа. Зачем тебе?

– Давай сделаем ему необычный подарок. Я попробую собрать из черновиков монографию, получим рецензию и напечатаем. А что? Начнётся гололёд, я от безделья заскучаю, а так буду и при деле и немного подучусь. Не будет получаться – брошу, будет получаться, но будут вопросы – попрошу консультацию у деда. Скажу, что пишу кандидатскую. Он сам

этого хотел, а ты его привезёшь. Время у нас есть, но готовься к тому, что будешь помогать.

– Я не могу. У меня жена беременная.

– Это конечно аргумент, я вас поздравляю, но ты не забыл и о моём положении. Вить, работа не точная и не срочная.

– Вика, тебе это зачем надо?

– Мне не трудно, а ему будет приятно. Вить, его знают как врача, хорошего врача, ученики, пациенты, коллеги. Я видела его в работе. Значит, я могу воспользоваться его трудом – это нормально, а чтобы труд увидел свет, и его оценили другие, вызывает у тебя вопрос. Всё! Тема закрыта. Теперь будем говорить о детях.

С уходом Виктории в декретный отпуск «активизировался» и Илья. Теперь он приезжал дважды в неделю «помочь», а перед выходными забирал сына к родителям.

– Вика, тебе не тяжело водить его по утрам в сад?

– Нет. Мы же никуда не торопимся. У нас есть выбор. Если мороз или плохая погода, мы остаёмся дома. Теперь можем себе это позволить.

– Напиши мне список, что нужно купить, я в следующий раз привезу, чтобы Наталья Петровна с сумками не ходила. Или ты не примешь мою помощь?

– Я сделаю это, но ты, будь добр, смотри на сроки и не превращай помощь в простой повод. Хочешь помочь – помоги, но не делай одолжение.

Своей машиной Виктория не пользовалась с декабря,

предпочитая пешие прогулки. Только в середине марта Виктор прошёл на ней техосмотр и подготовил к «выезду», максимально комфортно установив кресло водителя.

Татьяна Ивановна прилетела утренним рейсом двадцать пятого марта. Через неделю Серёже исполнилось четыре года. Воскресный день начался с поздравлений и подарков семьи Назаровых. Илья увёз сына и бывшую жену в развлекательный центр, где они встретились с Ириной и её сыном. Два часа пролетели незаметно, и он привёз их домой. Вернувшись в квартиру, где «колдовала» Татьяна Ивановна, они уже встречали Виктора с женой. Весь вечер прошёл за разговорами и разбором подарков. Спать легли рано. Виктория проснулась, почувствовав себя в мокрой постели и поняла, что пора ехать в роддом. Часы показывали 01:30. «Сонечка, девочка моя, не пугай маму. Потерпи полчасика, и мы с тобой поедem туда, где нам помогут», – говорила она, одеваясь. Сняла постель, оставив её у кровати. Взяла пакет и телефон, написала записку: «Утром позвоню», оставив её на столе в кухне, и вышла в прихожую. Мать застала её у двери.

– Вика, пора?

– Мамочка, не волнуйся. Утром я обязательно позвоню. Адрес клиники ты знаешь. Я справлюсь, а на тебе Серёжа. Утром отведи его в детский сад, тебе будет проще, – она поцеловала мать, вышла, спустилась на парковку и села в машину. Татьяна Ивановна тем временем звонила Климовой. Виктория рисковала, садясь за руль, но решила, что времени

достаточно, а клиника совсем рядом. Включив аварийный сигнал, она выехала со двора. Через семь минут машина въехала на территорию клиники. Войдя в приёмное отделение, доктор Петровская почувствовала, как её охватил страх. Она присела на кушетку, слушая медсестру и не понимая ни слова из сказанного. Сознание уплывало. Когда открыла глаза, увидела лицо Светланы Андреевны и слабо улыбнулась.

– Зачем было рисковать и ехать самой? Не пугай меня больше. Не паникуй – давление подскочило. Полежим, отдохнём немного и пойдём рожать нашу принцессу. Не спеши.

Роды осложнились подъёмом давления, но всё обошлось. Соня родилась в шесть часов утра весом почти четыре килограмма и не доставила маме неудобств, в отличие от брата.

– Позвонить Илье? – спросила Климова.

– Не надо. Мы с Ильёй развелись в сентябре. Лучше маме, она волнуется. Спасибо вам.

– Почему ты мне ничего не рассказала? Вот откуда этот рост давления. Ты всю беременность оставалась наедине с собой. Это неправильно, Вика.

– Я справилась. Мне беречь вас всех нужно, а не нагружать своими проблемами. Родители ничего не знали ни о разводе, ни о беременности до самого декретного отпуска.

– Я всё сделаю. Отдыхай.

Виктория проспала часов пять, прежде чем принять первого посетителя – маму. По очереди навестили члены семьи

Климовых, за ними старшая медсестра, и так почти весь коллектив отделения. Видимо, мама сообщила Илье о рождении дочери, тот сообщил своему отцу. Назаров позвонил по телефону и обещал навеститься после выписки.

– К вам ходят, как в музей. Это ваши родственники?

– Первой пришла моя мама, а остальные мои коллеги. Я работаю здесь. А ты не помнишь меня, Диана? Десять лет назад мы встречались с тобой в роддоме на Власова. Ты была женой Ильи Назарова.

– Это он к вам ушёл после развода?

– Если тебе будет легче, то он и от меня ушёл. Мы развелись в сентябре.

– А ребёнок чей?

– Дочка Ильи. Их теперь у меня двое. Сыну Серёже вчера исполнилось четыре года.

– А я три года назад вышла замуж. Вчера дочка родилась. Вы когда поженились и почему развелись? Можете не отвечать, если не хотите.

– Мы прожили вместе девять лет. Видимо, сверху решили, что этого достаточно. Я могу говорить с тобой о чём угодно, но не об Илье. Извини, телефон. – Да, папа, – ответила она и выслушала звонившего. – Спасибо. Соню принесут кормить, она в детском отделении, и я пришлю вам её фото. Как бабушка? Передай, что я дня через четыре вернусь домой и поговорю с ней по видеосвязи.

Кто был инициатором поездки в роддом за ней и Соней,

Вике было неизвестно, но забрал их из роддома Илья, приехав вместе с Татьяной Ивановной и Серёжей. Вручив Виктории букет, слегка коснулся губами её щеки, он принял дочь на руки.

– Какая она маленькая и хорошенькая, – разглядывая дочь в квартире, говорил он. – Маленький ангелочек. В пакете подарки. Родители приедут не раньше чем через две недели.

– Я в курсе. Мне твой отец звонил и Ирина заходила. Она сказала, почему тебе не нужно было приходить в клинику?

– Сказала. Вика, я могу зарегистрировать Соню, как отец, или мне обращаться в суд?

– Ты думал, я буду возражать? Это твоё право. Если принял решение, я соглашусь.

– Серёжку заберу с собой?

– Я не уверена, что он захочет сегодня оставить сестру. Ты сам поинтересуйся. Можешь заехать позже. Да, чтобы парень тебя не ревновал, гуляйте вдвоём – это совет.

– Викуся, ничего не дрогнуло при виде мужа?

– Бывшего мужа. Ты забыла сказать: «бывшего», мама.

Двадцать пятого мая на восемьдесят третьем году умерла Софья Михайловна Петровская.

– Мама, я заказала и оплатила билет на вечерний рейс. Утром ты будешь в Питере. Виктор тебя увезёт в аэропорт, – вытирая слёзы, говорила Вика. – Жаль, что я не попрощаюсь с бабушкой. Ты извинись перед папой.

– О чём ты, Вика? Куда ты полетишь с месячным ребён-

ком? Софья бы этого не допустила. Подумай, как ты сама справишься?

– Мам, не волнуйся, не будет проблем. Позвоню в детский сад и оставлю Серёжу дома. Не буду справляться – позвоню Виктору, Ирине, Илье, наконец.

Татьяна Ивановна сама позвонила Илье и рассказала об отъезде. Он отвёз её в аэропорт и вернулся в квартиру Виктории.

– Ты можешь ругаться, топтать ногами, но лучше послушай меня спокойно.

– Ты думаешь, после твоего ухода я так изменилась? Как же ты быстро забыл, что я не устраиваю истерик, а особенно на ровном месте. Говори.

– Сегодня я останусь в этой квартире в комнате с сыном. Утром съезжу в супермаркет, куплю и доставлю всё по твоему списку, и заберу Сергея к родителям до вечера воскресенья. До возвращения Татьяны Ивановны, я поживу вместе с сыном в его комнате. Буду отводить его в сад, забирать из сада ровно пять дней. Если моё присутствие будет тебя раздражать – будем искать другой вариант.

– Меня это устраивает, а со своими эмоциями я на время «договорюсь». Серёжка уже спит. Подушка и плед в шкафу, при свете ночника разберёшься, и не будь слоном в посудной лавке. Да, если голодный – где кухня знаешь. Спокойной ночи.

После выходных Илья поселился вместе с сыном. По до-

роге на работу, завозил Сергея в сад, а возвращаясь с работы раньше срока, забирал его. Таким переменам в жизни, больше всех, был доволен Серёжа. Если Соня не спала, он «развлекал» её вместе с отцом, менял ей подгузники и пел. Если она спала – занимались сами в гостиной. Отец качал её на руках, как когда-то сына, даже гулял с ней в коляске на улице. Илья слушал, как сын читает и считает, какие стихи знает. Сын охотно делился с ним новостями детского сада. Вика понимала, что мальчик тянется к отцу и деду, но переступить через себя не могла. Она «авансом» кормила мужчин ужином, а они помогали купать Соню, укладывали спать. В последнее время Илья очень изменился. В нём как будто что-то переключилось, или поменялась программа. Они разговаривали мало, но как-то дружелюбно. В разговорах не касались вопроса: «А помнишь?», и все они были о текущем моменте. Проскальзывали маленькие колкости, но их не замечали. Они были «к месту».

– Вика, где у нас гладильная доска и утюг?

– У вас не знаю, а у нас в гардеробной. Ты что собрался делать?

– Рубашку на завтра приготовить?

– Ты научился утюжить?

– Нет. Но нужно мне когда-то начинать.

– Начнёшь, когда их будет хотя бы две. Присмотри за Соней, она скоро проснётся, а я постараюсь вспомнить, как это делала раньше. Принеси и брюки – проверим их состоя-

ние.

Вот такой, примерно, диалог случался каждый день по разным вопросам. Виктория хорошо помнила, что Илья не избалованный мужчина и сделал бы всё что нужно самостоятельно, как это было раньше, но она знала и то, что в доме Назаровых есть прислуга, и вряд ли ему доверяли подобные вещи в течение года. Уложив детей спать, она час-два сидела за ноутбуком, печатая монографию деда. Дело двигалось к концу, и Виктории хотелось поскорее закончить.

– Чем ты занята? – глядя на экран и положив свои ладони ей на плечи, спросил Илья.

– Тебе чего не спится? – снимая с плеч его руки и не поднимая от экрана глаз, ответила она вопросом на вопрос. – Проголодался? Холодильник рядом, чайник на месте. Не отвлекай, мне нужно закончить раздел.

Илья присел к столу, наблюдая за работой Виктории.

– Хочешь, помогу? Если у тебя текст готов, читай, а я буду печатать. Дело пойдёт быстрее.

– Ты готов мне помочь?

– Помогу, если скажешь что это?

– Это монография. Хотим с Виктором сделать подарок Андрею Степановичу в день рождения. Он передал мне материал, в надежде, что я напишу кандидатскую диссертацию, а я решила иначе. Теперь помощи не будет? Виктор тоже не понимает, зачем я это делаю.

– Печатаем ровно сорок минут, и расходимся, оставляя

работу на завтра. Освобождай мне место.

Скорость печатания у Назарова была выше. Он «тормозил» только в случае непонятных терминов. Через сорок минут Илья «сохранил» текст и выключил ноутбук.

– На сегодня всё. Завтра продолжим. Спокойной ночи.

Назарова Тамара Васильевна навестила Викторию без звонка, когда Серёжа был в саду, а Илья на работе.

– Виктория, я хочу с тобой поговорить, – без предисловий заявила она, переступив порог и без приглашения проходя в гостиную.

– О чём? – поинтересовалась хозяйка.

– О моём сыне и о твоём муже, – она присела на диван и огляделась вокруг. – Здесь ничего не изменилось, но уютно.

– Поговорим о вашем сыне, а о бывшем муже мне говорить не хочется. Я вас слушаю.

– Поторопилась ты, Вика. Девять лет нельзя выкинуть из жизни. Споткнулся мальчик, ошибся, но было и много хорошего, чтобы не простить его. У вас двое детей. Ты о них подумала? Чего ты его держишь в подвешенном состоянии?

– Тамара Васильевна, я знаю, что никогда вам, мягко говоря, не нравилась, и терпели вы меня исключительно ради сына. У вас появилась возможность найти ему достойную партию, которая бы и вас устраивала. Что касается самого Ильи. Вы уверены, что он не споткнётся ещё раз, и ещё? Зачем мне хромя лошадь? Он сам предложил мне свою помощь, и я её приняла. Вы, чего от меня хотите: чтобы я сделала вид, что

ничего не произошло или, чтобы бросилась к нему на шею и просила вернуться?

– А почему нет? Подумай о детях.

– А ваш сын думал о них, когда оформлял документы на развод? К чему была такая спешка, что нас развели на первом слушании? Его обманули, и он понял свою ошибку. А мне что с этого? Чему мне радоваться?

– Ты скрыла от него беременность. Хотя, я сомневаюсь, что Соня дочь Ильи.

– Неправда! Я сказала ему об этом, а он предложил мне сделать аборт. Вы считаете, что я должна была ещё раз напомнить? Он хотел развода – он его получил. А что касается отцовства – вы можете это легко проверить. Возражать не буду, но предупреждаю, что на этом наше с вами родство закончится.

– Мы мало для тебя сделали? Свадьба, машина, квартира. Мало?

– Тамара Васильевна, вы меня купили? Я должна отработать ваши затраты? Вот это поворот. Илья тоже так считает? И чем же я, по-вашему, осталась недовольна, что решилась на развод?

– Я хотела сказать, что мы тебе ни в чём не отказывали.

– А я вас ни о чём и не просила. Свадьба была очень красивой, но не затратной. Из двадцати пяти гостей моих было меньше половины. Машину мне подарили за год до брака. Эта квартира принадлежит не только мне, но и вашим вну-

кам. В чём ещё вы можете меня упрекнуть? Я прожила с вашим сыном девять лет и не заслуживаю ваших упреков. Знаете что, вы прожили свою жизнь, а я проживу свою. Мне четвёртый десяток и учить меня поздно. Либо мы с вами остаёмся в прежних отношениях, хотя это вряд ли теперь возможно, либо мы их прекращаем.

– Ты можешь пожалеть об этом.

– Я могу пожалеть и приняв ваши доводы. Чтобы этого не случилось, нам не стоит вообще видеться. Так будет спокойнее и вам и мне. В конце концов, от вас не зависит наше финансовое благополучие. Извините, Соня проснулась.

Виктория не рассказала Илье о визите его матери. Видимо, и Тамара Васильевна скрыла от сына свой визит.

Родители прилетели четвёртого июня. Виктория отметила, что отец слегка похудел и осунулся. Рассказав дочери всё о последних событиях, сели к столу. Здесь же за столом и состоялся семейный совет.

– Вика, ты сама собираешься возвращаться в Питер? Ты не могла не решить этот вопрос для себя.

– Пап, я не знаю. За десять с лишним лет я привыкла жить здесь и меня всё устраивает. На новом месте придётся начинать всё заново. Вы сами, что по этому поводу думаете?

– Теперь нас с мамой в Питере ничего не держит. О живых нужно думать, а на могилу к родителям будем летать раз в год. Память, она в душе, в сердце. Как ты смотришь на то, что мы переедем сюда? Вступлю в права наследства, продадим

квартиру бабушки, а здесь купим пусть и однокомнатную, но поблизости, а лучше рядом. Я по интернету нашёл варианты. Нашу квартиру на Выборгской я сдал на год, а вещи мы с мамой перевезли. Их оказалось не так и много, а Танюшины почти все приехали с нами.

– Пап, когда ты всё успел?

– Да, я сам ничего и не делал. Позвонил в агентство, они приехали, посмотрели, проверили. Теперь это их работа. Продажа долгая песня. Будет реальный покупатель – дождётся, пока приеду. Я и машину свою продал.

– Скажи мне, что я не сплю, пап. Я и не мечтала, что мы сможем жить рядышком, – Вика обняла отца. – Ты меня жалеешь?

У меня всё нормально. Жизнь удалась, пап. Пусть с небольшими погрешностями, но удалась. Я неплохой специалист, у меня двое замечательных детей и любящие родители. У меня нет бытовых и финансовых проблем, и я не одинока. У меня за спиной такой тыл в чине подполковника.

– Мы с мамой тобой и внуками гордимся. Я иногда думаю, не попади ты в историю с Лесниковым, всё сложилось совсем иначе. Вот что значит судьба. Да, Вика, мама не упомянула вас с ребятами в завещании, но написала тебе письмо, – отец протянул ей лист бумаги. – Прочти.

Виктория читала, и на глазах её наворачивались слёзы. Софья Михайловна писала о том, что её сын не сможет обделить свою единственную дочь и внуков. Что не стоит горе-

вать и надо жить дальше. Что лучше всего жить рядом и помнить родных, пока они живы. «Я тебя очень люблю, девочка моя, и горжусь. Спасибо тебе за Сонечку. Она не позволит тебе меня забыть. Всё у вас будет хорошо, а дату уточнять я не буду. Ваша Софья», – писала бабушка в конце. Отец обнял дочь за плечи и прижал к себе.

– Не грусти. Бабушка бы этого не одобрила. Ты знаешь, я голову себе сломал, думая, откуда у неё на счёте миллион рублей? Чем она «приторговывала»? Пенсия у неё была хорошая, но она и жила не особо ограничивая себя в чём-то.

– Бабушка говорила о подарках второго и третьего мужа. Она боялась, что узнают о ценностях и украдут их. Я не придала этому значения, но посоветовала продать, а деньги положить на счёт. – Мам, вам удобно будет с папой в комнате Серёжи, а я заберу его к себе.

– Мы с Сережей останемся в его комнате, а папу устроим в гостиной. Серёжа к деду привыкнет, я уступлю им место. Будут два Сергея жить в одной комнате, а я с девчонками.

Уложив детей спать, Петровские расположились за столом на кухне перед ноутбуком, рассматривая объявления о продаже квартир. Сергей Павлович показал дочери те объявления, которые он просматривал.

– Я не в восторге от вашего района, но здесь всё под боком: твоя работа, сад, школа и не одна. Купим автомобиль, и проблем с отдыхом на природе и рыбалкой не будет.

– А чем моя машина тебе не нравится? Можешь хоть зав-

тра отправляться на рыбалку.

– Не позорь мои седины, дочка. Целый подполковник на красной «дамской» машине. Ты представь генерала в электричке. Не потому, что не по чину машина, а потому, что удивительно. Я не привык к такому вниманию.

– Пап, восемнадцатый дом по улице, а двадцать четвёртый рядом. У нас двор общий, а въезд машин в разные ворота. Это дом, где мы жили, где раньше была наша квартира.

– Если судить по фото и информации – нам подходит. Кухня пятнадцать метров, комната – двадцать. Мне нравится. – Танюша, посмотри картинки сама. Завтра можно позвонить и попроситься на просмотр. Если задержимся, не выго- нишь?

– Буду рада, если вы задержитесь надолго. Мне так не хватало вас и так нужна ваша поддержка.

– Прорвёмся, Виктория Сергеевна.

Глава 10

«Соня, как же нам всем повезло с бабушкой и дедом. Как же здорово, что мы будем жить все вместе», – думала Виктория, провожая родителей в начале июля в Питер. Появился покупатель на квартиру бабушки. Отец, уступивший в цене, летел на сделку, а мама – заниматься багажом к переезду. За десять дней отсутствия Татьяны Ивановны, Илья стал частым гостем, точнее помощником, а Вику ждал ещё и сюрприз в лице Антона. Он появился на пороге её квартиры рано утром.

– Антон? Каким ветром тебя занесло в наши широты? – она сразу узнала его, растерялась, а голос выдал волнение. – Адрес Сергей Павлович дал? Проходи.

– Здравствуй, Виктория Сергеевна, – Антон приобнял её, поцеловав в щёку. – Это тебе, – он протянул букет. – Знаешь, хотел навестить Софью Михайловну, но не успел. Застал в квартире твоих родителей. Ничего не объясняй, я немного в курсе последних событий. Как сама? Как дети?

– Сам всё увидишь. Дети и Илья ещё спят, – Вика прошла на кухню, поставила цветы в вазу с водой. – Красивый букет.

– Твой муж живёт здесь? Это ваша общая квартира или его?

– Это моя квартира. Илья оформил её на меня три года назад, чтобы я почувствовала себя независимой, а может сам

готовился к разводу, – Вика улыбнулась. – Мой бывший муж изъявил желание мне помочь в отсутствии родителей, а я не возражала. В конце концов, это и его дети.

– Переживаешь из-за моего визита или недовольна им? Вика, извини, но мне необходимо было тебя увидеть. Я улечу через пятнадцать часов.

– Ты в своём уме? Прodelать такой путь, чтобы повидаться всего один день после тринадцати лет? Ты улетишь тогда, когда мне обо всём расскажешь. Обещаю не плакаться в жилетку и накормить тебя вкусным обедом. Антон, ты стал совсем другим, – оглядывая гостя со всех сторон, говорила хозяйка. – На лицо ты мало изменился, но как-то повзрослел, возмужал, целый букет черт, характеризующих импозантность. В свой адрес комплиментов не жду. Соне четвёртый месяц, а я никак не могу вернуться в прежний «размер». Делай скидку и на то, что я не ждала гостей в столь ранний час, – она улыбнулась. – Сейчас мы все позавтракаем и составим с тобой план на весь день.

– Пытаюсь держать себя в форме. Обещаю рассказать тебе обо всём, что тебя интересует, но улечу точно по расписанию, – Антон улыбнулся и вновь приобнял Вику. – Тебе помочь с завтраком?

– Я справлюсь, а ты начинай своё повествование.

– Доброе утро, – на пороге кухни появился Илья. У нас гости?

– Доброе, – ответила Вика и представила мужчин друг

другу. – Антон мой гость. Мы не виделись тринадцать лет. Если тебя раздражает его присутствие, мы даём тебе сегодня выходной день, а Серёжа останется с нами. Присмотри, пожалуйста, за Соней. Завтрак будет готов через пять минут.

Илья удалился, а Антон наблюдал за действиями Виктории и слегка улыбался. «Она почти не изменилась, – думал он. – Да, стала чуть старше, набрала два-три килограмма и, кажется, чуть подросла, хотя я не уверен в этом на сто процентов. Время прошло, а я её такой и представлял, или это зрительная память запомнила её фотографию. Как бы там не было, а я её увидел».

– У тебя лихо получается, – сделал он комплимент.

– Повар из меня так себе. Готовить я умею, но долгое время мы пользовались услугами приходящей домработницы, а стала терять интерес к кухне и навыки. С приездом мамы, Наталью Петровну уволили, а на кухне теперь рулит Татьяна Ивановна. Ты в курсе, что они переезжают сюда?

– Я в курсе всего, что происходило с вашей семьёй за эти тринадцать лет. Что-то я знал из рассказов Софьи Михайловны, когда навещал её, а больше всего мне рассказал Сергей Павлович в этот раз. Мы с ним весь день провели вместе. Не сердись на отца.

– Как Валентина Петровна поживает?

– Я давно хотел забрать её к себе, а уговорил только год назад, когда она пошла на пенсию. Знаешь, что самое удивительное? Она почти сразу нашла себе солидного пенсионера,

а через полгода он сделал ей предложение, и у меня появился отчим.

– Ты сам, почему не женишься? – Вика оторвалась от своих дел и пристально посмотрела на него.

– Я не знаю, что тебе на это ответить. У меня были и есть женщины, но строить семью на условиях, а не на чувствах я не хочу. Так что все мои отношения без обязательств.

– Вика, я не буду завтракать. Привезу всё, о чём ты просила и поеду к родителям. Держи Соню. На сегодня у тебя есть помощник. Серёжке передай, что наши с ним планы поменялись и перенесём мы их на завтра.

– Не драматизируй. Мы погуляем с Антоном. У него рейс поздно вечером.

– Тебя отвезти в аэропорт? – Илья с вызовом посмотрел на Антона.

– Если есть возможность – буду признателен. Рейс в 23:30. Мне не хотелось бы опаздывать. Можно я подержу на руках вашу принцессу?

– Я приеду в восемь вечера.

– Вика, мне кажется, он слышал наш разговор и ревнует.

– Это его проблема. А вот и наш принц проснулся. Знакомься Серёжа – это мой друг Антон.

– Вчера я виделся с твоим дедушкой и привёз от него то, что ты просил. Позавтракаешь, и я тебе всё покажу и расскажу.

– Садитесь оба к столу и ешьте, а я накормлю Соню.

Виктория не торопилась выходить из спальни, накормив дочь. Она прислушивалась к своим внутренним ощущениям и понимала, что волнение от встречи исчезло и осталось простое любопытство. Антон был чуть ниже Ильи, на пять лет моложе его и выглядел презентабельнее, но это не вызвало в ней какой-то особой к нему симпатии. Сердце стучало ровно и спокойно. В глубине души, она была благодарна Антону за визит. «Теперь Илья убедится, что я могу быть любима и с его детьми, – думала она, глядя на себя в зеркало. – Мне даже жаль, что я не могу ответить Антону тем же, но это не моя вина». После завтрака вчетвером они вышли на прогулку и провели время на свежем воздухе до обеда, продолжая неспешный разговор. С наступлением зноя вернулись в квартиру. Накормив детей и уложив их спать, Виктория и Антон беседовали за обедом на кухне. Говорил больше Антон, отвечая на очередной вопрос Вики. Проснувшийся Серёжа прервал беседу, приглашая Антона собирать бригантину.

– Вика, у меня, возможно, больше не будет случая сказать тебе самого главного, а ты должна знать об этом. Я тебя люблю. Люблю такой, какая ты есть. Не говори ничего, но знай, если я тебе понадоблюсь – просто позвони и скажи «да». Это всё о чём я тебя прошу, – он обнял её и поцеловал в щёку. – Я обещал Серёже помочь собрать модель.

Позже был ужин, в конце которого появился Илья. Вика тепло простилась с Антоном, обняв его и поцеловав, не осо-

бо обращая внимания на присутствие бывшего мужа, а Антон взял её за руку и произнёс: «Просто позвони и скажи». Илья повёз Антона в аэропорт. Они проехали большую часть дороги, и всё это время оба молчали. Назаров заговорил первым, когда машина выехала из города в направлении аэропорта.

– Откуда ты взялся на мою голову?

– Прямым из Питера. Хотел навестить Софью Михайловну, но опоздал, застав родителей Вики в квартире. Ты чего бесишься? Я не тревожил её тринадцать лет. Её бабушка говорила, что Вика счастлива в браке. Я и теперь не буду ни на чём настаивать, но если она позвонит, я заберу её и увезу туда, куда она захочет. Я люблю эту женщину, но выбор остаётся за ней.

– Ты думаешь, она позвонит? А как же твоя служба?

– Я очень на это надеюсь. У меня достаточно выслуги, чтобы уйти на пенсию, есть гражданская специальность, я на многое готов ради неё и мне ничего не может помешать, прими она моё предложение. Я не виноват в вашем разводе, но и упустить свой шанс не могу.

– Прилетел на разведку? – ухмыльнулся Илья.

– Ты тормоз? В чём хочешь меня упрекнуть? Узнав, что ты разбил ей сердце, я должен был увидеть её и сказать всё, глядя в глаза, а она должна знать, что мои чувства к ней не изменились. Пойми, я не в любовники к ней набиваюсь. Улетаю, как видишь, а не стал задерживаться, стараться казаться

лучше тебя, мозолить ей глаза. Хотя мог позволить себе это. Ты попробуй запретить мне её любить пусть и на расстоянии.

– Не боишься получить в морду?

– Не боюсь, да и не за что. Физически я сильнее тебя и ты это чувствуешь. Твоя злость и ревность не уместна. Я тебя не оскорбил, не унизил, а с Викторией в разговоре, вообще не касался тебя. Я не беру чужого даже в мыслях. Мне как-то на глаза попались строчки:

«Чужая женщина останется чужою.

Важней свою не потерять, а удержать.

Когда вас любят чистой, искренней душою,

Наверно, глупо за чужими вслед бежать...» – Почему ты её предал?

– По собственно дурости.

– А почему развёлся, если признал ошибку? Почему бросил беременную? О чём ты вообще думал?

– Если я скажу, что за меня думали и настраивали против неё, ты поверишь? Это же не оправдание, а полный бред.

– Думаю, скажи ты ей правду, она бы поверила. Ты прожил с ней почти десять лет, она бы тебя поняла.

– Поздно каяться. Я бы многое отдал, чтобы вернуть её.

– Извини. В этом деле я тебе не помощник. Спасибо за доставку. Хотел бы пожелать тебе удачи, но не могу. В этом случае удача пройдёт мимо меня. Прощай.

Илья вернулся в квартиру, когда Виктория и дети уже спали. Два дня, до возвращения Татьяны Ивановны, разговора

об Антоне не заводилось, а Илья вёл себя как-то странно. Он старался меньше попадаться Вике на глаза, хотя находился всё ещё в её квартире и занимался с детьми.

Сергей Павлович Петровский, с чувством исполненного долга, вернулся через месяц.

– Пап, откуда столько вещей в багаже? – наблюдая, как отец вскрывает ящик, спросила Вика. – Ты говорил только об одежде.

– Наследство, дочка. Знаешь, за сколько я продал картину и две статуэтки? Агент посоветовал мне обратиться к антиквару. Я прихватил из комнаты бабушки первое, что попало под руку, и пошёл. Мне, не глядя, вручили триста тысяч. Мог я представить такую цену?

– Почему не продал всё сразу? Какие из нас ценители или коллекционеры? – Виктория улыбнулась, глядя на отца.

– Жаба задушила. Добро всё дореволюционное, правда, я не знаю его истинную цену. Возможно, самые ценные вещи, я уже сбыл. Кто бы мог подумать, что мужа мамы знатоки и ценители. Недвижимость продал, долгов нет, деньги я перевёл в банк, можно покупать квартиру. Ты меня за визит Антона не ругаешь?

– Не ругаю. Пап, он тебе не кажется странным? Огорошил меня утренним визитом, признался в любви, ни на чём не настаивал, вечером улетел, а потом исчез. Курьер доставил мне букет в день рождения, а он сам даже не позвонил.

– Никуда он не исчезал. Служит себе и надеется, что ты

ему когда-нибудь позвонишь. Ты меня прости, дочка, но я не вижу повода не поддерживать с ним связь. Он звонит первым, и я ему отвечаю. Он интересовался твоей жизнью, беседа с мамой, теперь со мной. Что в этом плохого? Мы, своим общением, как-то влияем на твою жизнь? Антон любит тебя на расстоянии столько лет и хорошо знает, что назойливость ему не поможет. Я одного не пойму: чем он хуже Назарова?

– Пап, мы с тобой договоримся, что ты не будешь напоминать мне о моих ошибках и промахах. Мы не будем обсуждать ни того, ни другого.

Прошли два месяца. Супруги Петровские переехали, купив однокомнатную квартиру в соседнем доме, и машину с пробегом.

– Мам, вы ходите ко мне как на работу, – встречая родителей по утрам, говорила Виктория. – Я при вашем содействии и своём бездействии вес не сбрасываю, а набираю. Соне пять месяцев, а я не сбросила ни одного килограмма.

– Выйдешь на работу – набегаяешься, и вес сам уйдёт.

– Нас на прогулке Андрей Степанович караулил. Знаете, что он мне предложил? Поступить в аспирантуру или заняться соискательством.

– Сама что думаешь? – Сергей Павлович собирался с внуком в детский сад.

– Ничего. Поздно мне учиться.

– Не дури. Тебе всего тридцать шесть. Через три года будешь кандидатом наук, а не врачом с категорией. Отведу

внука в сад, и продолжим разговор.

– Вика, может отец прав? У Зиновьева свои расчеты. Дочери и зятю по пятьдесят шесть, ему почти восемьдесят, а у Виктора другая специальность. Ты не отказывайся и на работу выходи, если в этом есть необходимость. Что у вас с Ильёй?

– Ничего нового. Мам, после визита Антона, мы почти не разговариваем или говорим только о детях. Что они наговорили друг другу по дороге в аэропорт, я не знаю, но самое смешное, мне на руку это молчание. Что-то мешает мне общаться с ним как раньше. Ты знаешь, он пригласил меня на свой день рождения. Ровно десять лет назад начинался наш роман, а год назад мы развелись. День в день.

– Пойдёшь?

– Нет.

– Ты не рано записалась в монашки? Есть же у тебя подружки. Встречайся, общайтесь, ну нельзя сидеть в четырёх стенах даже с двумя детьми. Нужно бывать среди людей, дочка. Дети под присмотром. Отец помолодел рядом с внуками, и о Питере не вспоминает.

– Я на день рождения Ирины, пожалуй, схожу. Прислушаюсь к совету деда, начну писать диссертацию. Соня подрастёт, выйду на работу и буду среди людей, – Вика говорила, а мыслями была где-то далеко. С переездом родителей в соседний дом она ощутила «крылья», которые ей давали поддержку и помощь. Теперь это предложение деда. Она

знала, что если захочет, то обязательно справится. А ещё ей хотелось обеспечить недалёкое будущее детей. Она завела отдельную карту, куда перечисляла деньги, полученные от Ильи и бабушкино наследство. Вика не была жадной, но она чётко знала, что нужно её детям, а без чего можно обойтись, что деньги имеют свойство заканчиваться, а источник дохода может забыть об обязательствах, что новые родственники могут и отказаться от неё. Помнила, что её родители обычные пенсионеры, хотя и с хорошей пенсией. Стоило самой как-то строить карьеру и надеяться больше на себя.

День рождения Ильи она «пропустила» поздравив его по телефону после сына. Всей семьёй они поздравили Назарова старшего, но в гости не поехали, отпустив Серёжу с отцом. На день рождения Ирины Виктория всё же решила пойти. Для этого из «старого сундука» достала своё голубое платье. То самое платье, в котором она была десять лет назад на дне рождения Ильи в Турции. Десять лет изменили Вику – она стала на размер больше. Но желание удивить Илью было столь велико, что она обратилась к портнихе. Именно её стараниями платье теперь было по фигуре. Купив светлый жакет и туфли на каблуке в тон, она приехала в ресторан. Илья вспомнил платье. Он весь вечер не отходил от бывшей жены, а потом проводил её домой. Перед тем как войти в подъезд, Виктория позвонила маме.

– Викуся, мы у себя. Дети спят. Соня в коляске. Отдыхай, – ответила Татьяна Ивановна.

– Что-то не так?

– Всё не так. Дети у родителей. Припозднилась мамаша.

– Вика, может мы, наконец, поговорим?

– О чём?

– Обо всём. Ты ни разу не дала мне шанса объясниться.

Сказала, как отрезала. Ты совсем не считаешь себя причиной моей неверности?

– Так. Поднимайся в квартиру, поговорим. Значит, ты считаешь, причина во мне? Допустим, я с тобой соглашусь и приму ситуацию перед аварией. Я была беременной. А как ты объяснишь мне причину развода? Я ограничивала тебя в сексе или была против экспериментов? Может чего-то не добавала, была невнимательна, не заботилась? Чего тебе не хватало? Объясни мне на пальцах, чтобы я поняла и не повторяла промахи.

– Пока Серёжка был маленьким, у меня не возникало чувства ненужности. Когда он подрос и пошёл в сад, мне стало казаться, что я лишний, и вы без меня прекрасно обходитесь. Я ревновал тебя. Слишком много времени ты уделяла сыну, а у меня появились комплексы на его присутствие в спальне. Я не получал того заряда, какой мне был нужен. Вот так и влип.

– А поговорить со мной о своих чувствах и проблемах ты не мог? Я не заслужила твоего доверия за девять лет, и ты решил не разрулить проблему, а разнообразить жизнь? А обо мне подумал? А как бы ты поступил, не стань я свидетелем

разговора? Как долго скрывал свою связь? А чтобы делал, окажись подруга беременной на самом деле? Молчишь? Я предложила развод, и ты ни минуты не колебался. Я тебе упростила задачу – мы развелись. Тебя обманули, и ты вдруг прозрел? Bravo! Мне от этого должно стать легче?

– Когда ты заговорила о разводе, я посчитал это вызовом. Зная твой характер, я решил не давить и подождать, думал, передумаешь или хотя бы поговоришь со мной. Я готов был тебе рассказать обо всём, но ты не дала мне такой возможности. Вика, я не предавал тебя. Я всегда любил тебя и люблю. Неверность не имеет ничего общего с предательством. Да, неверность закончилась выдуманной беременностью, но это моё наказание. В этой истории не всё так просто.

– Надо же, как интересно. Где ты прочёл такую глупость? Все люди временами поступают глупо, но ты явно злоупотребляешь этим. По-твоему, любить одну, а спать с другими – это в порядке вещей? Это многое объясняет в том случае, если твоя любимая женщина, не обманутая жена, а фантом, призрак. Тебе самому не смешно от такого объяснения? Ты не забыл, что у меня уровень интеллекта не ниже твоего? Ты не раскаиваешься, ты сожалешь о том, что «попался» на измене – вот твоя правда. Будь это не так, ты, признав измену, пришёл и покаялся, а не выжидал. Это не я не дала возможности тебе высказаться, это ты ждал, что я буду просить тебя вернуться, и не показывался на глаза два месяца, – Вика грустно улыбнулась. – Скажи: чем мог помешать тебе сын,

засыпая ни рядом, а в другой комнате? Тебе не хватало «заряда» и ты нашёл подзарядку. Чем же они так хороши, что ты теряешь голову?

– Хочешь откровенных подробностей? – он закатил глаза.

– Продолжай закатывать глаза. Может быть, так ты найдёшь свой мозг. Ты сам себя слышишь? Мне не нужны подробности. Я лишь хотела услышать причину неверности. Но так и не поняла, была ли эта причина. Это не сексуальная неудовлетворённость, это поиски приключений согласно поговорке: «Седина в бороду, бес в ребро». Я соглашусь с тобой, что я изменилась, слегка поправилась, но держу себя в форме и выгляжу неплохо, хотя мне далеко до «твоих стандартов». Да, я никогда не была красавицей, но и ты, прости, уже не тот Аполлон, который был десять лет назад. Да, у меня всегда на первом месте будут дети, как бы я не была привязана к мужчине. Да, у меня сложный характер и со мной непросто, но будь он другим, я не справилась бы с ситуацией. Я заставила себя поверить, что трагедии нет, что это очередное испытание, которое я должна пройти, что жизнь не закончилась, что даже самые глубокие раны заживают, что боль – это моя болезнь и инфицировать ею близких нельзя. Я буду работать, строить карьеру, но не в ущерб семье. Я, наверное, смогла бросить работу, сесть мужу на шею и заниматься только детьми, но это была бы уже не я. И кто знает, какая из двух лучшая.

– Такой я тебя и полюбил. Мне нравилась вниматель-

ность, терпимость, педантичность, коммуникабельность, ум и скромность. Именно скромность во всём. Ты не старалась казаться умнее окружающих, тебя принимали в любой компании. Ты не играла роли, ты была собой. Многие женщины тебя не понимали, а мужчины мне завидовали.

– Что же ты не уберёг это сокровище, а поменял на подделку? – усмехнулась Виктория.

– Был уверен, что ты не решишься на крайности, переоценил себя. Разве можно объяснить глупость? А она, как снежный ком, только увеличивалась в размерах. Ты знаешь, что такое отчаяние? Это осознание безысходности, которую ты сотворил собственными руками и по собственной глупости.

– Ты меня прости, но ничего нового я не узнала. Ты хотел поговорить, мы поговорили, но не уверена, что поняли друг друга. У тебя правда одна, у меня своя и они строго параллельны. Для меня изречение «Что позволено Юпитеру, не позволено быку» не работает. Человек не животное и может контролировать свою природу. Мы понимали друг друга без слов, думали одинаково, мечтали об одном и том же и, прежде чем создать семью, прожили четыре года. Какая семья без детей? А ревность к собственным детям, вообще, большая глупость. Ты свой выбор сделал год назад, и говорить об этом не имеет смысла. Что-то я разговорилась. Уже полночь.

– У тебя есть что выпить?

– Всё, что ты не допил год назад, я вылила, но, кажется, в

холодильнике есть коньяк, купленный отцом.

– Вика, я прошу тебя, дай мне шанс начать всё сначала. Я понимаю, что как раньше уже не будет, но мы можем выстроить новые отношения, если будет обоюдное желание.

– У меня нет такого желания. Я не хочу начинать отношения с человеком, которому не доверяю. Я понимаю, Серёже нужен отец, но мне не нужен муж или партнёр в твоём лице. Извини. Допивай свой коньяк, и я вызову тебе такси. Тебя куда везти? – спросила Вика, взяв телефон и собираясь звонить.

– Ты не звонила Антону?

– А должна была? Меня моя теперешняя жизнь устраивает, и я не намерена в ближайшее время что-то менять.

– Я никуда не поеду. Оккупирую диван, а утром извинюсь перед твоими родителями и увижу детей, – он опрокинул содержимое бокала в рот. – Обещаю, спать сном младенца. Завтра выходной и мне торопиться некуда.

– Пиджак сними и устраивайся. Я принесу плед, – выходя в спальню, тихо добавила: – откуда ты взялся на мою голову?

Утром проснувшись, Вика не застала Илью в квартире. Плед был аккуратно сложен, а подушки лежали на своих местах. Она привела себя в порядок, прошла в кухню, включила чайник и услышала, как открылась входная дверь. На пороге стояла мать с Соней на руках.

– Вика, её что-то беспокоит, – волнуясь, сказала Татьяна Ивановна, забыв о приветствии.

– Мам, ей десерта не хватает, – ответила Вика, беря дочь на руки. – Сейчас мы это дело исправим, – раздевая дочь и давая ей грудь, добавила она. Дочь с жадностью присосалась к груди, глядя на мать своими васильковыми глазами. – Нельзя было лишать принцессу кормления на ночь. Пусть десерта не так много, но сам факт приёма нужен. – Мам, я знаю, чего ты от меня ждёшь. Посидели в ресторане весело. Илья проводил меня, а после звонка тебе мы поднялись в квартиру. Разговаривали долго, но спокойно. Он просил дать ему шанс. Я отказала. Вёл он себя сдержано, а я старалась держаться от него подальше, чтобы не было искушения. Попросил выпить. Выпил, отказался уходить и уснул на диване. Проснувшись, я не застала его в квартире. Это всё.

– Почему ты не дала ему шанса?

– Я ему не верю, мама. Знаешь, мне очень жаль Серёжку. Он в последнее время очень привязался к отцу, а мне всё труднее ему врать, что папа живёт отдельно временно.

– Он и мне задавал вопрос: «Когда папа с мамой помирятся, и мы будем жить вместе?»

– Мам, я не представляю нашу совместную жизнь с Ильёй. Да, обида прошла, но отношений, которые были, нам не вернуть. Мы жили не просто дружно, мы были счастливы. Куда всё ушло? Может я, действительно, чего-то не понимаю и слишком многого хочу?

– В отношениях часто бывает кризис. Не ищи причину. Ты можешь его простить и отпустить, а можешь простить и

принять. Вы стали старше, мудрее, и отношения могут сложиться ещё лучше, чем были. Не нужно сравнивать, что было и что есть. Я приму любой твой выбор и буду уважать его, но и ты прислушайся к своему сердцу. Вика, ты ведь до сих пор любишь его и сама себя пытаешься убедить в обратном. Разве оно того стоит? Сделай шаг навстречу и посмотри, что из этого получится. Хочет вернуть тебя, пусть начинает всё сначала.

– Как ты себе это представляешь?

– Викуся, он жил здесь в моё отсутствие. Пусть поживёт снова какое-то время. Он сам поймёт, готова ли ты к примирению, и тебе будет легче себя понять. Но, будь готова поговорить с отцом. Отец его примет ради тебя, как ты это сделаешь ради сына, но доверять ему он не сможет. – Татьяна Ивановна вздохнула и посмотрела на дочь. – Вика, я хотела поговорить о Климовых. Мне кажется, что нам стоит с ними, если не дружить, то приятельствовать. Светлана Андреевна скучает по внукам. Ты можешь относиться к ней как угодно, но она бабушка твоих детей.

– Мам, ты напрасно беспокоишься. У нас с ними прекрасные отношения, а не приходит она сюда, скорее, из-за тебя. Может, стесняется, ревнует, боится показаться навязчивой. Поговори с ней сама. И ещё: мам, она мне, как коллега, старшая подруга, что ли, но не более того, – Вика обняла мать. – Мне никто не заменит папу и тебя. Климовы – это наши хорошие знакомые, со своей непростой судьбой. Они бывали у

меня до рождения Сони. И сама Светлана Андреевна заходила с подарками внуку, и Витя с Ириной. У меня и Андрей Степанович здесь был, я говорила тебе.

– Нас Андрей Степанович пригласил на свой день рождения. Пойдём?

– А почему нет? Мам, мы знакомы пять лет. Они не ждут от меня признания родства, понимая, что этим ничего не изменить. Мы просто хорошие приятели, коллеги. Да, редко встречаемся, но общаемся же. Мы с Виктором приготовили ему отличный подарок.

– Что купили?

– Напечатали его монографию. Когда Виктор женился, Климовы переехали к отцу, а Виктор с женой остались в их квартире. Виктор принёс мне все бумаги деда, которые хранились в его квартире. Думаю, что дед сделал это специально. Виктор пошутил, что в них есть целая готовая диссертация. Я пока была в декретном отпуске, разобрала это всё, классифицировала, и вышло очень даже ничего. Ты знаешь, сколько у него званий? А как он оперировал в свои семьдесят два? Мам, я начала сомневаться, что такой человек мог так поступить. Я дважды использовала его приём в своей практике. Но как мне страшно было на это решиться. Вот так дважды я спорила с самим Сократом, который говорил: «Все профессии от людей, и только три от Бога: врач, педагог и судья». Мне так хотелось доказать Зиновьеву, что я не хуже. Глупо, но я так и думала.

– Я когда разговаривала со Светланой, спрашивала о клинике. Она мне всю её историю рассказала, с самого начала. Это же старинное купеческое здание, ставшее первым роддомом, в нём она и родилась. И новое здание клиники мне нравится. Так что с монографией?

– Она прошла рецензию, и мы её отпечатали в типографии. Что-то подарит любимому университету, что-то друзьям, а я свой экземпляр уже изучаю.

– Поэтому ты не дала согласия на соискательство? Старик надеялся, что как-то поможет тебе.

– Mam, у меня свои мысли есть. Зачем мне чужие? А о нём лишний раз вспомнят.

– И всё-таки, ты с его предложением соглашайся. Будешь у нас кандидатом медицинских наук. У тебя появится возможность надолго задержаться в клинике. Климовым по пятьдесят шесть. Сколько им дадут ещё поработать? – говорила Татьяна Ивановна, накрывая стол к завтраку.

Домофон сообщил о приходе внука с дедом, и почти сразу, пришёл Илья с букетом. Серёжа бросился на шею отцу, а тот растерялся, увидев чету Петровских.

– Пап, ты к нам насовсем? А почему без вещей? – глядя на отца, с надеждой спросил сын.

– Сынок, мы всё решим после завтрака. – Проходи, Илья. Мама в курсе нашего разговора и моего решения, а папа ещё нет.

– Мне объяснять ничего не надо. Решение дочери я приму

любое, но ты моё доверие должен заслужить, если не хочешь стать для меня врагом номер один, – Петровский взглянул на Илью. – Я сам не святой, могу понять и простить ради дочери, но только один раз.

– Пап...

– Что пап? Сбежит второй раз, так и не узнав моего мнения о себе. Пусть слушает. – Я никогда не был в восторге от тебя, Илья, и очень надеялся, что ваша дружба продлится год, два. Ты оказался сообразительным малым, принял все условия Вики, хотя тебе это не нравилось, и не прогадал. Или ты был несчастлив девять лет? Я бы мог порадоваться, что «пристроил» дочь, выдав её замуж за состоятельного мужчину, если бы она была никем. Но моя дочь не абы кто. Она хороший врач, заботливая и любящая мама и дочь, замечательная хозяйка и верный друг. Как-то радости у меня не получилось уже после встречи с твоей семьёй. Подумал, что дети должны быть лучше родителей, и ошибся. Я сам не без греха, но никогда не жил во лжи. Нельзя любить человека и лгать ему. Почему не сказать всё как есть до того как тебя уличили? Если не нашли выхода, расстаться по-хорошему? Тебе понадобился год, чтобы понять свою ошибку? А ты можешь себе представить, что чувствовала она весь этот год? Чего стоила тайная беременность, развод, роды? Ты, друг мой, не понимаешь до конца всего, что сотворил. Я, будь на месте Вики, наставил бы тебе рога. Самому дал почувствовать всю «прелесть» измены. Ты, не единственный мужчина, чтобы

держаться за тебя даже из-за детей. Тот, кто полюбит женщину, полюбит и её детей. Прежде чем возвращаться в семью, хорошо подумай. Твои дети маленькие и им пока нет разницы приходящий ты папа или постоянный, а я свою дочь тебе обижать не позволю. Я не пугаю тебя, но предупредить должен. Вот теперь всё.

– Ты думаешь после твоей пламенной речи остался аппетит?

– А что я сказал не так или не то? Вид у меня спокойный, голос я не повысил, сказал то, что думал, и теперь у меня нет камня за пазухой. Было бы лучше, если я принял его без разговора и вынашивал всё это в себе?

– Сергей Павлович прав. Я обидел не только тебя, но и твоих родителей, искренне прошу у вас прощения. Тому, что произошло, нет оправдания. Я хочу вернуться в семью и сделаю для этого всё, если Вика позволит.

– Вика позволит, но начнём мы с уже проверенного условия твоего проживания в комнате Серёжи, а дальше посмотрим, – сказала Виктория. – Илья, я ничего тебе не обещаю, но попробовать могу. Может из этой авантюры что-то и получится.

– Значит, мне дела нужно сдавать? Теперь покупку продуктов мне «передать» ему? А сопровождение в детский сад тоже отнимите?

– Пап, утром Серёжу в сад отводит Илья, а забираем мы. Ты у нас главный завхоз и знаешь, где купить свежие про-

дукты. Мы не будем тебя увольнять, – улыбнулась Вика. – Ты собирайся и поезжай на рыбалку. Скоро лёд встанет, а ты так и не поймал ни одной рыбки. – Мы будем обедать и ужинать в этой квартире, как это было раньше. Вдвоём с мамой мы и обед приготовим, и за Соней присмотрим.

– Не переживай, Илья. У нас с Татьяной и своя жизнь есть. Мы у дочери не в няньках, а в помощниках, ну, немного и в «нахлебниках». Пообедали, поужинали и удалились по месту прописки.

– Как вы устроились?

– Отлично! Седьмой этаж, кухня –15, комната –20, прихожая, санузел и балкон приличные. Мы купили себе только кровать и диван для внука. Остальное вошло в стоимость квартиры. Умный хозяин разделил комнату на две зоны: спальня на подиуме с окном и гостиная через прозрачную перегородку. Света много, зеркал. Нам места хватает. Зайди оценить. Мы и машину купили 2015 года с пробегом. Так что, мы с Татьяной в полном шоколаде: дочь и внуки рядом, жильё своё, «ласточка» под боком и пенсия хорошая.

– У вас были на сегодня какие-нибудь планы? Мы можем до обеда прогуляться с Серёгой, если у него есть желание.

– Пап, пойдём в развлекательный центр.

Обед прошёл по-семейному. Прощаясь перед уходом, отец Виктории улыбнулся:

– В детский сад не проспите, семья. Увидимся завтра.

Пока Илья занимался детьми, Вика разобрала его вещи, и

определила их в шкаф в комнате сына.

– Илья, нас Андрей Степанович пригласил на день рождения. Ты с нами?

– Тебя это не смутит?

– Нет.

– Вот и хорошо. Пусть все видят, что блудный отец вернулся «на щите».

Большая столовая в четырёхкомнатной квартире в центре, вместила всех гостей. Кроме семьи Петровских и Ильи, здесь присутствовали все Климовы, мама Ирины, виновник торжества и два его ученика. В этой семье было принято принимать подарки при встрече гостей, а вот рассматривать, после их ухода. Виктор и Вика не могли ждать и «подключили» к этому делу правнука. Мальчик сразу понял, чего от него хотят, ведь ему было почти пять лет.

– Дедушка, ты о чём книжки пишешь? Сказки?

– Какие книжки, Серёжа?

– Мама заворачивала книжку в красивую бумагу, я спросил: чья она? А мама ответила, что её написал ты. Ты сказочник? – вопрос был поставлен таким тоном, что вызвал улыбку всех за столом.

– Сказочник я ещё тот. Ты пойдёшь в кабинет, найди этот подарок и принеси сюда – будем читать, – он вопросительно посмотрел на Викторю и начал разворачивать подарок. Автором монографии был он. Мягкая красивая обложка с названием и его фамилией. На обороте обложки портрет и все

его звания. Зиновьев смутился. Он полистал книжку, справился с волнением и посмотрел на Вику. – Твоя работа?

– Общая.

– Ты могла написать диссертацию. Почему?

– Дед, мы думал, ты оценишь наши труды.

– Я, Витюша, и ценю. Мне лестно, что это будут читать, кому-то это пригодится. Мне не хватило духу закончить всё самому.

– Виктор привезёт тебе весь тираж, и ты оставишь свой автограф минимум на сотне экземплярах – это для университета, есть целый список желающих на приобретение.

– Спасибо, ребята, – смахивая слезу, он обнял внуков. – Виктория Сергеевна у нас не только «рукастая», но и умная. У неё медицина в крови, а значит и будущее медицины за ней. И для меня есть смена.

– Вика не только хороший акушер, она и тонкий психолог, – Светлана Андреевна улыбнулась. – Многие хотят рожать только у неё.

– Вам не кажется, что сегодня день рождения не у меня. Будете петь мне дифирамбы в августе.

Теперь разговор вертелся вокруг акушерства и гинекологии. А как могло быть по-другому? Из двенадцати присутствующих – семь женских докторов, один хирург и два неонатолога. В конце споров, ученик Зиновьева, профессор медицинского университета, взял под свою «опеку» Викторю. «Сами выберете тему или помочь?» – он улыбнулся.

«Я справлюсь», – ответила Вика. Дальше разговоры пошли о внуках и правнуках. Зиновьев поинтересовался, как устроились семья Петровских, и не снится ли им Питер.

– Виктория, ты на работу не собираешься? Серёжа в саду, Соня под присмотром, – поинтересовалась Светлана Андреевна.

– Есть проблемы?

– Сосватали нам доктора на твоё место. Как специалист она хорошая, но очень высокомерная и скандальная. Муниципальное здравоохранение наложило свой отпечаток, а может и характер такой. Ещё одна жалоба и я её уволю, не смотря на протекцию.

– Позвоните, когда уволите.

– А чего ждать? Ты можешь писать заявление и выходить на работу, а при неполном рабочем дне получать и пособие и зарплату, – сказал Климов, поглядывая на жену.

– Будет проще, если вы уволите сразу сотрудника, а потом пригласите Вику. Так у коллектива не будет повода обсуждать ваше особое отношение к ней, – предложил Илья.

Уже три недели утренний разговор Вики с матерью начинался с вопроса Татьяны Ивановны:

– Как у вас дела?

– За прошедшие сутки на нашем фронте всё без перемен, – улыбалась дочь, – ни диверсии, ни натиска, ни обороны.

– Вика, я не об этом. Что ты мать в краску вгоняешь? Я

всё поняла бы и без вопроса. Меня больше тыл беспокоит, чем передовая.

– Мам, я решила сесть за диссертацию. Время у меня есть, а пока Соня не ходит, ей «пастух» не нужен. Ты заметила, что наша принцесса ползает только по напольному покрытию. Маленькая, а соображает, что по ковру ползти проще, чем по ламинату.

– Будешь звонить Андрею Степановичу?

– Позвоню, справлюсь о здоровье, приглашу в гости. Попрошу Виктора, чтобы он привёз его. Думаю, дед совет даст, и правнуков увидит.

Глава 11

– Сергей Павлович, мне нужно поговорить с вами.

– Пойдём, прогуляемся, я покажу тебе квартиру, посмотришь, как мы устроились и поговорим.

– Я не знаю, что мне делать, – начал Илья, рассеяно оглядывая квартиру Петровских. – Вам здесь удобно?

– Нам здесь комфортно, – улыбнулся отец Виктории. – Ладно, тебе я вижу не до экскурсий. Присаживайся и рассказывай, что не так.

– Вика не может меня простить, а я не могу больше ходить с видом побитой собаки. Мы общаемся, но это общение не даёт даже намёка на прощение. Что мне сделать, чтобы она стала мне хотя бы доверять? Я и уйти не могу, и оставаться нет сил. Прошли три недели, а ничего не изменилось. Тот же тон, тот же взгляд. Мы не приблизились ни на шаг. Она не позволяет сделать это ни себе ни мне.

– А чего ты ждал, Илья? Вы больше года по твоей милости в разводе. Ты попросил у неё шанс, она тебе его дала – пользуйся. Ты представь на мгновенье, что Соня дочь другого мужчины. Ты смог бы простить жене такой «подарок»? Сомневаюсь. Как же тебя угораздило вляпаться в историю? Не мальчик, пятый десяток разменял, – вздохнул Петровский. – Хотя, о чём я говорю? Мне самому пятьдесят стукнуло, когда крышу сорвало.

– Этой истории больше двадцати лет. Жанна Спиридонова пришла в наш класс, когда мне исполнилось пятнадцать. Тихая, скромная и очень красивая девочка. Звёзд не хватала, но училась хорошо. Девчонки завидовали, а парни потеряли голову не только в нашем классе. Мы даже подружились, но не надолго. За год Жанна освоилась, повзрослела, кардинально изменилась и начала своими природными данными пользоваться. Меня, худого и длинного ботаника теперь даже не замечала. Как же я её любил и ненавидел одновременно. После школьного выпускного, я потерял её из виду. Я стал студентом университета. Слышал, что она поступила в педагогический институт. Встретились мы три года спустя. За три года я очень изменился, посещая качалку, да и гардероб мой стал соответствовать возрасту и моде. Одним словом, начали мы встречаться. Мне казалось, это то, чего мне не хватало в жизни. Я познакомил её с родителями, братом и сестрой. Она представила меня своей семье. Прошли полгода, и она стала говорить о свадьбе. Я не возражал и собирался сделать ей романтическое предложение в день Святого Валентина. С утра купив цветы, я отправился к ней на квартиру. Кто же знал, что меня там не ждали. Она открыла дверь и растерялась. Меня там не просто не ждали, обо мне там не думали. Всё, что мне нужно было, я увидел, бросил цветы на кровать и залепил ей пощёчину. Скандалить не имело смысла, ведь я не собирался продолжать никаких отношений. Дня через два меня подкараулили у дома деда и провели «воспи-

тательную» работу. Били на совесть, дали сроку неделю, но я отказался вернуться к ней. «Воспитание» продолжили, и я оказался на больничной койке. Там, в больнице меня навестил её отец, авторитет в нашем городе. Но пришёл тогда, когда у моей постели сидел мой отец. Наверное, это меня и спасло. Отец был в городе не последним человеком. Больше угроз не было, как и мордобоя. Мало того, мне выплатили хороший моральный ущерб. С тех пор я Жанну не видел, да и слышать о ней не хотел, – Илья усмехнулся, вспоминая прошлое. – Когда Вика с Серёжей улетели в Питер, меня пригласили на вечер встречи выпускников. Я решил принять приглашение. Прошли двадцать пять лет со дня окончания школы. Было интересно узнать, как сложилась жизнь нашего класса. Из двадцати девяти человек, в ресторан пришли всего девятнадцать. Знаете, мне не пришлось ни завидовать, ни огорчаться. Я оказался не в первой тройке, но где-то близко. Продолжили мы на квартире у Жанны уже вшестером. Спиридонова Жанна Игоревна известный в нашем городе психолог, занимается частной практикой. Кто и когда разошёлся, не знаю, а я проснулся в чужой постели с Мариной. – Он замолчал, вспомнив откровенный монолог: *«Извини, – сказала она без всякой тени смущения или стеснения, усевшись по-турецки, будучи голой. – Будем знакомиться? Я Марина, племянница хозяйки квартиры. Не могла сдержаться себя, наблюдая картину встречи одноклассников. Тётя и в сорок лет форму не теряет. Я не ангел, но согласись, что*

гораздо моложе и сексуальнее Жанны. Ты был на высоте, и ты мне нравишься. Подумай, что теряешь. Мы можем продолжить общение. Тебе кофе или вино?» – По части соблазнения у этих двоих хорошая школа. Одним словом, я влип. Ладно, я поддался соблазну, изменил, но мне и в голову не могла прийти мысль о разводе. Я любил и люблю Вику. Как я мог решиться на развод? Зачем? Даже узнай Вика обо всём, я не собирался свою жизнь связывать с Мариной. Или всё же собирался? Во мне как будто жили два человека. Один осознавал, что делает что-то не так, а второй продолжал делать это добровольно и находил бредовые объяснения. Снял ей квартиру, и жил месяц, как на пороховой бочке, возвращаясь вечерами домой. Первое время, мне казалось, что я вернулся в наше с Викторией прошлое, но быстро понял, что ошибся. В тот день, когда Вика видела нас у детского сада, мне сказали о беременности.

– Знаешь, пару дней назад, я слышал один анекдот, он о таких, как мы. Организм ослаб, мозг собирает экстренное заседание, чтобы найти скрытые резервы. Слово берёт селезёнка: «У нас два лёгких. Можно одним пожертвовать». «Нельзя. Мы так загниёмся ещё быстрее», – объясняет ей мозг. «Можно оставить одну почку» – предлагает селезёнка. «С одной почкой – не выживем». «Есть ещё два яичка, – радуется селезёнка. – Мы проживём и с одним!» Встаёт член и говорит: «Вы проживёте, а я нет». Мозг кричит ему: «Сядь немедленно! Ты, когда встаёшь, я сам перестаю что-либо со-

ображать». Меня интересует другой вопрос: почему из всех мужиков выбор пал на тебя?

– Не знаю. Лёшка Хромой, Хромов, выглядел гораздо лучше меня, да и в бизнесе круче. Он женился не так давно второй раз на молодой особе. Влад Таранов – крепко стоит на ногах, но как-то «заматерел». Костя Китаев – закоренелый холостяк, после раннего брака. Я временно оказался «холостым».

– Возможно, это дело случая и тебя просто обработали за время отсутствия Вики, а, возможно, ты и был конкретной целью за прошлую обиду. Какая конечная цель была у всей этой авантюры?

– Если бы после суда, Вика на прощание не бросила фразу: «Твоя подруга не беременная. Поверь акушере со стажем», я не знаю, когда и чем бы всё закончилось. Меня как будто током пронзило. Я повёз Марину к врачу. Была истерика, был звонок тётке, но я своего добился. Беременность оказалась выдумкой. А цель была вполне себе реальной – выйти замуж, жить красиво и при этом меня наказать. Для этого все средства хороши: гипноз, которому я поддаюсь и лекарства, которыми меня «лечили» от депрессии. Спиридонова, таким образом, отомстила мне за несговорчивость в молодости и хотела «пристроить» племянницу в хорошие руки. Вы понимаете, что выложить всё Вике я не могу. Во-первых, это неправдоподобно, а во-вторых, это не оправдание. Дорогие подарки ваша дочь не признаёт, и чем её уди-

вить, я понятия не имею. Из того, что подарил только и носит часы да смартфон, а все кольца и прочая ерунда так и лежат в сейфе. Да и не примет она ничего, скажет, что покупаю.

– Может, тебе её куда-нибудь вывезти развеяться, сменить обстановку, набраться новых впечатлений? А что? Это хорошее предложение. Сейчас зима, а ты её окуни в лето. Возможно, оттает. Где вы с ней не были или куда бы она хотела вернуться? Хочешь, я поговорю с женой? Может Таня что посоветует. Этот год был для всех непростой, а ты ещё и полгода прошлого ей испортил. Ты не сердись, Илья. Я могу посоветовать и то, если того совета попросят, а решать Вике. Уговаривать я её не буду, не надейся.

– Уговорами здесь не поможешь. Пока она сама не решит – это бесполезное занятие. Поговорите с Татьяной Ивановной и сами подумайте: справитесь вы с детьми, если я её увезу на неделю?

– Думай куда повезёшь. Соне, пока вы решите ехать, восемь месяцев исполнится – это не грудничок, справимся. Серёжка парень взрослый – через полгода пять исполнится. Да и неделя небольшой срок. Нужно что-то менять, Илья.

Илья взял путёвки в ОАЭ на семь ночей с семнадцатого по двадцать третье декабря, о чём сообщил Вике десятого числа. Она дала согласие на поездку. «Лёд тронулся, – сказал, глядя на жену, Сергей Павлович. – За нами, Танюша, дети. Нужно не подкачать».

Вика помнила поездку в Дубай. «Это было весной две ты-

сячи девятого. Наши отношения только начинались, и мы были такими счастливыми. Всё было так романтично. Почти десять лет прошло, а я помню и Турцию, и Эмираты, и Лондон, и Венецию. Если бы не он, вряд ли я побывала в таких местах», – думала она, пакуя чемодан. Она знала, что нужно брать с собой, чтобы выглядеть в арабской стране должным образом. В ее чемодан ложились длинные, легкие юбки на резинках, удлинённые туники с длинным рукавом, узкие тонкие брюки. Учитывая перепад дневных и вечерних температур, светлым джинсам было отведено почетное место. Она даже купила два широких длинных шарфа из шифона на голову.

Устроившись в отеле «Миллениум Плейс Дубай Марина» и проведя полдня и вечер вне него, они вернулись уставшие, но довольные. Приняв душ, Виктория всё оттягивала лечь в кровать. С одной стороны она боялась почти забытой близости, с другой стороны сомневалась в своей сексуальности и реакции Ильи на «новую» Викторию. Прошли почти полтора года с тех пор, как она была его женой. Илья подошёл к ней, взял за плечи, развернув лицом к себе, заглянул ей в глаза:

– Сомневаешься?

– Скорее трушу, – не отводя взгляда, ответила она.

– Я тебя не тороплю. Пойдём спать. У нас завтра много планов.

Вика легла на большую кровать как можно ближе к краю и

закрыла глаза. Сон не шёл, а слёзы, которым она не находила причины, медленно стекали по щекам. Она лежала тихо, плача без звука, но её «выдал» нос.

– Что случилось, Вика?

– Не знаю. Я уже и забыла, когда плакала без причины.

– Всё будет хорошо, – Илья обнял Викторию и прижал к себе. – Я помню запах твоих волос.

– А у тебя новый парфюм и он тебе не идёт.

– Я опрометчиво выбросил флакон, а название никогда и не знал. Купил то, что предложили. Я и зубную пасту менял несколько раз, но так и не «нашёл» свою. Оказывается, из-за таких мелочей испытываешь большие неудобства. Я понятия не имел, какой у меня размер вещей и белья. Я знал, где, что лежит и весит в шкафу, а при покупке не заморачивался на размерах. Этим «заведовала» ты. Не учёл и того, что я, скажем так, возмужал. Мои покупки оказались бесполезными, и мне пришлось обратиться к Ирине. Вика, я очень скучал и много думал, думал и скучал. Мне не хватает тебя. Даже твоё равнодушие и холодность я готов был терпеть, лишь бы чаще видеть. Прости меня.

– Если бы ты только знал, что стоило мне это равнодушие. Нет, я не собиралась тебя прощать или возвращать. Я хотела тебя забыть, а ты своими визитами не давал мне этой возможности. Как же мне хотелось кричать, бить посуду, швырять в тебя вещи, лишь бы не видеть тебя. Но я не могла себе этого позволить на глазах сына, а может, мешало воспита-

ние и страх за нерождённую дочь. Я столько тебе наговорила наедине с собой, что, выговорившись, успокаивалась. Судя по прожитым месяцам, Софье Ильиничне было глубоко плевать на состояние матери. Она родилась легче, чем Серёжа и растёт спокойнее, хотя должно быть наоборот.

– Засыпай и пусть тебе приснится хороший сон, – не выпуская Вику из своих объятий, сказал Илья. – Спокойной ночи.

Илья проснулся с первыми лучами солнца и лежал минут пять тихо, боясь потревожить сон Виктории. Он приподнялся на локте, и, подперев голову рукой, смотрел на такое родное и любимое лицо. Чуть припухшие губы, тонкие брови и длинные ресницы, вот-вот готовые вспорхнуть и открыть взору глаза, бездонные как океан, в которых он раньше тонул. Волосы не длинные, но густые, тёмно-русые с красивым золотистым отливом разметались по подушке. Илья осторожно убрал с её лба прядь, мягкую, как шёлк. Вика пошевелилась, лёгкое одеяло чуть съехало, приоткрыло её плечи и немного грудь. Глядя на знакомые изгибы чуть обнажённого тела, в нём проснулась такая нежность, что он не удержался и прикоснулся губами к её виску. Виктория открыла глаза, улыбнулась и тихо прошептала: «Да». Первый поцелуй был лёгким и нежным, второй – продолжительный, третий – страстный. Потом их было много. Они покрывали лицо, шею, опускаясь всё ниже. Волна желания накрыла обоих. Время остановилось, звуки замерли, лишь прерывистые

дыхания напоминали, что они есть и они здесь...

Организацию отдыха Вика доверила Илье, и не ошиблась. Так она не отдыхала даже десять лет назад. Экскурсии и прогулки, обеды и ужины, шопинги доставляли ей удовольствия не меньше чем арабские ночи. Столько внимания, заботы и нежности она не чувствовала давно. Назаров был таким, каким она его помнила в две тысячи девятом. Он не сорил деньгами, но предугадывал все ее желания, смотрел на нее так, как будто они только познакомились. В своих «белых» одеждах она напоминала ему ангела. Она не была похожа ни на арабку, ни на европейку, но он видел любопытные взгляды, которыми многие провожали Вику. Даже шарф на голове, повязанный причудливым образом, был ей к лицу.

Дубай ей казался красивой сказкой. Ей нравилось здесь все: наземное метро, позволяющее насладиться панорамой, небоскребы, от высоты которых у нее захватывало дух.

– Илья, Дубай – это рай для туристов и шопоголиков. Меня размеры не просто впечатляют, они приводят меня в ступор, в замешательство. Я помню, мы многое видели своими глазами десять лет назад, но грандиозное строительство небоскрёбов продолжается. Бурдж – Халифа ни просто самое высокое здание в мире и местная достопримечательность, это одно из чудес света! А, «Дубай Молл»? Собирает толпы туристов. За день его не обойдешь, если это надо, настолько он масштабен. Это город в городе! Каждый торговый центр – достопримечательность. Это не просто место

для шопинга, это невероятные возможности для самого разнообразного отдыха, – говорила она Илье. – Возможно, тогда это воспринималось иначе, но сейчас меня эмоции переполняют.

– А что тебе не понравилось за четыре дня?

– Мне понравилось даже то, что меня игнорируют рядом с тобой, тем самым указывая место женщины. А я принимаю это, как игру. Высокопоставленной особе не положено общаться напрямую со слугой, – улыбнулась Вика. – Я, позвонив утром домой и, узнав, как дела у детей, забываю обо всем на свете. Беру пример с бабочки, которая дарит нам красоту, напоминает о том, что жизнь быстротечна. Хочу быть красивой, свободной, окрылённой счастьем и принимать каждый день, как подарок.

– Ты довольна поездкой? – спросил Илье, нежно ее целуя.

– Я счастлива! Плыву в эти дни по течению и ни о чем не думаю. Не загадываю наперёд и живу настоящим. Разрешила себе ошибаться, меняться, удивляться, не оправдываться, не брать на себя лишнего, не бежать впереди паровоза, но и позади не бежать. Отпускать тех, кто уходит, и уходить самой от тех с кем не по пути. Я пыталась тебя забыть, но ты не дал мне этого сделать. Даже если наши отношения закончатся, я ни о чём не жалею.

– Они только начались и продлятся долго. Мой Ангел снова со мной.

– Ангел, которого ты лишил крыльев? – грустно заметила

Виктория.

– Я подарю тебе новые крылья, и ты сможешь вновь летать. У меня дороже вас никого нет, и вряд ли я допущу очередную потерю. Ты у меня необыкновенная женщина и самая любимая, – нежно целуя её, говорил Илья...

За день до отъезда, после завтрака направляясь на очередную прогулку, Виктория решила на разговор, который «вынашивала» два дня.

– Илья, как ты считаешь, мы неделю справимся с детьми в новогодние каникулы без моих родителей? Год был непростым не только у нас, но и у них. Хорошо бы отправить их сюда на недельку. Они отдыхали, когда я вернулась из Турции в две тысячи восьмом. Купила им путёвки и чуть не силой отправила отдыхать, оставаясь со стариками. Сложнее было с мамой. У неё учебный год, а я её в отпуск на неделю. Только я не могла поступить по-другому. У них начинались новые отношения, после папиного возвращения. Нельзя сказать, что они не отдыхали, они никогда не путешествовали. Правда, я не знаю, что у них с паспортами. Свой я меняла уже трижды, благодаря тебе. Серёжка подрастёт и можно привезти его сюда, а Соня для шестичасового перелёта маловата.

– Вика, мы можем сделать бронь прямо здесь, а потом её отменить, если нет паспортов. Можешь позвонить родителям, узнать о паспортах, а я позвоню в агентство. На сегодня главное паспорта и билеты на перелёт.

Виктория с Ильёй вернулись двадцать четвёртого числа, а через три дня Илья принёс путёвку в Дубай на двоих с третьего по девятое января.

– У вас пять дней на сборы. Вылет третьего в восемь двадцать, приземлитесь в Эмиратах через шесть часов, а учитывая разницу в часовых поясах, там будет одиннадцать. Что-то вроде новогоднего подарка.

– Кому мы обязаны таким вниманием к нашим скромным сединам? – спросил довольный Сергей Павлович.

– Вика предложила, а я согласился и всё сделал. Начните путешествовать в Новом году.

– Как же вы одни справитесь? Да и не устали мы. Хоть какая-то забота появилась.

– Татьяна Ивановна, во-первых, у нас каникулы до восьмого числа, а во-вторых, вы вернётесь десятого числа. Кроме того, если будет необходимость, я могу работать удалённо. Мы с Серёжкой скучать не будем. Нам могут помешать только морозы или метели, а Вика с Соней справится сама или составят нам компанию. Вы не переживайте, справимся.

– Мам, я тебе помогу определиться с вещами, а папе расскажу о правилах поведения в арабской стране, найдя статью в интернете. – Пап, у меня будет к тебе только одна просьба – не экономьте на себе. Проживание и питание оплачены, но там много того, что стоит посмотреть, а за это нужно платить. Хочешь проехать по пустыни на джипе – вперёд, на верблюде – седлай. Не надо экономить, нужно попробовать.

Загорать на пляже можно, а вот купаться лучше в бассейне, вода в заливе всего двадцать четыре градуса. Температура воздуха к вечеру падает – это нужно учитывать.

– Понял я всё. Пройду ликбез по правилам поведения и не буду скупердяем. Деньги в валюте брать?

– О финансовых вопросах поговори с Ильёй. Он тебе лучше объяснит. Будем готовиться к празднованию Нового года и вашей поездке одновременно.

Новый 2019 год отметили в квартире Виктории, поставив в гостиной лесную красавицу. Проводив родителей после двух часов, Виктория посмотрела на Илью, и он понял, о чём пойдёт разговор.

– Светлана Андреевна звонила? Поздравила с Новым годом, и ты хочешь поговорить о выходе на работу.

– Пока скажу только то, что она нас завтра навестит с мужем, а разговор о работе преждевременный. Я не знаю, какой график мне предложат, – улыбнулась Вика.

– У меня будет только одна просьба: работай только доктором и заканчивай свою диссертацию. Зачем нужна административная нагрузка?

– Я тебя поняла, да и место заведующей занято, – вновь улыбнулась она.

– Раз у нас будут гости, может, мы с Серёжкой поедem к родителям?

– Поезжайте. Я отправлю родителей утром третьего на такси в аэропорт и присоединюсь с Соней к вам.

– Так не пойдёт! Я приеду за вами часов в десять – это будет правильно, – обнимая Викторию, возразил Илья.

– Спасибо. Допьём шампанское и пойдём спать.

– Обязательно допьём, но, дать тебе сразу уснуть, у меня не получится...

Вика, проводив Илью с сыном в дом Назаровых, собиралась с родителями обедать, когда приехала Светлана Андреевна с мужем и подарками для внуков. Пригласив гостей к столу, она знала, о чём пойдёт речь. Климов сам начал разговор.

– Виктория, ты Соню кормишь?

– Уже нет. Хотите, чтобы я вышла на работу?

– Скандалистку я уволила, и, если ты не выходишь на работу, мне нужно искать ей замену, пусть и временно. Желание есть, но я боюсь ошибиться. Но и это не столь важно. Может так случиться, что я уйду на пенсию ближе к весне. Кто придёт на моё место, и с какими целями, я не знаю. А если это будет приезжий кадр?

– Вы хотите сказать, что вас «провожают» на пенсию?

– Если быть откровенной, то так оно и есть. Алексею пенсия ещё не страшна, а вот я стала клинике не нужной. Нет, можно было конечно и пободаться, но против возраста не пойдёшь. И новый пенсионный возраст не преграда.

– Мам, что ты об этом думаешь? – Вика посмотрела на Татьяну Ивановну.

– Что здесь думать – выходи. Серёжа в саду, а с Соней мы

с дедом справимся. Только как же твоя диссертация?

– Не волнуйся, я к осени её закончу. А как новая заведующая? Мне с ней работать.

– С неба звёзд не хватает, но в отделении порядок. Должность её не испортила.

– Какой график? Что мне можно и чего нельзя?

– Пять дней в неделю по шесть часов, чтобы не лишиться пособия. Дежурства по ночам и в праздники на твоё усмотрение.

– Если и выходить, то обязательно с дежурствами, иначе, для всех остальных нагрузка останется прежней.

– Вика, не драматизируй. Два-три раза в месяц твои точные дежурства семья и не заметит. Ты сама справишься? Год дома была, не тяжело будет?

– Пока не попробую, не узнаю.

– Виктория, ты можешь в любое время написать заявление и уйти в отпуск до трёх лет. Это твоё право, предусмотренное законом, – Алексей Иванович подмигнул ей. – Почему мы впервые слышим о диссертации?

– Решила попробовать свои силы, но не уверена, получится ли, – смутилась Вика. – Будут результаты – я вас ознакомлю. Если и выйду на работу, то только, когда родители вернуться из поездки. Мы их отправляем в Эмираты. Они вернуться десятого числа.

– Пиши заявление о выходе с четырнадцатого. Укажи, что хочешь выйти из отпуска по уходу на шестичасовой рабочий

день в пятидневку, и дежурства в соответствии с графиком. Ни каких командировок. Я знал, что ты согласишься. Три месяца Света ещё будет работать и это хорошее начало после перерыва.

Новогодние каникулы Виктория с семьёй провела за городом в доме Назаровых. Было сложно общаться с матерью Ильи. Она даже после теста на отцовство, не извинилась за свой летний визит и вела себя так, как будто присутствия матери внуков в доме не было. Виктория не принимала это близко к сердцу, и занималась в основном детьми. У неё были своя маленькая проблема, которую она не могла никак решить. Дело касалось её отношений с Ильёй. Не всё можно объяснить словами. «Да, я люблю Илью, но чувства, вспыхнувшие в Эмиратах другие, они не напоминают прежних, отсюда и отношение к нему другое. Я не «шарахаюсь» от него в постели, но и чувства полёта нет. Каждый день, в разговоре с ним, я ловлю себя на мысли, что делаю это не искренне, а по привычке. Возможно это последствия развода и жизнь врозь, к которой я привыкла, возраст или помощь и поддержка родителей, которая делает меня не такой уязвимой, – всё чаще думала она, пока не пришла к простому выводу: – как же всё просто: я не боюсь его потерять! Я люблю его, но теперь я люблю себя гораздо больше. Захочет уйти – я отпущу его с миром. А пока буду жить настоящим. Я обязательно буду счастлива с ним или без него». Сделав выводы, она перестала думать на эту тему. Родители Вики вернулись из по-

ездки, и месяц находились под впечатлением от увиденного и «опробованного». Виктория Сергеевна Петровская вышла на работу четырнадцатого января. Татьяна Ивановна приходила в семь и провожала дочь на работу, которая успевала приготовить завтрак на всех. Возвращалась Вика с работы в начале третьего, когда у мамы был готов обед. Втроём они обедали, иногда задерживались до ужина, забрав Серёжу из сада и дождавшись Илью. По выходным, если Вика не дежурила, родителям устраивали полноценные выходные, но они не выдерживали двое суток без внуков. По вечерам пару часов Вика проводила за диссертацией. Соня начала ходить за месяц до года.

Казалось, в семье всё наладилось. Илья был внимателен к жене и детям. На работе не задерживался, хотя отец доверил ему руководство, а сам «отошёл» от дел. Вике нравилось, что они часто беседовали перед сном, рассказывая, как прошёл день. Иногда эти беседы не касались их самих, но они были в курсе дел друг друга.

– Ты чего сегодня такой возбуждённый, да ещё и выпивший?

– Утешал Завьялова и составил ему компанию в баре. У него объявилась дочь, о которой он не знал и которой больше двадцати лет. А мать её он даже не помнит. Мужик в панике.

– А причина паники? Если девушка адекватная и разыскала его без всякой корысти, я не вижу проблем. Завьялов женат лет пятнадцать? Значит, жене он не изменял, а всё,

что было до неё, её не касается. У кого из нас не было коротких романов? Будет помогать по мере возможности, общаться. Другое дело, если она его разыскала ради корысти. Тогда можно ждать чего угодно. Даже если установят отцовство, что она может от него потребовать, став взрослой? А может случиться и так, что Завьялов сам не захочет с ней общаться.

– Отцовство ещё не установили, да и в суд девушка идти не собирается. Жене он как объяснит «находку»?

– Скажет, как есть. Жена Завьялова умная женщина и она будет рассуждать, как мы с тобой. А вот тянуть с откровенным разговором ему нельзя.

– Лично меня такое сообщение бы выбило надолго из колеи. Как-то рождение внебрачного ребёнка после измены я бы пережил, а появление двадцатилетнего – не знаю. А ты можешь представить себе, что я попадаю в такую ситуацию? Чтобы ты сделала?

– Есть вероятность?

– А ты думаешь, он ожидал этого? Мужик он порядочный и не бросил бы беременную женщину. Пусть и не женился, но помогал по мере возможности.

– Для начала я бы познакомилась с ней, некоторое время держала на расстоянии, присмотрелись друг к другу. Антон, мне было тридцать, когда я встретила со своими биологическими родителями. Я не знаю, что чувствовали они, но у меня к ним не было ни обиды, ни особой радости. Но раз уж я объявилась сама, я не могла их оттолкнуть.

Светлана Андреевна оформила пенсию в мае. На её место пришёл сорокалетний амбициозный Грачёв Владислав Андреевич. Он проработал год мелким клерком в совете директоров, и Вика не понимала, за какие заслуги он получил это назначение. Говорили, что у него специализация по гинекологии, что он в разводе, раньше жил и работал в Питере, какое-то время стажировался за границей. Грачёв стоял у «руля» около месяца, но Виктория его видела лишь однажды, когда его представляли коллективу. На её взгляд, он был типичным карьеристом. Внешний вид, манера держаться, говорить – всё «кричало» о том, что эта должность нужна, чтобы подняться на ступень выше по карьерной лестнице. Он за месяц ни разу не был в отделении, а на пятиминутках слышал только себя. Теперь и у коллег создавалось впечатление, что медицина Грачёва волнует меньше всего, а вот вопросы получения дополнительной прибыли стоят на первом месте. Но самым печальным для неё, был его нездоровый интерес к её персоне. Началось всё, как нестранно, после её дежурства с пятницы на субботу в конце июня. Он явился в отделение около шести, когда обычно делают вечерний обход.

– Проведу с вами вечерний обход, если не возражаете, – надевая халат, говорил он.

– У вас появился интерес к работе отделения? Что вы хотите узнать? Выслушаете жалобы и устраните недостатки или примите роды, если привезут роженицу? Я должна знать, на что могу рассчитывать.

– Начнём с обхода, а там посмотрим.

Виктория по пути в палаты рассказывала, сколько пациентов находиться в отделении патологии, сколько мамочек и когда родили. Она представляла своего спутника, спрашивала о самочувствии и проблемах, давала Грачёву высказаться и они шли дальше. Он задавал всего один вопрос: «Есть пожелания?» Их не было, а вот претензии нашлись. В одной из палат патологии они задержались, успокаивая мамочку.

– Оля, наберитесь терпения на два выходных. Вы столько прошли, что пара дней такой пустяк. В понедельник ваш доктор примет решение. Скажите мне откровенно: кто вам вбил в голову, что рожать вы сами не сможете? Вам может мешать только ваш страх, а он у вас в голове.

– А если мне станет плохо в выходной?

– Будете ждать этого, и думать – станет. Понимаю, вы устали, но попробуйте пару дней подумать над именем ребёнка. Почитайте, что оно означает, созвучно ли с отчеством – займитесь чем-то, что отвлечёт вас от тревог.

– Виктория Сергеевна, а если донор всё же Антон? Что-то мне подсказывает, что это он.

– Пусть этот вопрос он решает сам. Если он отец, то не откажется от долгожданного ребёнка. И ещё, Оля, подумайте над тем, чтобы родить самостоятельно. Я в вас верю. Всё хорошее всегда рождается в муках.

– Это ваша знакомая?

– Наша пациентка после ЭКО. Это её первая беремен-

ность в тридцать восемь лет. Муж был против, она решила воспользоваться донорской спермой и это привело к разводу. Пятнадцать лет брака и развод. Помогли наши генетики – они изрядно потрудились. У Антона генетическое заболевание, поэтому он и не соглашался на процедуру ЭКО. Он смог стать донором для бывшей жены, она об этом не знает, но догадывается. У каждого донора есть «визитная» карточка, по ней она его и выбрала, как похожего на мужа. Ольга провела в клинике треть беременности. Она боится, ей страшно, что вдруг что-то пойдёт не так, а возраст поджимает. У нас много доброжелателей, которые советуют родить раньше срока, сделать кесарево, чтобы перестраховаться. Вот это и засело у неё в голове.

– Когда плановая операция?

– Я бы не спешила. У неё срок тридцать восемь недель. Дала бы возможность родить самостоятельно, но у неё свой доктор и я могу только посоветовать.

– Виктория Сергеевна, мы можем перейти на «ты»?

– Я не смогу. Да, мы с вами коллеги, но не друзья, и вы мой начальник. У вас будут ещё вопросы?

– Виктория Сергеевна, в приёмном отделении наша беременная Родионова Алина Станиславовна. Срок тридцать девять недель, схватки каждые десять минут, – доложила медсестра.

– Извините, Владислав Андреевич. Труба зовёт, – Виктория встала из-за стола.

– Я, пожалуй, поприсутствую. Где можно переодеться?

– Когда вы подтвердили сертификат и как давно были в родзале? – на ходу спрашивала Виктория.

– Больше года назад.

– Можете смотреть, отмечать недостатки, но молчите и советуйте тогда, когда я вас об этом попрошу. Здесь не так важна должность, как квалификация.

Грачёв не дождался рождения младенца и ушёл не прощаясь. Смена прошла спокойно, а утром Вику ждал приятный сюрприз – курьер доставил ей букет. Карточки среди цветов не было, и она оставила его в приёмном отделении. А в понедельник её ждал ещё один сюрприз. Ольга Потапова решила рожать самостоятельно. Мало того, она настаивала, чтобы роды принимала Виктория Сергеевна. Этот вопрос и обсуждался на пятиминутке.

– Я разговаривала с Ольгой в пятницу вечером. Это я просила её подумать о естественных родах. Изучив её историю болезни и карту, я не нашла показаний к кесареву сечению. Кто ей внушил, что спасёт только операция? Да она напугана, но это естественный страх перед родами разбавленный чужими историями, домыслами.

– Виктория Сергеевна, задержитесь, – попросил Грачёв, закончив пятиминутку. – Вы уверены, что Потапова справится?

– Если она приняла решение – справится.

– Кто родился в пятницу?

– Девочка.

– Вам понравился букет? Могу я пригласить вас на чашку кофе после смены?

– В цветах не было карточки, и букет ваш красуется в приёжном покое. Спасибо за приглашение. У меня семья, а дочери чуть больше года. Мой график работы до четырнадцати часов. Извините. Хорошего дня.

Ольга Потапова родила сына через неделю самостоятельно. Принимала роды Виктория Сергеевна Петровская. Теперь каждый понедельник после пятиминутки, Грачёв просил её задержаться, задавая вопросы, никак не касающиеся работы и «рассыпаясь» в комплиментах: «Вы сегодня отлично выглядите, сменив причёску», «Хотите кофе? Очень хороший. Вы такого не пили – колумбийский», «Виктория Сергеевна, в театре премьера. Вы не составите мне компанию». Она коротко отвечала отказом и покидала кабинет через минуту, ловя на себе ухмылки коллег. Он «не остановился» и начал задерживаться в своём кабинете в дни дежурства Виктории, являясь в отделение под надуманными предложениями, а по пятницам встречал её у машины с букетом ровно в четырнадцать часов. Цветы она не брала, но хорошо видела, как за всем этим наблюдают из окон коллеги. В выходной, она, собрав детей, навестила Климовых и рассказала обо всём супругам.

– Алексей Иванович, что мне делать? Скоро вся клиника будет открыто надо мной издеваться. Я ему сказала о семье

и детях, а его это не останавливает. Мне бросить в лицо ему букет или отхлестать им по его физиономии? Что ему от меня нужно?

– Не горячись. Твой роддом – это ещё не вся клиника, – успокаивал её Климов. – Грачёв мужик видный. Чем не жених? Был женат, разведён. У него жена хороший специалист в области кардиохирургии, а каков наш сокол я не знаю. Административная работа отдалила его от профессии, если конечно она ему вообще интересна. Место Светланы он получил не за успехи в гинекологии. Ты сама «подняла» волну, когда не позволила «уплотнять» койко-места. Вот он на тебя и обратил внимание.

– Разве я была не права? Вы сами меня поддержали.

– С этим я согласен. Слышал, он пишет кандидатскую. Может ты для этого ему понадобилась?

– Почему не сказать об этом прямо, пусть даже и не просить помощи?

– Виктория, это сорт людей, которые просить не умеют. Они поставят тебя в рамки, когда ты сама предложишь эту помощь, а он ещё подумает, принимать её или нет. Ты расскажи обо всём Илье, а Грачёва предупреди, что пожалуешься не только начальству, но и мужу.

Как не любила Виктория свою работу, теперь она ехала туда из под палки. «Странная штука настроение. Приходит ни откуда, уходит в никуда, а когда надо не дозовёшься, – думала она, поднимаясь в отделение. – Так хотелось отпра-

вить родителей с Серёжей в Сочи, но не могу я решать вопрос отпуска с Грачёвым. Мне его ни хочется не видеть, не слышать. Илья задерживается с отпуском, и поездка может быть отложена». Заведующая сама пригласила Викторию в кабинет.

– Виктория Сергеевна, что у вас с Грачёвым? Как-то я не верила слухам, но сама стала свидетелем вашей милой встречи у машины. Вы не могли бы встречаться вне клиники?

– Екатерина Семёновна, я не хочу видеть Грачёва вообще нигде, а тем более, встречаться с ним. Дайте мне отпуск на неделю за свой счёт. Я устала от его назойливого поведения, но не знаю послать его или уволиться. Вы прекрасно знаете, что мне не нужна протекция, мне не нужен спонсор. Я хочу просто работать, как это было раньше.

– Хотите взять передышку?

– Хочу понять, чего он вцепился в меня как клещ? Вы видите, с каким настроением я хожу на работу? А, что я чувствую каждое дежурство, когда он является в отделение? Интересно, он проходил комиссию и что в заключение психолога? Это всё ненормально. Я поняла бы его, если бы сама дала повод, но он мне не интересен даже как коллега.

– Пиши заявление на отпуск по семейным обстоятельствам, но уйди тихо, пусть об этом не знает никто. Десять дней хватит? У меня планы изменились, и отпуск я свой перенесу на потом, когда ты справишься с ситуацией.

– Спасибо. Я потерплю до пятницы, а в выходные у меня

нет дежурств.

Виктория пошла в отпуск, отправила родителей и Серёжу на две недели в Сочи, а сама занималась Соней и Ильей. По совету Климова, Вика рассказала Илье о новом начмеде, о цветах и излишнем внимании.

– У меня нет повода ревновать? – улыбнулся он, выслушав её.

– Ты знаешь, как я себя чувствую, когда вижу его лицо и ухмылки коллег? Я всё думаю: почему мне так «повезло»? Я не грублю, а видимо стоит.

– Вика, найди своего Лазарева, сокурсников, коллег по роддому в Питере. Грачёв прибыл к нам оттуда и у него должен быть свой скелет в шкафу. Так у тебя будет больше информации о нём, а может и повод для мелкого шантажа. А ещё сообщи, что я в курсе его ухаживаний и пусть не ходит один поздними вечерами – побью, – обнимая жену, говорил он.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно. Я могу и опередить события, явившись к нему на приём. Я никому не позволю обижать своего Ангела.

– Вернусь на работу и, если ничего не изменится, дам знать, – улыбнулась Виктория.

– Может, его убедит штамп в паспорте? Когда мы пойдём с тобой в загс?

– У нас с тобой жизнь, без штампа в паспорте, получается куда лучше, чем при его наличии. Ты справишься с Соней

один день без меня, если отдыхающие задержаться с прилётом?

– Куда я денусь? Вернутся наши отдыхающие, и мы поедem мужской компанией на пару дней на рыбалку. В этом году проведу отпуск дома.

– Ложись спать, а я часок поработаю.

– Хочешь Петровских удивить диссертацией?

– Хочу порадовать. Ты, когда меня хвалят, что испытываешь?

– Гордость. Мне очень приятно слышать, какая у меня жена умница.

– Пусть и они это почувствуют. Климовы поймут, что не ошиблись, взяв меня на работу, а деду докажу, что и я чего-то стою.

– Хочешь, помогу печатать?

– Очень хочу, но пока рано, – целуя Илью, говорила Вика, открывая ноутбук. – Мне нужно не меньше месяца, чтобы всё закончить и отдать на рецензию.

– Принести тебе чай или кофе?

– Ни то, ни другое. Я хочу, глядя на морской закат, пить вино, – лукаво улыбнулась она. – А у нас нет ни моря, ни заката, ни вина.

– Но у нас есть тёплая летняя ночь, которая рассыпала на небе яркие звёзды. Хочешь взглянуть? Знай, что в доме, с некоторых пор, всегда есть бутылочка хорошего вина. Будем пить вино и целоваться...

«Как не внимателен и нежен ко мне Илья, а что-то его беспокоит, – думала Вика, готовя завтрак. – Он как будто не может, точнее не решается, поделиться со мной чем-то важным. При этом настроение у него приподнятое. Как же мне подтолкнуть его или не стоит этого делать? А если это тайна, которая разрушит наши непростые отношения?»

Глава 12

Отметив своё тридцатисемилетие, Виктория вышла с понедельника на работу. На пятиминутке доктор Петровская напомнила, что приближается восьмидесятилетний Юбилей роддома, и надо бы как то это дело отметить.

– У руководства клиники есть свои планы на этот счёт, – хмуро сказал Грачёв. – Они планируют небольшой банкет.

– Я догадываюсь, пригласят городскую власть, руководство, инвесторов. А какое они имеют отношение к Юбилею? Среди руководства клиники только Климов проработал здесь больше тридцати лет. Может, стоит пригласить ветеранов роддома, а не устраивать банкет для тех, кто лишь косвенно касается его? Это было бы честно. Соглашусь, что людям нужен праздник, но не забывайте, кому мы обязаны репутацией роддома номер один.

– И что вы предлагаете?

– Организовать встречу пенсионеров в том же кафе. Они люди не избалованные, но будут рады, что о них вспомнили.

– Виктория Сергеевна права, – поддержала её заведующая. – Мы все работаем здесь недавно, и только у неё стаж в клинике семь лет. Да, у нас есть стаж, но в других местах. Пусть руководство клинике поступает, как хочет, а руководство роддома должно наше предложение поддержать. Что вы хмуритесь, Лариса Витальевна? Не хотите встречаться с пен-

сионерами – ваше право, но особо не надейтесь, что кого-то из нас, кроме Владислава Андреевича, на этот банкет пригласят. Я позвоню Светлане Андреевне и попрошу помочь найти ветеранов.

Пятиминутка закончилась, и Грачёв попросил Викторцию Сергеевну задержаться.

– У тебя что-то случилось, что возникла необходимость в отпуске?

– У меня всё в порядке. Я проработала полгода и имела право взять отпуск. А чтобы не впутывать сюда бухгалтерию – оформила за свой счёт.

– Виктория, что ты шарахаешься от меня? Что плохого в том, что свободный мужчина ухаживает за разведённой женщиной?

– Ничего, кроме того, что у этой женщины есть двое детей и отношения с бывшим мужем.

– Твои дети малы и могут принять другого мужчину.

– А вы поинтересовались: нужен ли их маме другой мужчина? Почему вы уверены, что нужны мне? Вы чего добиаетесь, вручая мне цветы на виду у коллег? Вы имеете наглость вызывать меня в кабинет без всякого повода, да так, чтобы об этом знало как можно больше людей. Хотите бросить тень на мою репутацию? Зачем?

– Ты мне нравишься. Я тебя вспомнил, видел как-то с Павлом. Одно время отец моей жены дружил с Лесниковым.

– Это даёт вам какое-то преимущество? Я тоже узнала о

вас много интересного. О скандале в гинекологии, бегстве в Австрию. О вас почти забыли, и вы вернулись в платную медицину. И сюда вы попали бонусом любвеобильной жены высокопоставленного чиновника. Мне продолжать? Вы забыли, что я из Питера?

– Вика, всё это в прошлом. Ты думаешь, что в отношениях с тобой я ищу для себя выгоду? Напрасно. Заглядывающие в глаза женщины, мне не интересны. Возможно, кому-то я и симпатичен, но большинству нужен не я, а моя должность. Ты другая: добрая, независимая, самостоятельная. При всей твоей принципиальности и

строгости, тебя любят пациенты и уважают коллеги. Это редкое сочетание. Хочешь, я помогу тебе с диссертацией?

– Спасибо, но свою диссертацию я напишу и сумею защитить. Я не собираюсь её покупать. Вы чем мне можете помочь, если достаточно времени не были в родзале? Да, дети рождаются, как и раньше, но сами роды проходят сложнее. Я не изобрела велосипед, но кое-чем поделиться могу. Я на своём месте и она мне не нужна для карьеры. Я вас очень прошу: прекращайте выпады в мою сторону. В противном случае я напишу жалобу руководству клиники. Всему есть предел.

– Зря ты так со мной. Мы могли быть полезны друг другу.

– Полезны? Да я каждый день иду на работу с одной мыслью: не столкнуться с вами в стенах клиники. Хотите, я при всей своей интеллигентности пошлю вас прямым текстом и

хлопну дверью? Да, если вас поздним вечером накажут физически – не удивляйтесь. Я рассказала обо всём отцу своих детей. У вас ещё есть ко мне вопросы?

– В начале сентября вы поедете со мной в трёхдневную командировку в Москву, – хмуро сказал Грачёв. – Ничего личного.

– Моей дочери нет трёх лет, и я не давала своего письменного согласия на командировки. Я не поеду. Ничего лично-го, всё в рамках закона. Извините. Меня работа ждёт.

Виктория вернулась в ординаторскую и заметила, что за окном «потемнело». Она подошла и посмотрела сквозь стекло на небо, по которому проплывали серые тучи, закрыв собой солнце. «Будет гроза», – успела подумать она, когда вдалеке сверкнула молния и, почти сразу, раздался раскат грома. Вика улыбнулась.

– Виктория Сергеевна, чему вы улыбаетесь? – спросила Оля, медсестра отделения. – Наша Майская собралась рожать.

– Пойдём, посмотрим, что у неё там. Стимуляция сработала спустя пятнадцать часов. Мужу позвонили, у них партнёрские роды? – на ходу спрашивала она. – А улыбаюсь я предстоящему дождю. Моя мама говорит: «Дождь – врачеватель душ». После дождя на душе становится спокойнее.

Роды прошли без осложнений. Закончив «бумажную» работу, Виктория вспомнила, что отключила свой телефон, уходя в родзал. Она включила телефон и давала указания

медсестре, навестив роженицу уже в палате.

– Виктория Сергеевна, а дождя так и не было. Погремело, просверкало и всё прошло стороной.

– Бывает и так, – сказала Петровская, набирая телефон отца. – Что у них могло случиться? Шесть пропущенных вызовов. – Папа, что случилось?

– Дома всё в порядке. Спустись вниз, я жду тебя у входа.

– Виктория Сергеевна, вы на сегодня свободны. Ваш отец вам всё объяснит, – сказала заведующая, глядя мимо Вики.

– Что происходит? – задала она себе вопрос, не переодеваясь, спустилась вниз, прихватив сумку и телефон. – Пап, если с мамой и детьми всё в порядке, что могло случиться?

– Садись в машину. Олег, Илья и ещё с десятков человек в больнице. Большого я не знаю, – говорил он, выезжая со стоянки. – Ты раньше времени не паникуй. На месте разберёмся.

Дорога к больнице, куда доставили пострадавших из частной гостиницы, показалась Виктории довольно долгой. Отец остановил машину у входа, а Вика заметила сестру Ильи Ирину, которая нервно курила, доказывая что-то Назарову старшему.

– Ира, что случилось? – подойдя к ним, слегка волнуясь, спросила она.

– Этих идиотов отравили, – в её голосе было не столько злости, сколько тревоги. – Им мало показалось ресторана после официальной части, и они решили продолжить в бассей-

не частной гостиницы, причём не одни. – Она достала новую сигарету. – Следствие разберётся, кто кого хотел отравить, а что будет с ними, одному Богу известно. Было две компании. Захотели кобели развлечься. Ты знаешь, что их всех нашли полуголыми? Двое утонули в бассейне. Больше десятка здесь.

– Успокойся. В бассейне не плавают в одежде. Что говорят доктора?

– Ничего утешительного. Надышались чем-то и уснули, как сурки, а все ли проснутся, гарантии нет. Мы здесь второй час.

– Ирина в шоке. Ты ей особо не доверяй. Думаю, ребята пострадали случайно. Не тот у нас бизнес, чтобы перейти кому-то дорогу. Они все в реанимации.

Виктория поднялась наверх. Заметив в коридоре мать Ильи среди ожидающих людей, остановилась на полпути. Минут через пятнадцать вышел врач.

– Шилин, Рябинин и Ковалёва пришли в себя. Назаров в сознание не пришёл. Мне очень жаль. – Сестра, – крикнул он, когда Тамара Васильевна потеряла сознание, и вернулся в отделение.

Виктория в своём медицинском костюме прошла следом.

– Я могу поговорить с кем-нибудь из них? – тихо спросила она.

– Вы кто такая и кто вам позволил сюда войти?

– Я жена Назарова и по совместительству врач. Дайте мне

минуту, – Вика волновалась, и просьба вылетела сама по себе. Она не знала, для чего ей нужен этот разговор, если Ильи больше нет.

– Это плохая идея. Вашего мужа отправили в морг. Я всем не уверен, что эти в адеквате, – он кивнул головой в сторону палаты и строго посмотрел на неё. – Хорошо. У вас есть минута.

Виктория вошла в палату интенсивной терапии и увидела среди пациентов Олега, молодого человека и Марину. Ту самую Марину, которую она видела у детского сада и в суде. Лицо её было бледным, руки с ярким маникюром лежали на белой простыне, а на пальце было знакомое кольцо. Такое кольцо подарил ей Илья в день рождения. Вопросы к Олегу отпали сами собой, когда Марина открыла глаза.

– Ты меня узнаёшь? Отвечай коротко: давно возобновились ваши отношения? – каким-то чужим голосом задала Вика вопрос.

– Месяцев пять. Это другая история. Илья Александрович невиноват. Он вам всё расскажет сам, – тихо говорила она.

– Кольцо он подарил?

– Да. Простите его.

– Поздно. Илья умер. Нам с тобой некого больше делить, – она вышла из отделения, не обращая внимания на мать Ильи. – Пап, отвези меня домой.

– Что сказал Олег?

– Я его ни о чём не спрашивала. Рядом лежала подруга

Ильи, та самая, из-за которой мы развелись.

Отец больше не задавал вопросов. Он обнял дочь, лицо которой было каменным, а по щекам катились слёзы. Они прошли мимо Назаровых и спустились к машине. Всю дорогу до дома ехали молча. Петровский изредка поглядывал в зеркало на дочь, которая не скрывала слёз. Попав в квартиру, Вика прошла в свою спальню, прикрыв дверь, упала навзничь на кровать, продолжая плакать. Она не слышала, как в комнату по очереди входили родители. Но сразу перестала плакать, как только маленькая ладошка коснулась её головы и начала гладить по волосам. Она взяла маленькую ладонь и поцеловала её, приподнимаясь с кровати.

– Ты заболела?

– У нас большая беда, сынок, – она обняла сына. – Папы больше нет.

– Дедушка сказал, он умер в больнице. Почему? – мальчик заплакал.

– Дедушка сказал правду, родной, – Вика прижала сына к себе. – Дядю Олега доктора сумели спасти, а папу не смогли.

– Мы его увидим? – сквозь слёзы спросил Серёжа.

– Мы обязательно с ним простимся. Сейчас всем тяжело и больно, но мы справимся. Ты у меня почти взрослый.

– Как мы теперь будем жить без папы?

– Дружно, как раньше. Теперь ты в нашей семье главный.

– Вика, прими душ, переоденься и выпей хотя бы чай, – сказал отец, входя в спальню с Соней на руках, которая сра-

зу потянулась к матери. Отец передал внучку дочери и продолжал: – я позвонил Климову. У тебя есть три дня. Поднимайся, семь часов вечера. Послушай меня, дочь, и услышь. Я знаю как тебе больно, но эта боль не станет меньше от слёз. Исправить ничего нельзя. Не рви себе душу, подумай о детях. Мы должны жить дальше.

– Я справлюсь, пап. Дай мне время. Ирина не звонила? – Серёжа, принеси телефон из сумки и найди, пожалуйста, зарядное устройство. Здесь куча пропущенных звонков от неё, – говорила она, набирая номер. – Прости, мне было не до звонков. Приезжай в любое время. – Пап, ужинайте без меня. Я приму душ, переоденусь. Ира обещала приехать. Займите её чем-нибудь.

Отец с детьми вышел, а Вика сняла со стены картину и открыла сейф. Это был небольшой металлический ящик, который вмонтировали в стену, с кодовым замком. Сейфом не пользовались годами. Илья там ничего не хранил и сделал его специально под драгоценности жены. Их набралось больше двух десятков: кольца, браслеты, серьги так и лежали в футлярах. Но кольца подаренного ей на тридцатипятилетие не было. Мало того, теперь здесь лежали деньги в долларах, какие-то бумаги и флешка. Пока загружался компьютер, Вика просмотрела бумаги. Это были расписки Олега на получение наличных денег, и расписка продавца на сумму залога в договоре купли-продажи квартиры на имя Марины Ковалёвой. Она оставила деньги на месте, понимая, что предназна-

чались они на покупку квартиры, сменила шифр и закрыла сейф. На флешке был компромат на Олега и незнакомых ей людей, и копии каких-то бумаг. Положив бумаги и флешку в тумбочку, Вика направилась в душ. «Значит, если бы ни трагедия, меня в очередной раз ждал обман. А ведь я тебе поверила, Илья. Как же ты мог говорить мне одно, а делать тайком другое? Зачем? Не войди я в палату и не заговори с ней, так и страдала бы об утрате, и не догадывалась, что ты преподнесёшь мне и без трагедии очередной сюрприз, – говорила она вслух, вернувшись в спальню и глядя на семейное фото в рамке, – Во мне теперь больше ненависти, чем горя. За что ты так со мной? Это то, что я знаю, но многого я могу и не знать». Больше всего хотелось забыться крепким сном надолго, чтобы пережить это время. Вика вышла в кухню и пила чай, не чувствуя его вкуса, когда приехала Ирина.

– Ты как?

– Плохо. Ты знала, что у твоего брата возобновился роман?

– Клянусь, что не знала. Да и Олег молчал.

– Ты в курсе, что я свои драгоценности храню в сейфе и редко им пользуюсь. Когда сегодня увидела на её пальце кольцо, решила проверить всё ли на месте. Не уверена, что я помню всё за десять лет, но этого кольца в сейфе нет. Мало того, я нашла там бумаги Ильи, а он ничего подобного никогда там не хранил. Это уже не интрижка. Ты понимаешь, что дело намного серьёзнее? – Вика протянула ей бумаги и

флешку.

– Я не знаю, что тебе сказать, – Ирина просмотрела бумаги. – Что на флешке?

– Этого я не знаю. Боялась ещё больше разочароваться. Ты могла это предположить? Господи, чего мне стоило простить его, забыть прошлое, а оно никуда не исчезло и оказывается настоящим.

– Вика, как бы больно не было – держись. Я очень переживаю за родителей, а приехала за вещами Ильи. Причина смерти не газ. Вскрытие показало, что у него оторвался тромб. Похороны в среду.

– Вещи в шкафу. Попроси маму, она подскажет что нужно, хотя, можешь забрать всё.

В траурный зал Виктория Петровская прошла вместе с сыном. Безжизненное лицо Ильи казалось чужим. Виктория заметила, как сразу постарел отец Ильи. Они положили цветы, постояли не больше минуты и вышли. Отец Вики увёз внука домой, а она поехала на кладбище. Речей не было, все спешили покинуть это место до дождя, который с минуты на минуту готов был пойти. Только Виктория стояла у свежего земляного холма, покрытого цветами. Глядя на фото бывшего мужа в траурной рамке и не обращая внимания на дождь, она спрашивала вслух:

– Ты мог предвидеть такой финал? Зачем ты вернулся к нам, если продолжал отношения с ней? У тебя хватило ума подарить ей моё кольцо, нашлись деньги на покупку кварти-

ры. Как мне к тебе относиться? Как сказать детям, что их отец великий лжец, слову которому грош цена? Ты обещал и подарил мне новые крылья, и я почти научилась летать. Разве я могла предположить, что полёт окажется таким недолгим, и я рухну на землю, потеряв крылья из-за твоей лжи. Знаешь, что твориться в моей душе? Там не осталось ничего, кроме ненависти за твой цинизм. Ты предал меня во второй раз. А может он был не вторым и даже не третьим? За что ты так со мной? Твоя любовь – это обман. Любовь не разрушает то, что так дорого. Я надеялась, что твоё раскаяние искреннее, и отношения наши стали налаживаться, а ты это сделал ради своей карьеры. Это цинично и подло. Бог тебе судья. Держи ответ перед ним. Прощай. – Виктория брела медленно по аллее, сняв с головы траурный шарф и подставляя лицо под капли дождя. Выйдя за ворота, она подошла к своей машине и заметила выходявшего из припаркованной рядом машины Виктора.

– Ты почему здесь?

– По кочану, – огрызнулся он. – Решила промокнуть до нитки и простыть? Садись в машину.

– В багажнике плед. Достань его, иначе я устрою всемирный потоп. – Она накинула на себя плед и только после этого села в машину, сняла туфли. – Дождь сейчас кончится. Ты знаешь, все мои неприятности заканчивались дождём. Ты можешь поверить в такое совпадение? – грустно спросила она.

– Не могу, сестрёнка. Дожди случаются гораздо чаще твоих неприятностей. Но соглашусь, что после дождя дышится легче в любое время года. Тебя куда везти домой или в кафе.

– Домой. А по дороге постарайся помолчать, я не готова к диалогу.

Виктор дождался, когда сестра выйдет из душа, и остался у них обедать.

– Что думаешь об отношениях с Назаровыми?

– Я о них не думаю. Захотят общаться, я возражать не буду, но сама помощи у них не попрошу. Я не особо сердита и на Ирину, а родители вообще не при чём. Завтра я буду дома, а в пятницу выйду на работу. Что говорят в клинике?

– Все по-разному трактуют телевизионные новости. В основном обвиняют Илью, но есть и те, кто оправдывает, ссылаясь на развод, а тебя жалеют.

– Вот этого я больше всего и не хочу.

– Чего не хочешь?

– Повышенного внимания к своей скромной персоне. Спасибо, что не бросил.

– Ты завтра поедешь к нему?

– Нет! Я с ним простилась и обещала не беспокоить.

– Вика, ты не обижайся на меня, но я не верю, что Илья не любил тебя, а играл какую-то свою игру. За полгода общения с ним, я был уверен в его искренности.

– Мне он тоже казался искренним, но я ошибалась. Проведя две ночи без сна, о многом передумала и пришла к вы-

воду, что мы были абсолютно счастливы первые шесть-семь лет. Всё начало меняться, когда Серёже было года два, а Илье отец обещал своё место. Додумалась даже до того, что он вернулся в семью, ради должности. Ведь наш развод повлиял на решение отца. Хотя это может быть совпадение или моё большое воображение. Илья возвращается к нам осенью, а весной принимает руководство и тут же продолжает роман. Как бы там ни было, всё это в прошлом. Давай больше не заводить разговоров на эту тему? – Мам, пап, вас я тоже прошу об этом. Жизнь продолжается, мы вместе, а это главное.

Через неделю, в конце смены, Виктории сообщили, что ею интересовалась девушка. Номер телефона они ей не дали, но она обещала дождаться доктора на улице. Вика подошла к машине, когда её окликнули. Она повернулась и узнала в молодой паре Марину и молодого человека из палаты.

– Здравствуйте. Это я вас спрашивала, – сказала она, подойдя ближе, держась за руку спутника.

– Зачем? – как можно равнодушнее спросила Виктория.

– Мы хотели узнать, где похоронили Илью, – ответил молодой человек вместо неё. – Простите, но нам не у кого больше спросить об этом.

– Это всё?

– Всё.

– Садитесь в машину.

– Зачем?

– Мне проще показать это место, чем назвать адрес, – от-

ветила Виктория, набирая телефон матери. – Мама, забери-те Серёжу из сада. Я задержусь на час.

– Поедешь одна? – парень посмотрел на спутницу.

– Езжай домой и жди меня там. Обратного доберусь на метро, – она поцеловала парня в щёку и села в машину.

– Как ты себя чувствуешь? – задала Вика вопрос пассажирке, занимая кресло водителя и выезжая со стоянки.

– Это мой молодой человек. Мы живём вместе почти год. Я потеряла ребёнка, поэтому задержалась в больнице и не простилась с Ильёй Александровичем. Всё начиналось с игры и обмана. Вы можете меня выслушать?

– Будешь оправдываться или оправдывать Илью?

– Расскажу правду, а вы сами решите оправдание это или исповедь.

– Начинай рассказывать. Я не священник, отпускающий грехи.

– Родилась я в девяносто седьмом и, окончив девять классов, поступила в колледж, жила в квартире тётки. Она была не только хорошим психологом, ведя частные приёмы в городе, но и моим щедрым наставником. Как бы я не относилась к ней, но нужно отдать должное: до совершеннолетия меня учили только этикету, прививали вкус и держали в узде. А позже, я освоила не только финансы в колледже, но и искусство соблазнения, сексуальную грамоту и шантаж. Я стала кем-то вроде «подмастерья». Это не был бордель. Обычный кабинет психологической разгрузки в хорошей кварти-

ре приличного дома. Случайных и беспроблемных людей там не было. Оказывается, все сексуальные проблемы решаются обычным сексом. «Лечи подобное подобным». Учёбу я не бросила, жила, как многие мои сверстники, но имела свои обязанности и ограничения. Первое время мне это не доставляло удовольствия, потом вошла во вкус – работа не пыльная. В неделю один солидный пациент с проблемой в сексе, а деньги приличные. Ваш муж не был клиентом доктора Жанны Спиридоновой. Откуда мне было знать, что он не очередной пациент доктора, а бывший одноклассник без всяких сексуальных проблем. Вернувшись, после клуба в квартиру, я и застала тётушку верхом на вашем супруге. Она умела доставить себе удовольствие, используя мужчину как куклу. Тётя ушла, а я, включила камеру и прыгнула к нему в кровать, скорее по привычке, чем по желанию. Утром она застала нас в одной постели, даже не подумав о том, что я не выходила из отведённой мне роли. Я никогда не видела её в таком гневе. Когда немного успокоилась, придумала план. Её устраивал роман Ильи со мной, с последующим браком, ну или, на худой конец, развал его семьи. Складывалось впечатление, что это было что-то вроде мести за старую обиду.

– Зачем ты мне всё это рассказываешь?

– Выслушайте до конца. Всё, что я делала, была постановка. В кабинете стояли камеры, Мне отводилась роль в самом начале. Я должна была соблазнить и немного дать расслабиться «больному». Он находился под препаратом, видя

красивые эротические сны, при этом у него был секс, но не со мной, и не было шанса доказать обратное. Через время он приходили в себя рядом со мной, и был доволен, что подтверждала съёмка. Я никогда не спала с вашим мужем, – Марина на секунду замолчала. – Я нарушила приказ тётки и дала возможность Илье поговорить с вами после суда, чего нельзя было допускать по её установке. Мне в последний месяц стало жаль его, сама была не рада, что ввязалась во всё это, но не была уверена и в провале плана. Знаете, после ваших слов, он будто проснулся после глубокого сна и силой потащил меня к врачу. Как бушевала тётка: «Ты идиотка! Дура безмозглая, понимаешь ты всё испортила? Одно дело знать, что у тебя, возможно, есть дочь, другое, когда ты трахаешь собственную дочь», – кричала она. Я в тот же день уехала к отцу и бабушке. Мне не хотелось верить в то, что она сказала. Я должна была во всём разобраться. Когда отец и бабушка признались что я им неродная, мне было не так больно, как узнать, что моя мать – Жанна. Мой приёмный отец и Жанна, брат и сестра по отцу. Роды были домашними и проходили в доме моего деда, где на тот момент и жили мои родители. Так я узнала историю своего рождения, но кто мой отец не выяснила. Через два дня я вернулась в город. У меня были сбережения, я сняла комнату, нашла работу в банке по специальности. У меня появился парень. Мы случайно встретились с Ильёй Александровичем в магазине. Это было в марте. Попросила его выслушать меня и рассказала о «подста-

ве» и о возможном родстве. Сделали тест на отцовство, и он оказался отрицательным, – сказала Марина и замолчала, заметив, что машина остановилась у ворот кладбища. – Думаете, у меня нет совести? Я сожалею, что явилась причиной вашего развода.

– Это не помешало тебе принять пятьсот тысяч в качестве залога за квартиру, хотя ты уже знала, что Илья тебе не отец, – грустно произнесла Виктория, глядя перед собой.

– Он не отец. Он мой дядя. Я дочь его брата, который умер через год после моего рождения. Илья решил мне просто помочь и заставить Жанну вернуть мне всё, что завещал дед, и чем она пользовалась эти годы, купить квартиру. В противном случае он бы покончил с её практикой и репутацией. Я хранила копии с камер. А залог я бы вернула, получив свою долю. Я не бедная родственница.

– Что вы решили делать после этого?

– Ничего. Оставить всё как есть. Будь я просто дочерью его брата, он бы представил меня со временем своей семье, но в глазах его семьи я была любовницей, разрушившей его брак. Он любил вас и очень боялся потерять. Говорил: «Вика второго обмана мне не простит».

– Меня твой рассказ не задел за живое. Тебе захотелось красивой и сытой жизни – ты её получила. Тебе было всё равно, что я чувствовала, когда ты сообщала мне о своей беременности, хотя я в то время действительно была беременной. Тебя в этой истории шокировало то, что Жанна оказа-

лась твоей матерью. Женщиной, которая втянула тебя в свой «бизнес». Ты не думала о таких, как я, не думала о том, как исправить ошибки, а думала о том, как это обернуть в свою пользу. Что тебе мешало рассказать мне обо всём раньше? Пусть не всё и не обо всех, а о себе и своей игре. Простить можно многое, а вот забыть, как-то не получается. Я вышла из твоей палаты не с болью утраты мужа, пусть и бывшего, а едва сдерживала себя от горького разочарования и ненависти к Илье, который ещё утром говорим мне о любви. Тебе не понять, как можно любить человека и одновременно ненавидеть его за ложь, – Виктория замолчала, глядя перед собой. Мозг, после откровений Марины «закипал». «Не верю я, что рассудительный Илья, не мог заметить игры, – думала она. – Не мог он находиться «в трансе» всё время. Возвращался с работы с задержкой, немного раздражённый или уставший, но «вменяемый». Будь он «чист», он нашёл бы хоть какое-то оправдание. Не мог он поверить в беременность на слово, а значит, связь была. И Марине я не верю. Илья мог не устоять перед её сексуальностью. Теперь, когда их родство доказано, ей неловко, и она пытается «обелить» и его, и себя в моих глазах. Всё сказанное можно принять за правду, за исключением раскаяния. С этим она явно запоздала». – Как ты оказалась среди пострадавших?

– Случайно. Я звонила ему полдня, но он не брал трубку. Мой молодой человек работает в этой гостинице администратором. Следит за камерами, они там везде в людных

местах. На мониторе увидел Илью и позвонил мне. Я хотела встретиться после того, как он закончит свои дела. Он должен был вернуть расписку хозяину. Это Влад поднял тревогу, заметив утонувших людей в бассейне и, спасая меня, сам отравился.

– Мне теперь нет разницы говоришь ты правду или лжёшь, –

Виктория вышла из машины и купила цветы. – Держи цветы и иди за мной. – Пройдя, не оглядываясь, по аллее метров триста, добавила: – иди дальше одна. Я тебя подожду.

Минут через пять Марина вернулась. Глаза её выдавали слёзы. Всю дорогу они ехали молча. Остановившись у станции метро, как просила Марина, Вика посмотрела на неё и неожиданно для себя сказала:

– Запиши мой номер телефона и позвони. Жизнь наша непредсказуема, – она продиктовала номер и услышала входящий звонок. – Я нашла расписку и передала её сестре Ильи вместе с договором на твоё имя.

– Спасибо вам. Теперь я понимаю, почему Илья говорил о вас с такой теплотой, – сказала Марина и вышла из машины.

Вика уронила голову на руль, вспомнила улыбку Марины, сообщающей ей о ребёнке у детского сада, и заплаканное лицо теперешней, и ей стало жаль молодую женщину. «Я всё сделала правильно. Какой бы она не была, сейчас ей плохо. Спала она с собственным дядей или сделала просто его несчастным, одинаково паршиво. Теперь мне ясно, о ка-

кой дочери говорил он, подставляя Завьялова. Очередная ложь. Сколько ещё сюрпризов и тайн ты оставил мне в «наследство», Илья? Что мне делать со всем этим «багажом знаний»? – она вздохнула. – А вот домашним о моей сегодняшней встрече знать не нужно», – подумала она, выезжая на проезжую часть.

Прошёл месяц. Виктория всё свободное время проводила с детьми. Ей очень хотелось, чтобы Серёжа меньше грустил после всего случившегося. Уложив детей спать, она селась за почти готовую диссертацию, оставляя для сна четыре-пять часов. Александр Иванович навещал внука по выходным, но домой его к себе не забирал. Вика не понимала почему, пока он сам не раскрыл причину.

– После смерти Ильи, Тамара сошла с ума. У неё появилась бредовая идея отсудить у тебя Серёжку. Я не могу травмировать мальчика её бреднями. Пойми, она ничего не добьётся даже в суде, но обратится в опеку, а тем только дай повод. Смотри на это как на болезнь. Я пригрозил ей лечебницей для больных, но поможет ли это. Ты хорошая мама, я на твоей стороне и Серёжку в обиду не дам.

Была ещё одна новость, которую Виктория не знала, как принять, ведь она была виновна в раскрытии секретов Олега.

– Я развожусь с Олегом, – сообщила Ирина, пригласив Викторию в кафе после работы.

– Почему?

– Ты действительно не смотрела флешку?

– Я об этом даже не думала. Меня интересовало только кольцо, поэтому я и полезла в сейф.

– Олег изменял мне и ни один год. Видимо, среди них нет верных мужей. Во мне столько ненависти, что я его оставлю без штанов. Я видеть его не могу. Ты знаешь, у него есть внебрачная дочь, которой он не помогает, но при этом содержит молодую любовницу. Это даже для меня как-то диковато. Надо бы найти эту женщину и посоветовать подать на алименты. Пусть крутится, раз завёл детей.

– Откуда ты знаешь?

– Он мне многое рассказал, когда я его припёрла к стенке. Если и не всё, то мне хватило.

– Почему это произошло с нами? Почему нужно было лгать, если человек становится чужим? Куда пропадает любовь и была ли она?

– Олег использовал меня с самого начала. Отец оказался прав. Это я его любила, а он позволял себя любить. А вот Илья любил тебя. Да, он изменился за два года и я не знаю, чем это объяснить. Порой мне казалось, что твоя сила духа выбивает его из седла.

– Что ты имеешь в виду?

– Он не ожидал, что примешь развод, надеялся, передумаешь, дашь «задний ход». Ты приняла своё решение, а он был к этому не готов. Мужской эгоизм взял верх над разумом, и он остался с носом. Беременность показала, что ты без него справишься – это ещё один гол в его ворота, – Ири-

на вздохнула. – Ты у нас сильная женщина, но нельзя себя не любить. Ильи нет, а ты есть. Вспомни, что ты женщина. Выглядишь внешне ты неплохо, а глаза выдают всемирную скорбь. Я возьму над тобой шефство, как только получу развод.

– Как бы там ни было, а эти мужчины часть нашей жизни и отцы наших детей. Вот им гораздо хуже, чем нам с тобой. Был папа, и нет его. У меня есть для тебя новость, о которой я узнала после похорон. Выслушай спокойно, – Виктория рассказала о встрече с Мариной, и её рассказе. – Что скажешь?

– А вот это не могло присниться и в страшном сне. У Ильи в университете, кажется на третьем курсе, был роман с Жанной. Фамилию я её не помню. Он даже хотел жениться на ней, но застал с другим. Папаша у неё был криминальный мужик, брата дважды били на совесть, но он к ней так и не вернулся. Выходит, что она и Егора нашего приласкала, родила дочь, спихнула её своему брату, а от нас скрыла. Егору всего восемнадцать лет тогда было. Знай, наверняка, что это дочь Ильи, она бы с него не слезла. Не тот она человек.

– Теперь ты знаешь, что у тебя есть племянница, а мы обе в курсе, что Илью подставили изменой с одной целью.

– Имея таких родственников и врагов не нужно. Девчонка узнала правду поздновато, но это её не оправдывает. Слушай, а бумаги по квартире, я вернула в агентство недвижимости дня через три после похорон. Вернее я позвонила ту-

да, объяснила ситуацию, и агент сам приехал за ними. Скорее всего, дело было в расписке.

В сентябре на восьмидесятом Юбилее первого роддома города встретились акушеры-ветераны. Среди них, самым старшим, был дед Виктории. Юбилей удался, хотя был гораздо скромнее банкета руководства. В октябре Петровская Виктория Сергеевна защитила диссертацию и стала кандидатом медицинских наук. Больше всех этому событию радовался дед – Зиновьев Андрей Степанович, которому исполнилось семьдесят девять лет. Родители Виктории не остались равнодушными к успеху дочери, они ею гордились. Это небольшое событие отметили в её квартире, пригласив Климовых и деда. В последний год они ещё больше сдружились.

Назаров позвонил Петровскому за пять дней до Нового года.

– Сергей Павлович, не перебивай меня и выслушай до конца. Я не могу пригласить тебя с семьёй за город, как не могу забрать и Серёжку, причину ты знаешь. Но у меня есть идея, как вы можете отдохнуть две недели в нашем посёлке. Ты можешь приехать и посмотреть на временное жилище? Я буду тебя ждать у своего дома часа в три.

– С удовольствием приеду.

Петровский приехал вовремя. Отношения между мужчинами были равными, но приятельскими назвать их было трудно. Если раньше Назаров старший был частым гостем в квартире Виктории, то в последнее время они почти не об-

щались. Подъехав к дому, оба вышли из машины.

– Начиная смотреть с улицы, а потом пойдём внутрь.

Сергей Павлович обошёл дом по периметру, осмотрел двор.

– Смотри, здесь даже лесная красавица на своём месте, – он был доволен предложением Назарова. Дом был с виду небольшой, двухэтажный с гаражом на две машины. – Воздух здесь звенит. Ты хочешь, чтобы мы провели здесь две недели?

– Тебе не нравится? Я бы приезжал в гости к внукам. Пошли внутрь. Одна спальня внизу, три наверху, – говорил Александр Иванович. – Посмотри, какая гостиная-столовая, а кухни как бы и нет, а она есть за дверью. Там и комната прислуги и кладовая.

– Мне нравится, а что скажет Вика, я не знаю. Она дежурит второго, пятого и восьмого. Сколько на дорогу уйдёт времени?

– Минут тридцать, но она может возвращаться с вечера перед дежурством. Зато вы можете пригласить сюда Климовых с отцом и отметить праздник вместе. Я преследую и свой интерес, да и детям здесь раздолье. Мы с тобой им и горку построим, и снежную крепость. Уговори Вику.

– Когда можно заезжать? – улыбнулся Петровский.

– С утра и заезжайте. Я тебя провожу другой дорогой, она чуть короче и выходит прямо на шоссе, минуя наш дом. Район здесь обжитой. Кругом коттеджные посёлки среди леса,

есть рядом три озера. Здесь даже школа рядом и два детских сада. Пешком минут пятнадцать, на машине доедешь за пять.

– Ты на что намекаешь?

– Не намекаю я ни на что. Хочу купить этот дом для Вики с детьми. Здесь двести тридцать квадратных метра – всем места хватит. В любое время года свежий воздух, участок небольшой, но есть даже небольшой сад, и двор приличных размеров.

– А ты о ней подумал? Дому хозяин нужен с руками. Что она одна будет в нём делать?

– А ты на что? До работы ей полчаса, по пути школа есть.

– А ты помнишь, сколько нам с тобой лет? Мне шестьдесят четыре, тебе – шестьдесят шесть. Сколько мы сможем ей помочь? Через пять-десять лет с нас песок будет сыпаться, а она будет работать на дом и бензин. Я согласен – жить в доме за городом лучше, но это при условии, что либо есть физическая помощь, либо финансовая.

– Сергей Павлович, ты не кипятись. Квартиру в городе можно сдавать в аренду, а Вику выдать замуж за приличного человека.

– Может ты и мужа для неё нашёл? – сердился Петровский. – Смотри, я могу и передумать с отдыхом.

– В кого ты такой взрывной? Мне Вика как дочь, и мне хочется видеть её счастливой, какой она была раньше. Скажешь, что я плохо воспитал сына. Я с тобой соглашусь. Его

нет, а Вика и ребята есть. Почему я не могу им помочь? Моя Ирина развелась с мужем, я не в восторге от этого, но это её жизнь. Мне хочется, чтобы её жизнь сложилась, чтобы и у Виктории она наладилась. Я тебя пригласил не ссориться, а предложить отдых и посоветоваться.

– Поговорим об этом, когда встретимся в следующий раз. Ты сам увидишь, как поведёт себя Вика в этом доме, и сделаешь свои выводы. Просто, не говори пока о своих наполеоновских планах. Ты предложил нам отдых, а мы его приняли.

– Договорились. Держи ключи.

Устроившись на новом месте, Петровские пригласили на Новый год Климовых и Андрея Степановича. Все вместе они замечательно провели зимние каникулы, проводя большую часть дня на свежем воздухе и принимая Назарова как почетного гостя. Накануне отъезда Назаров приехал с дочерью Ириной.

– Как вам отдых? – спросила она, снимая шубу и целуя Вику в щёку. – Дом понравился?

– И дом отличный, и отдых удался. Завтра возвращаемся на свою жилплощадь. Проходите. Ты знаешь, я, когда в первый раз в него вошла, очень удивилась. Было такое ощущение, что я была уже здесь. Понятно, что не в доме, а среди этого интерьера. Позже поняла, что некоторые вещи, мебель, освещение, всё дизайнерское решение напоминают нашу квартиру. Посмотри: стол и стулья как будто вывезли из квартиры, а в ящиках и шкафах посуда и приборы лежат так,

как я к этому привыкла. Я думала, мама постаралась, но нет. А обрати внимание, как расставлена мебель. Она другая, но не вычурная, а такая как стоит у меня.

– Я знаю, что тебе не нравятся роскошные диваны, кровати с вензелями и тяжёлые шторы с ламбрекенами, как в доме отца.

– Мне понравилось всё, и чувствовала я себя здесь комфортно.

– Вот об этом и поговорим. Я ставлю чайник, отец зовёт твоих родителей, а ты прочти вот это. Речь пойдёт о наследстве.

– Этот дом принадлежит Илье? – удивлялась Вика, читая документы.

– Он строился для вас, а когда был почти готов, вы развелись. Ни я, ни Тамара не претендуем на него. Дом – это наследство Сони и Сергея. Мы должны с тобой поехать к нотариусу и всё вовремя оформить. В феврале ребята вступят в права наследства. Извини, Сергей Павлович, что ввёл тебя в заблуждение.

– Как ты думаешь, Александр Иванович, во что ей обойдётся оформление этого наследства? Я оформлял полученное наследство и знаю, что влетает это в круглую сумму. А если учесть, что Вика его не сможет ни продать, ни обменять без разрешения опеки, – это такая головная боль.

– Не преувеличивай. У Ильи остались денежные средства и доля в бизнесе, на которые дети имеют право, из них и

заплатит.

– Я могу отказаться от наследства от имени детей?

– Можешь, но ты о детях подумай, – вмешалась Ирина. – Взвесь все «за» и «против». Дом новый и простоит ни один десяток лет. У тебя есть время. Попробуй порассуждать, принимая во внимание близость от города, развитие транспортного сообщения, наличие школы, а главное экологию.

– Почему он ничего не говорил мне о доме?

– Хотел сделать сюрприз. Он мебель завёз недели за две до трагедии. Сам приглашал ландшафтного дизайнера. Кустарники высаживали весной, а деревья и ёлку посадили года три назад. Плитку уложили летом. Тому, что растёт на заднем дворе – года три-четыре. Там будет прекрасный уголок для летнего отдыха. А всему, что перед входом – максимум год.

– А ты уверена, что в этом доме в роли хозяйки он видел меня?

– Ты сама почувствовала, что находишься среди знакомых вещей. Разве это не доказательство? Я думаю, что тебе стоит соглашаться. Оформите всё по закону, а жить вам в нём или сдавать решите между собой.

– С домом понятно, но доля Ильи в бизнесе его заслуга и она по праву принадлежит вам. Мы «переварим» всю информацию, а вы позвоните когда, куда и с чем мне подъехать. Лучше, если это будет после трёх часов дня, – обратилась Виктория к Назарову.

Проводив через час Назаровых, Петровские собрались на

«малый совет».

– Как тебе последняя новость, Танюша?

– Мне нравится и сама новость, и дом, и то, что Назаров оказался мужиком. О доме никто из нас не знал. Он мог не ставить нас в известность и сейчас, а через полгода сам вступить в права наследства.

– Видимо, он это и собирался сделать, но с расчётом, что сам подарит Вике и детям дом. Он намекал на это. Кто-то надоумил сделать проще. Викуся, а ты что молчишь? Ты хочешь переехать сюда?

– Не знаю. Теперь я ещё больше не понимаю поступков Ильи. С одной стороны, он заботится о семье, строит дом, а с другой стороны, скрывает, что роль любовницы играла обретенная не так давно племянница. Это как можно объяснить?

– Что значит племянница, которая играла роль? Объясни.

– После похорон Ильи, меня разыскала Марина. Да, та самая. Если верить её словам, она племянница Ильи, дочь младшего брата, и она никогда не спала с Ильёй. Выходит, измены и повода для развода не было, а он даже не пытался оправдаться, пусть и с опозданием. Как я должна к этому относиться?

– Прекрати ломать голову подобными вопросами! Теперь ничего не изменишь. Кто ему мешал явиться сразу после развода? Чего он выжидал и сколько собирался скрывать эту племянницу? Почему не взял её за руку и не привёл к тебе, если был чист? Он догадывался, что им кто-то манипули-

ровал. Почему ничего не предпринял? С него теперь какой спрос? – Петровский сердился. Он не мог рассказать дочери о разговоре с Ильёй, не напомнив ей о прошлом. – Во-первых, успокойся, во-вторых, дыма без огня не бывает. Какая теперь разница спал он с Мариной или с Машей, или с обеими сразу? У него не хватило духу сказать об этом в своё время или опровергнуть. Теперь девочка может говорить всё, что угодно, а ты будешь считать его обманутым, а себя виноватой. В чём? Всё! Постарайся вообще не думать о нём. Его нет! Остались одни сюрпризы. Оформляй по закону всё, что предлагают тебе Назаровы, а потом разберёмся. Думаю, к весне мы все созреем, – обнимая дочь за плечи, говорил отец. – Если сдать нашу с мамой квартиру в аренду, можно не переживать о коммунальных платежах. А не понравится жизнь на земле, вернёмся в каменные джунгли к первому сентября. Нам бы ещё свою квартиру в Питере продать, и можно жить лет пять спокойно и беззаботно.

– Пап, зачем она нам вообще нужна, если мы не собираемся туда возвращаться? Какими бы не были арендаторы, для них она чужое имущество. Позвони им и агенту, который работал с тобой. У тебя остались его координаты?

– Может подождать? Телефоны у меня есть, а жильцов жалко – плату перечисляют вовремя. Я позвоню, когда вернёмся в город. Танюша, а ты почему молчишь?

– Папа прав, Викуша. Тебе нужно простить Илья и отпустить. Что там было, чего не было, о чём он думал – всё это

он унёс с собой, – она вздохнула. – Питерскую квартиру нужно продавать. С каждым годом, Серёжа, это будет сделать труднее. Чего тянуть? Мы с тобой не молодеем. А вот жить в этом доме, я согласилась бы с удовольствием. Зимой здесь хорошо, а летом будет прекрасно.

Ирина Назарова приехала с сыном после работы поздравить племянников с днём рождения и вручить подарки. Серёже исполнилось шесть лет, а Соне два года. После ужина, за бокалом вина, молодые женщины делились новостями. Виктория решила поделиться с подругой своими «тревогами».

– Ира, мне Илья третий раз снится за неделю. Может на кладбище поехать?

– В этом случае нам дорога в церковь, а не на кладбище. Давай встретимся у храма в субботу, часов в десять утра.

Они встретились у церкви, поставили свечки за здоровье и за упокой, подали милостыню и поехали в кафе.

– Что тебя беспокоит, подруга? Легче не стало?

– Если он не придёт больше ко мне во сне, значит не о чем беспокоиться. Почему начал мне сниться через столько времени? Чего он хочет?

– А что говорит или делает?

– Просит, чтобы я позвонила Антону. Говорит так, что не понять искренне это делает или издевается надо мной.

– Антон – это твой старый друг, который прилетал на один день? Слова этого Антона тогда вызвали ревность брата. О

чём они говорили по дороге в аэропорт?

– Не знаю.

– А если прислушаться к просьбе Ильи и позвонить? Если Антон не женат и ты ему интересна, почему нет?

– Ты с ума сошла, Ирина? Пятнадцать лет назад он делал мне предложение, но я его не приняла. Мне не хотелось ехать в Богом забытый гарнизон. У меня были свои планы. Вышла замуж и не думала о нём. Да, он приезжал и просил меня позвонить, если мне понадобится его помощь, но я не могу это сделать, я даже не знаю, как я к нему отношусь. Это, мягко говоря, непорядочно с моей стороны. Что я ему скажу?

– Не передёргивай! Вы виделись меньше двух лет назад. Если он созванивается с твоим отцом, то знает многое о твоей жизни. Что плохого в том, что станешь его мечтой?

– Это неправильно. Даже если он ждёт, я не могу ответить ему взаимностью.

– Правильно, когда у женщины есть мужчина. А если он и есть твой мужчина? Одно то, что он не навязывает тебе своей любви, а терпеливо ждёт, делает ему честь. Начни со звонка, а там посмотришь. Поговори с отцом, узнай о его жизни и планах. Что ты теряешь?

– Я не хочу ничего менять в своей жизни. Вопрос закрыт! Лето мы проведём в доме на Просторной, осенью Серёжка пойдёт в школу. Как у вас дела?

– Отец отправил маму в пансионат, а сам помогает мне выкручивать бизнес. Ему морально тяжело, мне без него труд-

но будет справиться, а чужих мужиков к своему бизнесу я и близко не подпущу.

– Что будешь делать?

– Думать! Мне нужен свой человек, разбирающийся в бухгалтерии. Кандидаты есть, доверия у меня к ним нет. Жаль, что ты врач, а не экономист или бухгалтер.

– Кто на что учился, – улыбнулась Вика. – У нас с тобой нет проблем за исключением мужчин.

– Это твоя проблема, а я свою проблему давно решила.

– Ира, а какие специальности в нашем финансовом колледже? У меня есть кандидат тебе в помощники. Молодая, красивая, умная. Сейчас она работает оператором в банке, – Вика улыбнулась. – Я говорю о Марине. Будет у вас почти семейный бизнес. Почему тебе не рассказать о ней родителям? Возможно, её появление поможет Тамаре Васильевне.

– Издеваешься? Где ты с ней пересеклась?

– Я её больше не видела, но телефон сохранила. Тебе нужен помощник? Ира, я не шучу. Кто знает, может она тебе и подойдёт.

– Глупее предложения я не слышала. Это вино ударило тебе в голову?

– Обижаешь. Мне завтра на работу, даже если пойду пешком.

– Позвони мне, когда будешь свободна. Вы когда думаете переезжать? Или так и будете бывать там наездами?

– Не знаю. Родителям там нравится, и дорога не занимает

много времени, но как-то я «прикипела» к своей квартире, а там чувствую себя, как будто в гостях. Мне нужно ещё решить вопрос со школой, посмотреть, что она из себя представляет. А над моим предложением подумай.

В середине апреля Петровские «перебрались» на лето в дом, который «охранял» муж домработницы Назаровых. После зимы, в начале мая, здесь был настоящий рай. На деревьях и кустарниках появились первые листочки, зазеленели газоны, а в воздухе стоял запах хвои. Сергей Павлович собрал качели, сделал с помощью Александра Ивановича детскую площадку. Они запустили воду в маленький пруд, а по выходным выбирались на озеро на рыбалку. Посёлок не зря называли «Озёрный», здесь было сразу три озера.

Виктория выезжала на работу в начале восьмого утра и через тридцать минут останавливалась у клиники. После смены она, как правило, заезжала в супермаркет или на рынок и возвращалась в дом. В июле пошла в отпуск, отправив родителей с Серёжей в город на Неве.

– Пап, оставайтесь там столько, сколько сочтёте нужным. Ты решишь все вопросы с квартирой, а мама может навестить брата, взяв с собой Серёжку. У меня отпуск месяц и я с Соней справлюсь.

– Я решу все вопросы, а к Анатолию мы поедем все вместе дня на три-четыре. Пожалуйста, будь на связи.

– А ты не забывай о разнице в часовых поясах. Представь, что у тебя больше не будет «болеть голова» по поводу квар-

тиры.

Глава 13

Виктория заканчивала смену, зная, что сегодня они всей семьёй возвращаются в дом на Просторной. Это отец настоял на временном возвращении в город для подготовки Серёжи к школе. Мальчику исполнилось всего шесть лет и пять месяцев, но его желание пойти в школу было столь велико, что взрослые пошли навстречу. Собрав все необходимые справки и документы, Сергей Павлович вместе с внуком отвёз заявление в школу, где мальчик прошёл собеседование. Втроём они купили одежду для школы и всё, что требовалось для обучения. Серёжа идёт в первый класс местной школы, а семья окончательно переезжает на постоянное местожительство в посёлок. «Впереди две недели августа, а у меня – два полноценных выходных без дежурств. Успею и отдохнуть и помочь папе перевезти вещи», – думала Виктория, выйдя из отделения и направляясь к своей машине. Она нажала на брелок сигнализации, перевела взгляд с него на машину и растерялась. У машины стоял Антон.

– Привет! – он слегка коснулся губами её щеки. – Я – не привидение, я – настоящий, – улыбнулся он, протягивая цветы. – Это тебе. Мы можем где-нибудь посидеть и поговорить полчаса?

– Садись в машину, – Вика положила цветы на заднее сидение и заняла место водителя. – Умеешь ты огорошить!

Давно прилетел?

– Неделю назад.

– А почему я узнаю об этом только сейчас? У тебя здесь дела?

– Смотри на дорогу. Расскажу обо всём за чашкой кофе. Я в последнее время, когда еду пассажиром, испытываю к водителю что-то вроде ненависти. Так и хочется отправить его в автошколу переучиваться.

Остановив машину у кафе, Виктория прошла вперёд и заняла место за столом, внимательно наблюдая за Антоном. Он сделал заказ и тоже смотрел на неё. Они не виделись два года, но оба мало изменились, а вот взгляд у обоих был грустный. Так продолжалось, пока не принесли ароматный напиток.

– С чего начать повествование, Виктория Сергеевна?

– Начни с того, что привело тебя сюда, и почему не объявился раньше, если прилетел неделю назад.

– Я знаю почти всё о твоей жизни за эти два года. Стыдно признаться, но год назад я надеялся на твой звонок и очень ждал его. Когда осенью мама и отчим погибли в ДТП, у меня возникла идея бросить всё и приехать сюда. Мои друзья и сослуживцы не разделяли моего решения, а я его принял. У меня нет никого ближе тебя, – он замолчал.

– Ты похоронил маму в Североморске?

– Нечего было предавать земле. После столкновения автобуса и машины с бензовозом, который развернуло на трас-

се, машина загорелась. Температура была такая, что металл плавился. Мне вручили колбу с пеплом, который я позже развеял.

– Прости, что напомнила о прошлом. Мне очень жаль.

– Я не думал о том, как сложатся отношения между нами, я просто хотел быть рядом, быть другом тебе и твоим детям. У тебя очень смысленный сын, а Соню я едва узнал. За два года она выросла.

– Ты виделся с моими детьми?

– Вика, мне почти сорок лет. Разве я мог свалиться, как снег на голову? Да, я приехал тайком от тебя, но не от твоих родителей. Они меня и приютили. Так я второй раз познакомился с твоими детьми, – он накрыл кисть её руки своей ладонью. – Не переживай, я съеду как только получу документы на квартиру после сделки. И работу я уже себе нашёл. С понедельника меня ждут в отделение реанимации. Вика, пойми меня правильно: мой приезд ни к чему вас не обязывает. Я хочу общаться с твоей семьёй, но не стану навязывать своё общество. Думаю, ты убедилась, что я держу слово.

– Антон, я не сержусь. Скорее я удивлена твоим решением. Ты мог уехать куда угодно, а приехал сюда. Ты это сделал ради меня?

– Ради вас. Я в твоих глазах самонадеянный и нахальный тип?

Чтобы любить человека, не нужно его разрешение, и расстояние не важно, но лучше, если он находится недалеко, и

ты можешь быть почти рядом. Артём сейчас живёт и служит в Питере. Они с Юлей предлагали мне остаться там. Я бывал у них в отпуске, забегая к Софье Михайловне. Воспитывают трёх детей. Диане тринадцать лет, Лизе – десять, а Антону, как Серёжке шесть.

– А я потеряла связь с Юлей после переезда сюда. Звонки становились всё реже, пока не прекратились совсем. Здесь я нашла двух подруг в лице сестры Ильи и одной своей коллеги. Был ещё друг, сын папиного друга, но дружба не сложилась, хотя первое время он мне очень помог. Значит, мы будем работать в одной клинике? Как тебе удалось в неё попасть? – Вика была сбита с толку тем, что услышала.

– Отправил своё резюме на вакансию по электронной почте сразу в два места, теперь это не проблема, получил приглашение, но не был уверен на сто процентов в успехе. Выбор сделал уже здесь после собеседования. Мы и жить будем рядом. Я покупаю квартиру с мебелью и техникой в доме восемнадцать, а багаж жду в конце месяца.

– Антон, ты же молод и мог ещё служить ни один год.

– У меня выслуги, с учётом академии, больше двадцати лет. Пять лет назад меня списали на берег, я прошёл специализацию и служил в госпитале. Пенсию я заработал, ушёл на отдых в звании подполковника, родное министерство оплатит покупку жилья, а работу я уже нашёл. Не важно, где ты живёшь, важно с кем рядом. Ты относись ко мне не так, как к родственнику, приехавшему на неделю, которого можно по-

терпеть семь дней. Я здесь надолго и я твой друг, которому можно сказать всё в лицо и который готов тебе помочь.

– Я не знаю, что тебе ответить. Всё это очень неожиданно. У нас у каждого была своя жизнь, мы за эти годы оба изменились и нам придётся начинать дружбу заново.

– Люди не меняются. Меняется их отношение к сложившейся ситуации. Если человек лирик, он никогда не станет физиком. Хотя у каждого из них есть своя мечта и надежда. Я случайно наткнулся на строчки: «И пока корабли покидают порты – будут те, кто их ждёт. И пока разливается в небе закат – будет новый рассвет. И всегда будет тот, кто тебе очень рад и такие, кто нет».

– Ты стал романтиком?

– Я за два месяца, пока ждал увольнения, попал в зависимость интернета, почерпнул много полезного, но больше бесполезного. Прочитал больше, чем за тридцать лет сознательной жизни. Есть афоризмы и цитаты, которые актуальны во все времена. Послушай:

«Корабль, который не знает курса, никогда не причалит в нужном порту. Он так и будет качаться на волнах, пока не разобьётся о скалы. Жизнь имеет смысл только тогда, когда у неё есть цель». Я добился почти всего, чего хотел, но осталась ещё одна мечта.

– Ты знаешь, что мы к вечеру уезжаем за город?

– Знаю. Сергей Павлович с утра уехал на рынок. Вика, ты меня не слушала или не поняла? Я не стремлюсь, стать дру-

гом вашей семьи немедленно, не набиваюсь в вашу компанию, а моё проживание в квартире твоих родителей временное.

– Всё я поняла, Антон, и благодарна тебе за откровенность. Я не знаю, как сложатся наши отношения, но пусть они сложатся. Для начала я приглашаю тебя в нашу компанию. Посмотришь на нашу загородную жизнь, подышишь воздухом и познакомишься с моей второй семьёй. Не возражаешь? Поехали, договорим по дороге.

К удивлению Виктории, Антона приняли и Климовы, и дед, как давнего знакомого, с которым долгое время не виделись. Сергей Павлович представил его, как друга семьи. Приехавший Назаров старший застал Антона играющего с детьми, в ожидании ужина. Они даже несколько минут поговорили. Романов отвечал на все вопросы охотно, принимал участие в беседе и чувствовал себя как рыба в воде.

Через месяц Антон переехал в свою квартиру, пригласив семью Петровских на импровизированное новоселье. А они, после переезда Антона, выставили свою квартиру на продажу. Серёжа пошёл в первый класс, а Соня оставалась с Татьяной Ивановной. Антон, если не дежурил по выходным, проводил время в компании Вики и детей. Он быстро нашёл общий язык с Серёжей, а Соня всё чаще называла его папой. В один из выходных Антон приехал на маршрутке и привёз детям четырёхмесячного щенка овчарки и двухмесячного котёнка в одной корзинке.

– Принимайте в дом новых охранников, – весело сказал он, – но прежде придумайте им клички. Щенок по документам Эдем, но можно назвать иначе. – Антон открыл корзину, и началась «игра».

Было столько радости, что бабушка, противница животных в доме, пересмотрела взгляды и приняла новых друзей внуков. – Татьяна Ивановна, один проситься на улицу, второй приучен к лотку. В доме должен быть сторож и друг ребятам. В квартире содержать животных сложно и хлопотно, а в доме на земле должны жить кошки и собаки – это необходимость. Здесь вам и надёжная охрана, и отсутствие грызунов.

В этот же день, бабушка случайно услышала разговор внука с Антоном и передала его дочери:

– Почему Соня называет тебя папой, а ты отзываешься? Ты же знаешь, что наш папа умер.

– Серёжка, тебе скоро будет семь лет. Ты рассуждаешь как взрослый и помнишь отца. Соне трудно объяснить, что это не так. Она слишком мала и не может понять, почему у всех есть папы, а у неё его нет. Ей хочется этого.

– Я бы тоже этого хотел, – грустно сказал Сергей. – Ты мне нравишься. Не хочешь жениться на нашей маме?

– Не могу, Серёжа. Это от меня не зависит. Мама не выйдет за меня замуж. Я для неё просто друг. Ты не огорчайся. Хороший друг не хуже отца. Мой отец рано умер, меня воспитывала мама. Отца мне заменил наш сосед. У них в

семье были две дочери, а ему хотелось сына. Он меня многому научил. У тебя есть три деда, прадед и дядя, ну и я, в качестве старшего друга. Такой мужской компанией можно горы свернуть, – он обнял мальчика. – Я тебе твёрдо обещаю, что буду всегда рядом.

– Может мама передумает?

– Будем на это надеяться.

– Можно, я тебе буду звонить, когда буду скучать, а ты будешь приезжать к нам, когда не занят?

– Договорились. Записывая номер, первоклассник.

– Мама, что ты от меня хочешь услышать? Ты подумала, что я скажу сыну, если Антону быстро наскучит семейная жизнь?

– А если устроит? Чего ты боишься? Антон разумный человек, и, не думай он обо всём серьёзно, вряд ли приехал сюда.

– Не дави на меня, мамочка. Мне нравится отношение Антона ко мне и детям, я подумаю над твоими словами, но не торопи меня. Я не хочу наступать дважды на грабли, а всё к тому идёт. Знаешь, сколько у нашего завидного жениха тайных и явных поклонниц в клинике? Только ленивый не говорит о нём. Что он видел у себя на базе за эти годы? А здесь у него есть возможность осмотреться, выбрать молодую невесту, жениться, родить и воспитывать своих детей. Скажи мне, что в моих словах нет логики. Я верю, что его отношения построены на чувстве, возможно, он однолюб. Но

мне что делать со своими чувствами? Как я могу себя заставить его полюбить? Из меня плохая актриса и он сразу почувствует ложь. По-твоему, он этого заслуживает? Мне нужно время разобраться в себе и в нём.

– Хорошо, дочка. Я не буду больше заводить разговоров на эту тему. Антон, действительно, не заслуживает обмана. Ты заметила, что он приезжает только по приглашению и совсем не обижается, если я от его помощи отказываюсь.

Утром двадцать девятого сентября Виктория позвонила Ирине и поздравила её с днём рождения.

– Вика, я знаю, что сорок лет – это плохая дата, но хороший повод встретиться и познакомиться с твоим загадочным Антоном. Предлагаю просто поужинать в ресторане и пообщаться пару часов. У тебя как со временем? Пятница или суббота подойдёт?

– Я дежурю с пятницы на субботу, но до ресторана успею отдохнуть. Если Антон будет свободен, мы придём вместе.

Уезжая утром пятницы на работу, Виктория напомнила родителям о походе в ресторан, обещая приехать воскресным утром. Вечер в небольшом уютном ресторане с хорошей кухней и тихой музыкой удался. Ирине понравился Антон, о чём она тут же сообщила Виктории. Проводив Ирину и Влада на такси, молодые люди возвращались домой пешком. Им понадобилось минут сорок, чтобы дойти до дома Вики.

– Устала?

– Ноги гудят от каблучков.

– Ты говорила это после выпускного вечера в университете. Так и не привыкла к ним?

– Ты помнишь такие мелочи?

– Я помню все дни, проведенные с тобой. Да их было немного, но есть, что помнить.

– Знаешь, каблуки – это не моё. Понимаю, это вынужденная жертва, но приношу её крайне редко и неохотно.

– Поднимайся в квартиру и отдыхай, – Антон взял её за руку. – Мне тоже пора. Спасибо тебе за вечер.

– Остайся со мной, – Виктория сказала вслух то, о чём думала весь вечер.

– Повтори, – глядя ей в глаза, попросил Антон.

– Остайся, – повторила Вика и опустила глаза.

Он обнял её и прижал к себе. Они так и стояли пару минут, молчали и оба думали, что это, возможно, и есть начало их новой жизни.

– Пойдём домой, – предложил он, нежно целуя её в губы.

Переступив порог квартиры, Антон ещё какое-то время сдерживал себя, а потом потерял контроль над собой. Слишком велико было желание...

– Ты всегда будешь соглашаться со мной? – Вика смотрела на него с улыбкой на лице.

– Всегда. Соглашаться ещё не значит исполнять. Я могу согласиться, но сделать по-своему. Я понял, о чём ты. Вспомнила нашу первую близость? – улыбнулся Антон. – Это ты согласилась со мной и предложила раздеться, а я предложе-

ние принял.

– Странно, я думала, что забыла то время, но, оказывается, не просто помню, а в деталях. Иди в душ, а я соберу вещи. Тебе завтра на дежурство.

– Нашла о чём переживать. Если ты меня не выставишь до утра, встану раньше, забегу домой и переоденусь, в противном случае, кто обратит ночью внимание на «помятого», пусть и молодого, мужчину.

– Ты хочешь остаться?

– Хочу, но не до утра, а лет на двадцать пять-тридцать. Я хочу остаться не только в твоей постели, но и в твоей жизни. Как ты на это смотришь?

– Мы не будем жалеть о том, что поспешили? Ты приехал два месяца назад. Может, стоит ещё подождать?

– Тебе нужно время? Что ты подразумеваешь под словом «подождать»? Встречаться тайно или не встречаться вообще?

– Двум взрослым свободным людям глупо встречаться тайно.

– Вика, ответь мне честно: какую роль ты мне можешь дать: мужа или любовника? – Антон смотрел ей прямо в глаза.

– Мне не нужен любовник. Мне нужен отец детям. Это я при них, а ни они при мне. На роль отца ты подойдёшь как никто другой, – Вика выдержала его взгляд.

– Я думаю, мы договоримся, – он обнял её и прижал к

своей груди. – Сделаю тебе официальное предложение в понедельник, и попробуй его не принять, Виктория Сергеевна. Постарайся понять меня правильно. Я должен стать твоим мужем, прежде чем подать документы на усыновление – это закон. Мы можем не торопиться с регистрацией и жить вместе, ничего не объясняя родителям. А как быть с Серёжкой? Как ты объяснишь ему моё пребывание рядом с тобой? Я не могу не оправдать его ожиданий.

– Я знаю о вашем с ним разговоре.

Антон выполнил сказанное, но удивил её не предложением, а кольцом. Это было то самое скромное кольцо с фианитом, которое она не приняла пятнадцать лет назад.

– Ты его сохранил? – глаза Виктории стали «влажными».

– Я покупал его для тебя, и оно дождалось своего часа, – надевая на палец Вики кольцо, улыбался Антон.

Родители поняли, о чём речь. Виктория предложение приняла. Больше всех этому радовался Серёжа. Его интересовал только один вопрос: когда Антон переедет, и они будут жить все вместе?

– А что будешь делать с квартирой, Антон? – улыбнулся отец Виктории. – Ты и пожить в ней не успел.

– Продать я её не могу, а вот в аренду сдать – вариант. Буду пополнять семейный бюджет, но только после регистрации.

– Перебирайся к нам, а вопрос с квартирой решишь позже. Думаю, мы поладим.

Шестого октября после работы Виктория и Антон подали заявление в загс. Регистрацию назначили на шестое ноября, пятницу. После загса они поехали к Климовым поздравить с днём рождения Андрея Степановича, ему исполнилось семьдесят лет.

– Дедушка, у меня для тебя хорошая новость: мы подали заявление в загс. Через месяц я стану Романовой. Антон хочет усыновить детей.

– Хорошая новость, Викуша. Хочешь совет? Скажи об этом Назарову. Пусть он это узнает от тебя. Вы с ним в дружеских отношениях, а друзьям доверяют многое. Послушай старика.

Виктория прислушалась к совету деда и поговорила с Назаровым в первый его приезд.

– Александр Иванович, я замуж выхожу. Антон хочет усыновить ребят. Я хотела, чтобы вы это узнали от меня.

– Это хорошо, Вика. Ты заслуживаешь счастья. Пусть Антон будет им отцом. Какая разница Назаровы они или Романовы. Я, в этом случае, не перестаю быть их дедом?

– Вы навсегда остаётесь их дедушкой.

– Тогда послушай меня и пойми всё правильно. Выходи замуж, но не спешите с усыновлением. Я уверен, что ты это делаешь ради детей, а ещё я уверен в Антоне больше чем в тебе. Он давно и искренне любит тебя. А ты? Понимаешь, дочка, любить, ждать, надеяться – это хорошо. Но дождавшись понять, что став его, ты остаёшься чужой – это удар

ниже пояса. Это очень тяжело. Я понимаю, что после откровений Марины ты стала относиться к Илье по-другому. Но Ильи больше года нет, а ты и дети есть. Твой Антон разумный человек и даст тебе какое-то время. Но хватит ли надолго его любви без взаимности? Поживите год, он покажет, стоит ли создавать полноценную семью.

– Вы хотите сказать, что я не смогу, стать хорошей женой? – глаза Виктории стали грустными.

– Сможешь, если захочешь. Семья строится не только на любви, но и на уважении, доверии. Детей Антон теперь не бросит. Он прикипел к ним, они к нему. Серёжка только и говорит о нём. Только в случае развода, он будет добровольным помощником, а не принудительным. Всё, Вика, «упирается» в тебя. Не обижайся. Это просто совет. Если ты помнишь, я всегда был на твоей стороне. Мне хочется видеть тебя счастливой.

– Спасибо. Антон решительно настроен на усыновление детей и намерен заняться этим после регистрации, а у меня нет основания для отказа.

– Тогда смирись и позволь ему принимать решения.

– Как поживает Марина?

– Мы редко видимся. Я знаю, что её мать купила ей квартиру. Она живёт там с молодым человеком. Ирина по твоему совету взяла её на работу и пока довольна. Нам всем нужно время, чтобы принять друг друга. Хотя Тамара от неё в восторге. Ты меня на свадьбу пригласишь?

– Мы обязательно пригласим вас на скромный праздничный ужин. Место и время сообщу позже.

Не обошлось и без курьёзов. Стоило Виктории обратиться к заведующей с просьбой о выходных днях для регистрации, новость об этом разлетелась по клинике. Грачёв, который оставил её в покое год назад, через два дня вызвал к себе.

– Ты решила выйти замуж? И кто он, если не секрет?

– Доктор Романов из реанимационного отделения. Торжества не будет, поэтому я и не приглашаю коллег. Вас что-то ещё интересует?

– Доктор наук выходит замуж за ординатора – это нормально?

– Доктор наук выходит замуж за подполковника медицинской службы. У него достаточно времени, чтобы нынешняя гражданская должность стала на пару порядков выше, а я ему в этом помогу, – улыбнулась Виктория.

Через неделю, Виктория после смены встретила молодую женщину у своей машины, которую она видела в стенах клиники, но с которой не была знакома. Она без предисловий начала разговор:

– Меня зовут Анастасия. Виктория Сергеевна, зачем вам Романов? Вы его почти не знаете, а готовы выйти замуж. Бойтесь упустить последнюю возможность? Зачем ему ваши дети, если он может иметь своих? Вы сделаете его несчастным. Неужели вы этого не понимаете? Между нами гораздо

больше общего, вместе работаем, и гораздо больше подходим друг другу.

– А вы, значит, можете его сделать счастливым? – улыбнулась Виктория. – Каким же образом, если вы не сказали о чувствах? Мы знакомы с Антоном пятнадцать лет, но виделись редко. Он сам, что думает по этому поводу? – спрашивала она, заметив, что Антон подходит к машине.

– Привет, дорогая, – он поцеловал Вику в щёку. – Настю сегодня я уже видел. О чём беседа?

– О тебе. О предстоящем браке.

– А что об этом говорить? Я честно признался, что если когда и женюсь, то возьму в жёны только доктора Викторию Петровскую. Есть сомнения? – он взглянул на Анастасию. – Я всегда держу своё слово. Угомонись, Настя. Оставь свои больные фантазии, не мешай людям жить. Поехали домой, дорогая, там дети ждут.

А ещё через неделю Виктории стало «известно», что оба её ребёнка – это дети Романова. Ходили слухи и о том, что Илья оставил приличное наследство, а Романов, женившись на ней, этим воспользуется и бросит её. Все сразу забыли о том, что Вика была в разводе с Назаровым. «Когда бы о тебе узнали незнакомые коллеги и вспомнили знакомые? Дай людям насладиться и покопаться в чужой жизни, – посмеивался Антон над её реакцией на ложь. – Мне даже интересно, что будет в продолжении. Оказывается, я всё это время был твоим таинственным любовником».

Небольшой ресторан «Николь» арендовали на пятницу после регистрации. Были только близкие люди: Климовы, дед, Старковы, Назаровы. Прилетели из Питера Артём с Юлей. Они теперь жили и служили в городе на Неве. Антон все эти годы поддерживал с ними связь. Андрей Степанович Зиновьев был посажёным отцом Антона. Вечер в кругу друзей удался. Проводив всех гостей по домам на такси, молодожёны приехали в квартиру Антона. Здесь Викторию ждал небольшой сюрприз. Переступив порог квартиры, она на мгновение замерла. Квартиру освещали свечи, расставленные на полу «дорожкой», ведущей к контуру «сердца» из свечей в гостиной, а пол между ними был усыпан лепестками роз.

– Не очень ново, но красиво, – говорил Антон, принимая у неё пальто.

– Кто это сделал, если все были в ресторане? – обретя дар речи, спросила довольная Вика, проходя вперёд и замечая кровать, усыпанную нежными лепестками цветов. На столике стояла бутылка шампанского, фужеры и ваза с фруктами, а на тумбочках – вазы с цветами.

– Ты, действительно, большой романтик.

– Договорился с волшебником, он просто не мог мне отказать в такой день, – улыбнулся Антон, обнимая жену. – Все влюблённые романтики. Влюблённость – это как болезнь. Не знаешь, какой вирус её вызвал, но точно знаешь, что лекарства от неё нет.

– Народные средства или заговоры не пробовал? – глаза Вики сияли.

– Единственное средство – поцелуй любимой жены три раза в день и ещё на ночь. Болезнь переносится легче, позже становится хронической, но если не прекращать поцелуи, можно прожить лет сто. Мы будем с тобой жить долго и счастливо, – он подхватил жену на руки и бережно опустил на кровать. – Я люблю тебя...

Утром Викторину разбудил запах кофе. Антон умел варить кофе так, что вкус и аромат не оставлял никого равнодушным. При этом не выдавал рецепт и сам покупал кофе в зёрнах.

– Доброе утро, жена, – он вошёл с чашкой ароматного напитка в руке и присел рядом. – Выспалась?

– А я никуда не тороплюсь. Могу валяться в кровати полдня, – улыбнулась Вика и сделала глоток кофе.

– Первую половину дня ты уже проспала. Скоро пора обедать, дорогая. На часах четверть одиннадцатого, – улыбнулся муж и поцеловал жену.

– Антоша, ты можешь меня выслушать? – Лицо Вики стало серьёзным. – Я хочу, чтобы ты знал об этом.

– Слушаю тебя внимательно.

– Я заметила, как изменилось твоё лицо, когда ты смотрел фото в альбоме. Да, я много путешествовала. У меня была яркая, насыщенная, счастливая жизнь, которая позже превратилась в череду обмана. Ты на даты обратил внимание?

В большинстве своём они пятилетней давности. За последние три года их и десятка не наберётся. Не ревнуй меня к прошлому, – Виктория посмотрела в глаза Антона. – Пони-маешь, бывают такие моменты, когда тебе становится абсолютно всё равно, кто и что о тебе скажет или подумает, кто и как посмотрит, плевать с высокой колокольни на интриги и сплетни. Именно с этого момента начинается твоя новая жизнь с новыми силами и с новыми людьми. Знаю, как некото-рые воспринимают наш брак, но замуж я вышла не толь-ко из-за ребят. Моё чувство к тебе искреннее. Оно другое, новое и совсем не похожее на чувство к Илье. Ты как буд-то разбудил меня после долгого и не очень приятного сна. Именно так я и провела целый год. У меня, кажется, вырастают за спиной новые крылья. Ты мне нужен, Антон, очень нужен. Может это и есть любовь?

– Родители и дети нас могут потерять, но я не могу не оце-нить сказанного. Я рад, что моя Спящая красавица просну-лась. Знаешь, я давно не чувствовал себя таким радост-но-счастливым. Будем летать вместе, дай время крыльям вы-расти и окрепнуть. Как же я тебя люблю, Виктория Романо-ва...

Проводив Артёма и Юлю в аэропорт, супруги возвраща-лись домой, вспоминая рассказ об отношении детей в семье.

– Ты не будешь настаивать на рождении третьего ребён-ка, – Вика внимательно посмотрела на Антона. – В семье все дети разные, но они не могут быть друг другу чужими.

– К большому сожалению могут, особенно, если сводные. Я не буду настаивать на рождении третьего ребёнка. Более того, я не хочу этого ребёнка, – он остановил машину на обочине и вышел. Его примеру последовала Виктория.

– Романов, что тебя так расстроило? Присядь, поговорим, – Вика взяла его за руку и потянула за собой, присев на капот машины. – Почему ответ столь категоричный?

– Я не хочу, чтобы у наших детей был повод для ревности к нам и друг к другу, – он обнял Викторию за плечи и прижал к себе. – Я вспомнил своего брата и на собственной шкуре испытал всю «прелесть» сводного родства. Да, есть семьи, где сводные ближе родных, есть, где родные хуже чужих. Я всё это умом понимаю, но не хочу, и не буду проводить эксперименты в собственной семье. У нас с тобой двое детей и, дай нам Бог, вырастить, дать образование и воспитать их приличными людьми.

– Успокойся, ты будешь хорошим отцом. Я не хотела тебя расстроить своим вопросом, но, согласишься, я должна была знать об этом. Нам почти по сорок лет, а это не самый подходящий возраст для деторождения. Кроме того, есть вероятность зачатия двойни. И я, и твоя мама из двойняшек.

– Это ты меня извини, если был слишком категоричным. Слушая Артёма о взаимоотношении детей в семье, вспомнил своё детство. Судя по его рассказу, им приходится несладко. Диана девочка с характером, возраст подростковый, может остепениться. Славка тоже высказывал маме:

«Я вас просил его рожать?» – Антон замолчал.

– Садись на моё место, а я сяду за руль. Ты не думал о покупке себе машины?

– Зачем? Меня устраивает «извозчик» в твоём лице, а после дежурства в выходной, я прекрасно добираюсь на маршрутке. Если ты о деньгах, то они у меня есть и машину можно купить. А нужно ли? Первое время мне не нравился цвет твоей машины и салон. Но цвет я оценил – тебя пропускают все водители, несмотря на твой стаж вождения, а салон очень удобный даже для моих габаритов. У меня нет проблем с транспортом, – пытался пошутить Антон.

Они подъезжали к дому, когда заметили одинокую детскую фигуру у калитки.

– Почему Серёжка ждёт нас на улице? – заволновалась Вика.

– Серёжка, что случилось? – Антон открыл дверь, едва жена остановила машину. – Ты почему здесь один?

– Я вас жду. Дедушка мне разрешил. Там гости, а мне нужно с вами поговорить.

– Говори. Мы тебя с мамой слушаем.

– Вы поженились, и мама стала Романовой, а мы с Соней остались Назаровы. Разве так бывает в настоящей семье? Ты не будешь нашим папой?

– Обязательно буду, Серёжка. Я уже им стал, – подхватывая мальчика на руки, говорил Антон. – Почему ты начал сомневаться? Как только я оформлю бумаги, и ты, и Соня

станете Романовыми. Это дело непростое и хлопотное – нам всем придётся немного подождать. Мне не дали бы разрешения на ваше усыновление без брака с мамой. Мы дождались с тобой согласия мамы, дождёмся и решения опеки. Послушай, дело ведь не в бумагах, а в отношениях. Документы мы обязательно получим пусть и через месяц-два, а живём-то мы уже сегодня. Мы одна семья, Серёжка.

– Значит, я могу называть тебя папой, как Соня?

– Можешь! Ещё как можешь, Сын!

«Даже если ты ангел, всегда найдётся тот, кому не нравится шелест твоих крыльев» Китайская пословица